

русс
Р 89

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

РУССКОЕ
НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКОЕ
ТВОРЧЕСТВО
ПРОТИВ ЦЕРКВИ
И РЕЛИГИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

РУССКОЕ
НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКОЕ
ТВОРЧЕСТВО
ПРОТИВ ЦЕРКВИ
И РЕЛИГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 6 1

**Составление, вступительная статья и примечания
Л. В. ДОМАНОВСКОГО и Н. В. НОВИКОВА**

**Ответственный редактор
В. П. ВИЛЬЧИНСКИЙ**

РУССКИЙ АНТИЦЕРКОВНЫЙ ФОЛЬКЛОР

1

В русском народно-поэтическом творчестве, как и в фольклоре других народов мира, значительное место занимают произведения с антирелигиозной и антиклерикальной тематикой. К сожалению, эти произведения до сих пор не собраны воедино и не систематизированы. Они разбросаны по различным сборникам и государственным архивохранилищам. Не все из них в дореволюционные годы могли быть опубликованы по цензурным условиям.

Такое положение с материалом и его публикациями печальным образом отразилось на изучении самой темы. Специальных работ, раскрывающих на основе фольклора отношение народных масс к учению церкви и духовенству чрезвычайно мало. На отсутствие обобщающих исследований в области народной философской мысли, а также библиографии самих произведений обращал внимание В. И. Ленин. Он глубоко ценил и поощрял работу В. Д. Бонч-Бруевича, посвященную изучению русского сектантства, народных верований. «В. И. неоднократно говорил мне, — пишет В. Д. Бонч-Бруевич, — что, записывая и собирая среди народных масс рукописи, рассказы, сказания, легенды, изложения различных учений и тому подобные произведения, я делаю нужное и важное дело».¹

В. И. Ленин внимательно просматривал собранные исследователем материалы. «Вот удивительное дело, — говорил он, — наши ученые, все эти приват-доценты и профессора, — возятся над каждой философской брошюркой, никчемной статейкой, написанной каким-либо горе-интеллигентом, вдруг почувствовавшим философский зуд, — а вот здесь подлинно народное творчество, и его игнорируют, его никто не знает, им никто не ин-

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин об устном народном творчестве. — «Советская этнография», 1954, № 4, стр. 119.

тересуется и о нем ничего не пишут... Неужели не найдется охотника среди марксистов-философов все это рассмотреть и обо всем этом написать связанное исследование? Это обязательно нужно сделать. Ведь это многовековое творчество масс отображает их миросозерцание в разные эпохи».²

Для таких исследований В. И. Ленин требовал привлечения наибольшего количества материала. В свое время народ «самое важное, затаенное» мог и не сказать собирателю, видя в нем «барина». «Надо докопаться, — указывал Ленин, — до скрытых, тайных песен, плачей, сказок, сатир — они должны быть, и в них мы найдем много нового и, вероятно, особо ценного».³

Зарождение антицерковного фольклора относится к глубокой древности. Оно тесно связано с борьбой трудящихся масс против социального и духовного гнета и составляет одну из сильных сторон революционности русского крестьянства.

Светские власти и церковь, которая, по словам В. Г. Белинского, «всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма... поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми...»,⁴ сознавали боевую и грозную силу фольклора, направленного на борьбу за социальное и духовное раскрепощение человека. Они объявляли кощунственным и опасным все, что шло вразрез с господствующей официальной политикой и идеологией, и беспощадно преследовали любое проявление свободомыслия.

В древней Руси суровым осуждением и гонениям со стороны духовенства и социальных верхов подвергались скоморохи — народные бродячие певцы, музыканты, сказочники, пользовавшиеся исключительной популярностью и любовью у населения.

«Басни баять, песни петь и в гусли гудеть» осуждалось и запрещалось еще в XII веке. В XIII—XVI веках эти осуждения и запрещения засвидетельствованы в поучениях Серрапиона, епископа Владимирского, «Стоглаве» и других памятниках древнерусской литературы. В указе царя Алексея Михайловича (1649 год) повелевалось воеводам выявлять и строго наказывать «человецев», кои «сказки сказывают небывалые и празднословием, и смехотворением, и кощунением души свои губят».

В 1657 году преосвященный Иона, митрополит Ростовский и Ярославский, предписывал в Устюжском и Усольском уездах,

² Там же, стр. 119—120.

³ Там же, стр. 120.

⁴ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений т. X, Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 214.

а также в Соль-Вычегоде на посаде «учинить закон крепкой, чтоб отнюдь скомрахов и медвежьих поводчиков не было и в гусли б и в домры и в сурны и в волюнки и во всякия бесовския игры не играли, и песней сатанинских не пели, и мирских людей не соблажняли; а буде такие люди впредь объявятся и по указу сего святительного не послушают, поводчики с медведи учнуть ходити и скомрахи в гусли и в домры и в сурны и в волюнки и во всякие бесовские игры играть, и сатанинские песни петь, и мирских людей соблажнять, или мирские люди тех скомрахов и медвежьих поводчиков с медведьми в дома своя пускати, а ему великому святителя про то ведомо учиниться, и тем людям и скомрахом и медвежьим поводчиком быть от него святителя в великом смирении и наказании без пощады и во отлучении от церкви божи». ⁵

Гонение на народное творчество и его замечательных мастеров и исполнителей с неослабевающей силой продолжалось и в более позднее время. Известно, например, что в XVIII веке несколько песен оказалось предметом специального розыска следственных властей. За исполнение и распространение их песенники были строго предупреждены и наказаны «плетьюми нещадно». ⁶

О непрекращающихся полицейских преследованиях народных певцов и сказочников в XIX—начале XX века свидетельствуют многие собиратели — живые и непосредственные наблюдатели народной жизни.

Защищая помещичье-самодержавный строй, русская православная церковь особую бдительность проявляла к изданию сборников народной поэзии. Духовная цензура буквально свирепствовала, когда дело касалось объективного освещения народной идеологии и этики. За всю историю дореволюционной русской науки не было ни одного случая, чтобы при издании классических сборников фольклора не приходилось преодолевать прямое или косвенное вмешательство «отцов церкви».

Духовные цензоры преднамеренно задерживали издания ценнейших трудов по фольклору, требуя от их составителей изъятия «опасных и вредных» для общественного спокойствия материалов.

Так, сборник «Пословицы русского народа» В. И. Даля, дающий в отличие от тенденциозно составленного сборника на аналогичную тему И. М. Снегирева довольно правдивую кар-

⁵ «Вологодские губернские ведомости», 1838, № 33.

⁶ См.: А. Н. Пыпин. Дело о песнях в XVIII веке (1704—1764) — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. V, кн. 2, 1900, стр. 554—590.

тину русской народной жизни в ее сложном и противоречивом развитии, увидел свет лишь после семилетних мытарств. Главной причиной этого явилась духовная цензура в лице академика протоиерея И. Кочетова. Когда рукопись Даля в 1853 году поступила в Академию наук, Кочетов дал о ней резко отрицательный отзыв, указав, что «Академия наук в настоящем виде этот сборник издать не имеет возможности, ни приличия, ни даже безопасности ради». Он заявлял, что в труде Даля «есть места, способные оскорблять религиозное чувство читателей» и «весьма опасные для нравственности народной»; что достоинство этого труда может быть определено словами «бочка меду да ложка дегтю», «куль муки да щепотка мышьяку».

Среди многочисленных пословичных примеров из сборника, которые, по словам Кочетова, являются опасными для «нравственности и набожности народной» и с «огорчением» будут прочитаны «благочестивым христианином», в отзыве приводятся такие, как «Бога зови — и черта не гневи», «Богу угождай — и черту не перечь», «Богу свечу, а черту кочерга», «Поп с кадилом, а черт с рогатиной», «Бог не Никитка», «Часто кадишь, святых задымишь», «У бога и живых царей много» и другие. И. Кочетов не сомневался, что «все эти выражения употреблялись в народе, но народ глуп и болтает всякий вздор».⁷

Большой переполох в официальном мире наделал сборник А. Н. Афанасьева «Русские народные легенды», случайно миновавший духовную цензуру и вышедший отдельным изданием в 1858 году. Однако это не помешало митрополиту Филарету тут же обратиться с письменной жалобой к обер-прокурору «святейшего синода» графу А. П. Толстому и добиться запрещения сборника на долгие годы. «К имени Христа-спасителя и святых, — писал митрополит Филарет, — в сей книге прибавлены сказки, оскорбляющие благочестивые чувства, нравственность и приличия... Необходимо изыскать средства к охранению религии и нравственности от печатного кощунства и поругания».

Ряд цензурных изъятий был произведен из другого фундаментального труда А. Н. Афанасьева — «Народные русские сказки» (1855—1864), причем изъятия коснулись главным об-

⁷ Подробно об издании сборника пословиц Даля см.: М. Шахнович. Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок. — «Советский фольклор», № 4—5, 1936, стр. 320—325 и стр. 364—368 (приложения).

разом. текстов легендарно-апокрифического и антипоповского содержания.⁸

Третий сборник Афанасьева — «Заветные русские сказки», в значительной части состоящий из антипоповских произведений, мог быть напечатан только за границей (в Лондоне); он появился в свет со следующими выходными данными, явно обличительного характера: «Остров Валаам Типографским художеством монашествующей братии. Год мракобесия»..

Приведенные примеры (а число их можно значительно увеличить) характеризуют условия бытования, собирания и издания произведений антицерковного фольклора в дореволюционной России. Однако как ни сложны и ни трудны были эти условия, антицерковный фольклор продолжал жить и развиваться; преодолевая рогатки цензуры, он просачивался в сборники и оказывал безусловно плодотворное воздействие на русскую общественную мысль.

Значительное количество произведений с антиклерикальным и отчасти антирелигиозным содержанием вошло в упомянутые сборники Даля и Афанасьева, а также собрания И. А. Худякова «Великорусские сказки» (1860—1862),⁹ «Песни, собранные П. В. Киреевским» (1862—1874), Д. Н. Садовникова «Сказки и предания Самарского края» (1884), Н. А. Иваницкого «Материалы по этнографии Вологодской губернии» (1890), А. И. Соболевского «Великорусские народные песни» (1895—1902), П. В. Шейна «Великорусс в своих песнях... и т. п.» (1898—1900), Н. Е. Ончукова «Северные сказки» (1909), Б. и Ю. Соколовых «Сказки и песни Белозерского края» (1915) и др. специальные и периодические издания.

После Октября 1917 года антирелигиозный и антиклерикальный фольклор, навсегда освобожденный от полицейско-цензурного надзора, получил неограниченные возможности бытования как в устной, так и печатной форме.¹⁰ Он сыграл боль-

⁸ Об этом см.: В. И. Чернышев. Цензурные изъятия из «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева. — «Советский фольклор», № 2—3, 1935, стр. 306—315.

⁹ Не безынтересно отметить, что, когда цензура в сказке «Работник» (И. А. Худяков. Великорусские сказки, вып. 1. СПб., 1860, № 27) заменила попа на хозяина, собиратель, рискуя навлечь на себя большие неприятности, прибегнул к хитроумной уловке и восстановил истину: в списке «погрешностей», приложенном к последней книге (вып. 3), он указал, что в упомянутой сказке вместо х о з я и н следует читать п о п.

¹⁰ Достаточно сказать, что среди большого количества фольклорных сборников, составленных на основе записей пореволюционного времени, навряд ли найдется хоть один, в котором не был бы представлен в той или иной мере антирелигиозный или антиклерикальный материал. Из специальных сборников антологического характера назовем: Ю. М. Соколов. Поп и мужик. Изд. «Academia», М., 1931.

шую роль в борьбе с религиозными верованиями и предрассудками, в разоблачении классовой сущности церкви и духовенства. Уже в первые годы советской власти наряду со старым традиционным фольклором стали появляться новые антирелигиозные произведения. В пословицах тех лет о духовенстве говорилось: «Отчего мир пляшет, оттого монах (вар.: поп) плачет», «Хочет поп прежней воли, да мы ему не позволим», «Поп обманывал мужика без лени, пока мужику не открыл глаза Ленин» и т. д. Столь же непримиримый и разоблачающий характер носили произведения, связанные с коллективизацией страны, против которой духовенство часто выступало в союзе с кулачеством.

Антирелигиозные произведения 20—30-х годов, главное место среди которых занимала частушка, показывают, какой напряженной и острой была борьба нового, советского мировоззрения со старым. Освобождение от религиозных верований и привычек часто сопровождалось семейными конфликтами. Молодежь отказывалась ходить в церковь, исполнять религиозные обряды. Вот типичные для тех лет частушки:

Мать велела мне говеть,
А я как начну реветь:
— Не пойду на исповедь,
Дурой себя выставить.

Или:

Меня бабушка ругает,
Что я богу не молюсь.
Я смеюсь и отвечаю:
— В комсомолки запишусь.

Эти и подобные им произведения фольклора способствовали росту безбожия, борьбе за культурную революцию и новые формы жизни. Антирелигиозные частушки носят откровенный агитационный характер, разоблачают самые основы религии, вскрывают неприглядный облик служителей культа.

В послереволюционное время изменились условия бытования традиционных жанров русского фольклора. Постепенно из народного репертуара исчезали легенды и сказки с персонажами Христа и «святых», выступавших в условиях многовекового гнета в качестве защитников и утешителей обездоленных. Большое место стали занимать произведения, разоблачающие церковные «чудеса», хитрые поповские обманы, направленные прежде всего на увеличение доходов.

В новых фольклорных произведениях церковным «чудесам» противопоставляются научные знания, технические до-

стижения. «Не Микола да Илья пророк, а косилка да тракторок», «Не бог поможет, а наука», — говорят пословицы. За этим противопоставлением стоит борьба против вековой темноты, невежества, за духовное раскрепощение, социалистическое сознание советского человека.

Создателями антирелигиозных произведений, возникавших в советские годы, была в основном молодежь. Своим творчеством она обогащала традиционный русский антицерковный фольклор, усиливала его воспитательное значение.

2

В антирелигиозном и антиклерикальном фольклоре достаточно отчетливо отразилась одна из существенных и характерных черт мировоззрения русского трудового народа, преимущественно крестьянства. Эту черту постоянно отмечали русские прогрессивные деятели.

Еще А. С. Пушкин писал, что наш народ питает «презрение к попам и равнодушие к отечественной религии» и полон «насмешек насчет всего церковного».¹¹

В. Г. Белинский в известном письме к Н. В. Гоголю решительно указывал, что русское православное духовенство находится во всеобщем презрении у общества и народа, что поп на Руси для всех русских является представителем «обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства». «По-Вашему, — восклицал великий критик, — русский народ самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиетизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себе задницу. Он говорит об образе: годится — молиться, не годится — горшки покрывать. Приглядитесь пристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности».¹²

Аналогичный взгляд на отношение народа к религии выражал А. И. Герцен: «Русский крестьянин суеверен, но равнодушен к религии, которая для него, впрочем, является непроницаемой тайной. Он для очистки совести точно соблюдает все внешние обряды культа; он идет в воскресенье к обедне, чтобы шесть дней больше не думать о церкви. Священников он презирает как тунеядцев, как людей алчных, живущих на

¹¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 17.

¹² В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. X, стр. 215.

его счет. Героем всех народных непристойностей, всех уличных песенок, предметом насмешки и презрения всегда являются поп и дьякон или их жены.

Множество пословиц свидетельствует о безразличии русских к религии: „Гром не грянет — мужик не перекрестится“, „На бога надейся, да сам не плошай“». ¹³

В приведенных высказываниях Пушкина, Белинского, Герцена оттенена ведущая и определяющая тенденция в отношении русского народа к религии и духовенству. Однако эта тенденция не является единственной и исключительной, что наглядно и подтверждается материалами фольклора.

Русский фольклор сложен и противоречив, как сложна и противоречива та социальная среда, в которой он рождается и бытует. Наряду с прогрессивными демократическими традициями в нем сохраняются пережиточные моменты, обусловленные конкретными историческими условиями. В частности, фольклор содержит следы наивных верований в чудесное и сверхъестественное, отражает двоеверие, возникшее на Руси в результате принятия христианства (X век), имеет элементы церковной морали.

Одной из причин проникновения в фольклор консервативных черт является темнота, забитость, культурная отсталость угнетенных трудящихся масс в прошлом. Известное влияние на устное творчество оказала и идеология правящих классов, стремившихся воспитать трудовой народ в духе покорности, смирения, многотерпения, непротивления злу насилем. Религиозные предрассудки масс нашли отражение в легендах, духовных стихах и в таких пословицах и поговорках, как «Человек предполагает, а бог располагает», «Без бога не до порога» и других, бытовавших наряду с антицерковными произведениями фольклора.

Вскрывая противоречивость в мировоззрении пореформенного крестьянства, В. И. Ленин на первый план выдвигал сильные его стороны: жгучую ненависть к существующему порядку и «стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распоряжки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян». ¹⁴

Ленинское высказывание о том, что экономический гнет, бесправие «с неуловимой, стихийной неизбежностью» поро-

¹³ А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. VI, Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 211.

¹⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 183.

ждают в массах русского крестьянства «демократические настроения и стремления»,¹⁵ чрезвычайно важно для уяснения процесса становления и развития русского антирелигиозного и антиклерикального фольклора.

В основе этого фольклора лежит стихийно-материалистическое мировоззрение народа, органически связанное с окружающей конкретно-исторической действительностью. Фольклор утверждает то главное, что отрицает религия: законное право простого человека на земное счастье и достижение этого счастья путем борьбы, путем активного вмешательства в жизнь.

В антиклерикальных и антирелигиозных народных произведениях критикуются и высмеиваются догматы православной церкви, разоблачается наивная вера в потусторонний мир, вера в святых, различного рода «чудеса», выражается резко отрицательное отношение к служителям культа.

Народным сказочникам были непонятны и чужды библейские мифы, и они истолковывали их по-своему, нередко в шуточно-балагурном стиле, зло потешаясь над «святой святых» православной церкви.

В этом отношении весьма примечательным является народный анекдот «Священско писание», записанный С. А. Щегловым в Саратовской губернии в 1890-х годах (см. № 1 нашего сборника).

Описания событий, мест действия, характеры и поступки персонажей народных анекдотов и так называемых сказок-легенд во многих случаях лишь внешне связываются с библейскими и евангельскими представлениями. По сути дела, они противоречат этим представлениям и нередко оборачиваются против них едкой социальной сатирой или меткой пародией. Такой же характер имеют и некоторые пословицы и поговорки, например: «В тревогу — и мы к богу, а по тревоге — забыли о боге», «Нужда-богомолка» и т. д.

Этот внешне религиозный характер многих народных произведений по существу глубоко противоречит церковному учению о вечности религиозных представлений у человека и его якобы врожденном божественном чувстве. Тем более он противоречит утверждениям дворянско-буржуазной историографии об исконной и глубокой религиозности русского народа, русского крестьянства. Вот почему к произведениям подобного рода так настороженно и придирчиво относилась духовная цензура, не без основания усматривая в них «еретические», вредные мысли.

¹⁵ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 339.

Жестоким и грубым выглядит бог в сказках-легендах; он не всемогущ и не всеведущ, мстителен и эгоистичен. Так, на намерение дьявола спрятаться в раба бог ничтоже сумняшеся отвечает: «А что мне раб? Я и по рабу полосну!» («Спор», № 17).

Неосведомленность и бессилие бога обнаруживаются в сказке «Суд святых» (№ 20), где жалоба крестьян на нерадивость весеннего Николы остается без последствий. Некоторыми качествами бога-отца наделяется в сказках-легендах и бог-сын Иисус Христос. Вмешиваясь в сложную земную жизнь, он зачастую попадает впросак, оказываясь в чрезвычайно смешном и глупом положении.

Как-то раз Иисус Христос и архангел Гавриил под видом нищих пришли к избе одного богатого мужика и попросились на ночлег. Мужик пустил их, накормил обедками ужина. В благодарность за это они обещали ему обмолотить овин хлеба. «На другой день, — говорится в сказке, — хозяин встал еще до свету, собрался идти на гумно и будит нищих, чтоб они шли на работу. „Сейчас идем“, — сказали они, а между тем сами повернулись на другой бок и уснули. Хозяин подождал их на гумне, пришел с палкой и давай колотить крайнего, приговаривая: „За ужной обещались молотить, а теперь лежите!“. На краю лежал Иисус Христос. Когда мужик ушел, нищие переменились местами и опять легли. Мужик опять вернулся и давай колотить палкою того, который лежал на другом краю — опять Иисуса Христа. Нищие, наконец, встали и отправились на работу» («Разбогатевший мужик и нищие», Иваницкий, № 50).

Таким образом, Иисус Христос оказывается недальновидным и беззащитным существом, неспособным оградить себя даже от незаслуженных побоев.

Подобно богу-отцу и богу-сыну такими же изображаются в сказках святые, чаще всего Никола, Петр, Илья, Георгий. Они нередко ссорятся и враждуют между собой, мстят людям, не исполняют своих обещаний, совершают нелепые действия и т. п.

Просят, например, мужики у Ильи дождя. «Куда же послать?» спрашивает их Илья. — «Посылай туда, где пыль». Илья-то на ухо был туговат, не расслышал и говорит: «Ага, где был», — и послал дождь туда, где он недавно прошел. Мужики кричат: «Посылай туда, где просят!». А Илья: «Ага, где косят!». И послал дождь на сенокосы («Про Илью», № 23).

Н. П. Андреев отмечал, что изображение бога и святых в фольклоре нередко является «чрезвычайно реалистическим», что оно снижает «значение религиозных представлений», бла-

годаря чему «некоторые легенды могут служить материалом для антирелигиозной работы».¹⁶

Реалистические и сатирические черты с большей отчетливостью выступают в тех сказках-легендах, в основе которых лежит сюжет о пребывании героя (солдата, бедного мужика и т. п.) «на том свете».

Наделенный недюжинным умом, практической сметкой, смелостью, бесстрашием и упорством, герой открыто выражает перед обитателями «того света» свое недовольство и, обличая, высмеивая и даже одурачивая их, добивается исполнения своих желаний.

... В ворота рая настойчиво стучится душа умершего бражника. «Здесь бражники не водворяются», — отвечает апостол Петр. Тогда бражник напоминает Петру его прегрешения, и тот в «смущении» удаляется. То же происходит и с пророком Давидом и Иоанном Богословом. Боясь публичного разоблачения, святые в конце концов вынуждены отступить и открыть бражнику райские ворота («Как пьяница в рай попал», № 24).

Бывает и так, что герой не удовлетворяется ни раем, ни адом. В раю он дерзит богу и святым, занимается неположеными делами; в аду — муштрует чертей, пугает своими выходами самого сатану, заставляя последнего освободить из пекла весь «грешный народ».

Соглашаясь выполнить заветное желание героя — вновь очутиться на земле, сатана ставит перед ним единственное условие: оставить для его опустевшего ада «хоть сколько-нибудь народу». «Солдат задумался: каждого человека ему жалко, каждый человек дорог. Сел и думает. Глядит: идет монах, за ним идет поп. „А! Это, — говорит, — лишний народ!“. Выстроил их всех и отправил в ад» («Солдат на том свете», № 25).¹⁷

«Потусторонний мир», где, по христианскому учению, душа умершего человека должна занять уготовленное ей место, — в раю или аду, в зависимости от того, как вел себя покойный на земле, зачастую воспринимался народом как выдумка попов, на которую он и отвечал многочисленными сказками-небылицами, сказками-пародиями — то веселыми и добродушными, то злыми, задиристыми, острыми.

¹⁶ Н. П. Андреев. Русский фольклор. Хрестоматия, изд. 2-е. Учпедгиз, М.—Л., 1938, стр. 139.

¹⁷ Сюжетом «Соломон в аду» (Андреев, 804*) воспользовался М. Горький при создании своей оригинальной сказки «Яшка», проникнутой чувством гуманности и огромной любви к простому человеку.

«Обратите благоговейные взоры и горячие молитвы свои к небу, ибо за твердью небесной — грозное царствие божие», — настойчиво твердили в течение многих веков отцы церкви. А народ? Народ смотрел на небо, не испытывая перед ним никакого религиозного трепета; его взору представлялись совсем иные картины...

По чудесной горошине, выросшей из подвала избы, мужик забирается на небо и там, в заоблачной выси, находит обетованную страну, где имеется все то, о чем тосковала и мечтала в своей земной юдоли неприхотливая душа бедняка-крестьянина. Перед ним — хоромы, внутреннее убранство которых — одно загляденье. Среди хором — печь, а в печи «и гусятины, и поросятины, и пирогов — видимо-невидимо! Одно слово сказать — чего только душа хочет, все есть!» Голодный мужик, естественно, прежде всего «полез в печку, напился, наелся, насахарился», а затем прилег на лавку отдохнуть («Мужик на небе», № 27).

Другой герой сказки — чеботарь взбирается на небо не по горошине, а по высокой сосне и не с целью узнать, что там «деется», а с затаенной мыслью: выгодно сбыть свой товар, ибо он слышал, что «на небе все боги без сапогов ходят». Однако хваленое «небесное царство» вскоре разочаровывает чеботаря («Небылица», № 28).

Иногда герой ухитряется на небеса подняться «с заднего колеса», или его уносят туда «тихие ангелы» — «муха без брюха», «комар без хвоста», и т. п. (см. №№ 29—33). На небесах он обзирает диковинки, вроде церкви, сложенной из пирогов и блинов, покрытой лепешкой, образов из пряников, свечей из моркови, попа с толокненным лбом, соломенными руками и т. д., и совершает святотатственные с точки зрения церковной морали поступки: бьет кадиллом в лоб попа, «смякает» дьякона, ударяет о порог пономаря, запихивает за пазуху образа, кидает за окно свечи и т. п.

Герои многих сказок, подобно былинному Ваське Буслаеву, не веря «ни в сон, ни в чох, ни в птичий грай», потешаются над людьми, наивно верующими в загробный мир, царствие божие. Жертвами их шуток нередко являются глупый барин, поп, архиерей, богомольные старухи. Таковы популярные сказки на сюжет о воре Шабарше (Андреев, 950, см. в нашем сборнике «Как ангелы попа унесли», № 160) и «С того света выходец» (Андреев, 1540). В многочисленных вариантах последней группы сказок хитрые и бывалые люди (обычно солдаты), выдавая себя за выходцев с того света, легко обманывают суеверную деревенскую старуху, забирают у нее вещи, обещая непременно выполнить ее просьбу и доставить их ее

умершему сыну Дороне, который-де «у Христа боронит, весь оборвался».

Осмеяние религиозных представлений и невежества составляют одну из важнейших и характернейших черт русского фольклора.

Народные сказки и анекдоты в доступной и яркой художественной форме беспощадно вскрывают закулисную сторону различного рода церковных и прочих «чудес», показывая, что все это есть не что иное, как обман, грубое надругательство, шарлатанство, приносящее исключительные материальные выгоды их устроителям, главным образом духовенству. К такому роду сказок и анекдотов относятся: «Правда о святом Феодосии» (№ 45), «Святой Пантелеймон» (№ 46), «Святой Авраам» (№ 47), «Пятенка—просвятенка» (№ 48),¹⁸ «Как барину поп ворожил» (№ 50) и некоторые другие. В пословицах и поговорках прямо указывается, что «Без святой воды и ладону и доходу нет монастырю», «Монастырю без „явленной“, что портному без иголки». О мощах св. Сергия в Троицко-Сергиевской лавре говорится: «Один угодничек в гробу, а десять гробов золота в год зарабатывает».

Столь же иронически оцениваются в произведениях фольклора и другие церковные святыни, например иконы. «Из одного дерева икона и лопата», «Богов не сеют, не орут — их люди малюют», «Годится, так богу молиться, а не годится — горшки покрывать», — говорится в пословицах и поговорках.

Большой трудовой и социальный опыт сказался и в отношении народа к молитвам. Молитвы, обращенные к богу, не избавляли верующих от различных бед и угнетения. На своей горькой практике трудящиеся убеждались, что «Аминем лиха не избудешь», «Не поможет бабе кадило, коли бабу скосило», «Сколько ни молилась Фекла, не вставил бог стекла». Избавление от несчастий народ видел не в покорности «воле божьей», а прежде всего в своем труде. Пословицы и поговорки на эту тему прославляют не бога и его «милость», а трудовое величие человека, плоды его труда. «Боже, помоги! А ты на боку не лежи», — иронизирует пословица над верующим. «Бога зывай, а руки прикладывай». «Бог-то, бог, да и сам не будь плох», «Святой боже пахать не поможет», «Жилами не натянешь, то бог не даст», «Вози навоз, не ленись, так и богу не молись», «Прялка не бог, а рубаху дает», и т. д.

В народных произведениях разоблачаются и укоренившиеся суеверия, вера в чертей, различные приметы, ворожба, вскры-

¹⁸ Народный сюжет «Пятенки-просвятенки» лег в основу рассказа Г. И. Успенского «Пятница».

вается их реальная сущность. Таковы, например, сказки «Микола Дупленский» (№ 56), «Откуда черти брались» (№ 63) и другие. Острая сатира в подобных сказках переплетается с веселой шуткой над простаками, поверившими в столь очевидный для слушателей обман.

Само посещение церкви являлось для значительной части трудящихся тяжелой необходимостью. Духовенство еще в средние века постоянно жаловалось на запустение церквей, нерадение мирян и принимало различные меры, обязывающие прихожан посещать церковную службу, исполнять обряды. И. Т. Посошков рассказывает в своей «Книге о скудости и богатстве» о безразличном и даже враждебном отношении народа к религии и церкви в конце XVII—начале XVIII века. Это явление он склонен объяснить «нерадением презвитеров». «И так было, — пишет он, — до нынешняго 723 года в церквах пусто, что и в недельный день человек дву-трех настоящих прихожан не обретался. А ныне архиерейском указом, слава богу, мало-мало починаят ходить ко святей церкви. Где бывало человека по два-три в церкви, а ныне и десятка по два-три бывает по воскресным дням, а в большия праздники бывает и больше, и то страха ради, а не ради истиннаго обращения. И въпредь, аще подкрепления не будет, то вси по-прежнему ходить к церквам не будут, вельми бо в них вкоренилась раскольницкая ересь».¹⁹

Такое отношение к церкви отразилось в ряде пословиц и поговорок: «Три попа, а заросла в церковь тропа», «Нехай звонят, их на барщину не гонят», «Для чего в церковь ходить? Не завтра ее ломать, еще поспеем», и т. д.

Основой многих антирелигиозных сказок, народных драм, ипр, песен служит пародирование богослужения и связанных с ним религиозных обрядов. В древней Руси на основе этой традиции создавались особые литературные произведения типа «Служба кабаку», целиком построенные на пародировании церковной службы.²⁰

Сказки, как и другие жанры фольклора, свидетельствуют, что церковь в представлении мирян и совершающих в ней богослужение пастырей вовсе не является тем священным храмом, особым местом, где происходит таинственное общение верующих с богом. Церковная служба переводится на язык грубой реальной прозы, в церковном богослужении вскрываются

¹⁹ И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве. Ред., вступ. статья и примечания Б. Б. Кафенгауза. Соцэкгиз, М., 1937, стр. 106.

²⁰ См.: В. П. Арианова-Перетц. «Праздник кабацких ярыжек». Пародия-сатира второй половины XVII века. — Труды отдела древнерусской литературы, т. I, Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 171—247.

основные стимулы поповской профессии. Под видом богослужения церковники обсуждают в сказках пропашку табакерки, ведут перебранку из-за неправильного дележа краденой телки или коровы, иногда даже в присутствии потерпевшего, и т. д. Во время службы поп больше всего озабочен вопросом: «Не идет ли кто, не несет ли чего?» (ср. № 15).

Жадность и глупость попов связываются с невежеством сельского духовенства. Мотивом многих сказок является хитрое вручение взятки архиерею, приехавшему по просьбе прихожан проверять службу безграмотного попа-крестьянина («Поп Пахом», № 75). Низкий культурный уровень духовенства — распространенное явление не только в древней Руси, но и в более позднее время. Нередко в духовное звание посвящались крестьяне и даже беглые крепостные.²¹ Многие помещики во второй половине XVIII века имели священнослужителей из своих же крестьян.²²

Из произведений фольклора видно, что порядок богослужения в народе был усвоен чрезвычайно поверхностно, проповеди на темы священного писания вызывали иронию и веселую шутку (см.: «Поп завирало», № 5, и др.).

Народное понимание «греха» часто шло не от схоластического учения церкви, а от повседневной трудовой практики. Так, крестьянин в сказке «Как мужик согрешил» (№ 13) считает грешным молиться богу тогда, когда надо убирать в поле жито. «Мужик не проказник, работает и в праздник», — говорит пословица. Герой сказки или песни часто превращает исповедь в своеобразное состязание с попом в определении меры прегрешения и следуемого наказания. Это состязание часто заканчивается одурачиванием попа, посрамлением церковной морали и нравственности духовенства (см.: «Цыган на исповеди», № 69, «Поповские хомуты», № 70, и др.).

Пародировались не только церковный обряд в целом, но и отдельные песнопения и молитвы. На их мотивы создавались резко сатирические народные произведения. Широко этот прием был использован в рабочей поэзии конца XIX—начала XX века. Различные молитвы и акафисты разоблачали царя Николая II, генерала Трепова, Григория Распутина и т. п.

Народ рано осознал и отразил в своем творчестве связь церкви со светской властью. Уже в былине о «Соре Ильи Муромца с князем Владимиром» церковь выступает в роли защитника княжеской власти, богатых. Попы, архиереи пируют вместе с Владимиром. Илья Муромец, обиженный князем,

²¹ А. П. Щапов, Сочинения, т. I, СПб., 1906, стр. 369.

²² Н. Кедров, Духовенство и воинская повинность. — «Русский архив», 1888, № 5, стр. 0129.

сбивает с церкви кресты и золотые маковки, закладывает их в кабаке и устраивает пир с городской беднотой.

Широко эта тема представлена в пословицах и поговорках, сказках и особенно в рабочем фольклоре. В некоторых сказках, типа «Как на мужика хомут одели», социальный гнет и неравенство связываются с религией, с деятельностью попов, сумевших затемнить сознание народа. Эта же мысль выражена и в ряде пословиц: «Богом барину телятина жарена, а мужику — хлебушка краюха да в ухо», «Кто сыт, тот у бога не забыт», «Где земля для мужичка хороша, там царь монастырь поставил», и т. д.

Узаконенные учением церкви социальный гнет и неравенство вызывали у народа решительный протест, стремление изменить эти несправедливые порядки. Не видя путей к избавлению, чувствуя себя бессильным и одиноким в борьбе с социальным гнетом, народ выражал свое отчаяние в пословицах, типа «К небсам высоко, в реку глубоко, а приходит вертеться, как некуда деться» или «До царя далеко, до бога высоко». Народ обрушивал свой гнев на духовенство, расправляясь с ним во время восстаний как со своим кровным врагом.

Огромные земельные богатства и денежные накопления, широкие права и привилегии, даровой крепостной труд, безграничная возможность его эксплуатации — все это создавало предпосылки для праздной, паразитической жизни служителей культа уже в древней Руси. Жизнь духовенства никогда не имела ничего общего с церковным идеалом, требующим отречения от «благ жизни».

Разоблачение нравственного облика духовенства — лицемерия, внешнего благочестия, пьянства и распутства — издавна стало одной из ведущих тем русского антиклерикального фольклора. На них в первую очередь были обращены многочисленные «глумы» и «кощуны» веселых скоморохов. В былине «Высота ли, высота поднебесная» обличается «беззаконство великое» монастырской братии:

При царе Давиде Евсеевиче,
 При старце Макарье Захаровиче
 Было беззаконство великое:
 Старицы по кельям — родильницы,
 Ченцы по дорогам — разбойницы.
 Сын с отцом на суд идет...²³

Разоблачение жизни монашества не являлось для народа отвлекающей темой. В фольклоре отражена та напряженная

²³ Древние русские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 260.

классовая борьба, которую в течение ряда веков вело русское крестьянство с монастырями как феодалными собственниками, на землях которых трудились тысячи крепостных.

«Монастырщина, что барщина», — говорит старинная половица. Положение церковных (монастырских, архиерейских и др.) крестьян во многом было хуже положения частновладельческих. Они несли многочисленные повинности и платежи в пользу церковных владельцев, выполняя, кроме того, целый ряд государственных обязательств. Церковные власти вмешивались во все детали барщинных работ, стремились как можно больше выжать из труда крестьян. Они умышленно опутывали жизнь народа всякими правилами, постановлениями и запрещениями. За каждое их нарушение или ослушание брали многочисленные штрафы. Особенно строго каралось ослушание во время полевых работ. В таких случаях «смирляли монастырским смирением», т. е. подвергали самому тяжелому монастырскому режиму и церковному покаянию. Насколько суровым и бесчеловечным было такое «смирение», видно из жалобы крестьян Новоспасского монастыря, в которой рассказывается, что архимандрит «держит их в цепях и железах недель по пяти и больше и, держав, бьет плетью, палками, пинками, смертными побоями и, бив паки, бросив в тюрьму, мучит голодною и студеною смертью...»²⁴

Народных произведений, в которых бы раскрывалось положение крестьян на монастырской барщине, почти не сохранилось.

После секуляризации вотчин духовных владельцев в 1764 году такие произведения перестали быть актуальными: феодальная зависимость крестьян была ослаблена, и они перешли в разряд государственных и стали называться «экономическими».

Отзвук монастырских феодальных отношений слышится в игре «Ой, девушки, вы толубушки» (№ 196). Девушки, которых игумен обязывает ухаживать за животными, — это не монахини, а рядовые монастырские слуги. Их положение было схоже с дворовыми людьми в помещичьих имениях. Поэтому ответ девушек игумену так напоминает ответ слуги барину в известной сказке «Афонька». Очень показателен в игре запрет игумена скакать и плясать. Это одно из строгих правил, касающихся обрядовой жизни монастырских крестьян. Девушки и молодые женщины даже за катание на санках в ма-

²⁴ В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в царствование Екатерины II, т. II. СПб., 1901, стр. 211.

сленицу наказывались плетью вместе с их родителями, мужьями и братьями.²⁵

Многие народные произведения раскрывают бесчисленные пороки и безобразия монастырской жизни. В сказках, песнях, пословицах и поговорках рассказывается о стяжательстве, корыстолюбии, любовных похождениях монахов и монахинь, о беспробудном пьянстве и обжорстве. Такие произведения, как «Чурьялья игуменья», «Старец Игренище», «Стрелецким ребятам полюбился монастырь», перекликаются с антицерковными новеллами Бокаччио, фацециями Поджо Браччолини.

Разгульная жизнь монахов не раз обращала на себя внимание правительства. Патриарх Иосиф в 1649 году жаловался, что в монастырях совсем «оскудело иноческое житие; архимандриты, игумены и старцы вовсе не заботятся о церковной службе и всегда пьяны».²⁶ В 1732 году синод в своем указе вынужден был констатировать, что «многие монахи не только внутри монастырей не очень исправны, но исходя из монастыря, ведут себя бесчинно и тем подают соблазн к развращению».

Глубоко чуждым и противоестественным остался народу сам институт монашества. Пострижение в монахи воспринимается как большое горе. «Постриженный — что отпетый», — говорит пословица, — «Бедному в мире голодно, зато пригодно, а в монастыре сытно, да что в саване», «От беды не в чернецы», «Черные ризы не спасут, а белые не погубят». Песни, в которых рассказывается о разочаровавшемся в монастырской жизни монахе, стремящемся вырваться на волю, возвратиться к мирским радостям и обычаям, получили широкое распространение в народе.

Чрезвычайно злободневной в антиклерикальном фольклоре, в особенности в ближайшие два века, была тема сельского духовенства. Вместе с баринном и чиновником поп выступал в роли эксплуататора крестьянства. Крестьяне обязаны были на свой счет содержать и попа, и весь сельский причт и особо платить за различные обряды и требы.

Экономическая зависимость крестьян от своих духовных пастырей раскрыта в целом ряде народных песен, сказок, пословиц и поговорок и даже загадок. В них отразилось отношение народа к поповской «профессии», отмечаются постоянное

²⁵ А. Доброклонский. Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII в. М., 1888, стр. 121.

²⁶ «Вестник Европы», 1870, № 4, стр. 468. В образных красках беспутную жизнь монахов описывают иностранцы, посетившие Россию, — см.: Л. Рущинский. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI—XVII вв. СПб., 1871.

стремление духовенства жить за чужой счет, не знающая предела алчность и лицемерие попов. «Родись, крестись, женись, умирай — за все попу деньги подавай», — говорит пословица. «Кто с живого и мертвого дерет?» — спрашивает загадка. «Мужик у тошно, а попу в мощно», «Поповский норов себе норовит», «У попа не карман, а мешок», и т. д. В песнях часто встречается мотив отказа умирающей женщины от приглашения попа, так как «и попы, и дьяки из денежки бьются».

Повседневное наблюдение за жизнью духовенства, его моральным обликом, семейными отношениями побуждало народ изображать попа в резко сатирическом, а иногда и морализирующем плане. Так, в сказке «Кирик» (№ 109) поп в наказание за жадность обрастает козлиной шкурой.

По своему положению проповедника христианской нравственности — воздержания, целомудрия и прочего — поп должен был быть образцом этих добродетелей. Произведения народного творчества с особой силой подчеркивают прямо противоположные качества духовенства. В сказках и песнях поп предстает не только скарредным и жадным, но и глупым, обжорой, пьяницей и сластолюбцем. Рассказы о его любовных приключениях полны особо пикантных подробностей. Яркую роль в сказках о любовных похождениях попов играет батрак. Он или раскрывает обманутой стороне шашни супруга, или является инициатором хитроумной и злой мести.

Сказки о поповской глупости по своей классово-психологической сущности должны быть сопоставлены с распространенными сказками о барине-глупце. Нередко поп и барин подменяют друг друга в различных вариантах сказок на один и тот же сюжет. В этих произведениях мужик или попов работник почти всегда торжествуют над баринном или над попом.

Резко отрицательное отношение высказывается не только к самому попу, но и ко всему его семейству. Особенно широко эта тема представлена в детском фольклоре, сохранившем в отдельных случаях репертуар древних скоморохов.

В. И. Ленин в статье «О значении воинствующего материализма» писал, что народным массам «необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.».²⁷

Одним из таких неиспользованных до конца источников антирелигиозной пропаганды являются произведения русского

²⁷ В. И. Ленин, Сочинения, т. 33, стр. 204.

антицерковного фольклора. В них в яркой и доходчивой художественной форме запечатлелись свободомыслие русского народа, его стихийно-материалистические взгляды, борьба за духовное и социальное раскрепощение.

* *
*

Настоящий сборник представляет первую попытку создания многожанровой антологии русского антирелигиозного и антиклерикального фольклора. В него входят как печатные фольклорные материалы, так и рукописные, выявленные в государственных архивохранилищах.

Тексты в сборнике располагаются по отделам, в зависимости от содержания. Прикрепление текста к тому или иному отделу в ряде случаев носит условный характер, поскольку некоторые произведения не имеют четко выраженных тематических границ.

Фольклорные произведения, за небольшим исключением, публикуются в одном варианте при минимальной редакторской правке, касающейся главным образом отдельных фонетических особенностей местного говора.

В примечаниях указываются паспортные данные: кем, когда, от кого, где записан текст, где напечатан или из каких источников извлечен. Полнота паспортных данных зависит от наличия их в источниках. Ссылки на варианты для сказок даются по Указателям сказочных сюжетов Н. П. Андреева и В. Я. Проппа.

Сборник рассчитан на широкие круги советских читателей, а также на пропагандистов и агитаторов.

*Л. Домановский
Н. Новиков*

І. СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ, БОГ И СВЯТЫЕ. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О РАЕ И АДЕ

1. «СВЯЩЕНСКО ПИСАНИЕ»

— Ты читал что ли, Емеля, священско писание?

— Куды мне — я безграмотный.

— Уж и гоже же там прописано!

— А ну-ка расскажи, Кузя! Я никогда не слыхал.

— Видишь ли, брат, на первой странице ничегошеньки не прописано, на второй — чуть-чуть дождик нажрапывает. А как третью перевернешь — тут дождик-от уж в руку толщины: нынче сорок дней, сорок ночей лупит да завтра сорок дней, сорок ночей, — и сделался, брат ты мой, всемирный потоп. Тоже там и про Адама с Евой прописано, как они в раю жили...

— За что же оттуда их выпнали?

— Знамо за что, старо зашло... Знамо, баба! Раз пришел к ним в рай-от андел, а Ева-то сидит на бревне, поет саратовскую да семечки погрызывает... Увидал андел, что беспорядки, — сейчас оттеля в шею их... Рази будут такую сволочь там держать! Сейчас опять Каин Авеля убил. Ну, известно, приехал становой, следствие производить. Туды-сюды, а Каина и след простыл. Так становой-от и отписался, что Авель от неизвестной причины помер.

Вот еще столпотворенье... Много уж выклали люди башни-то, да тут, вишь ты, какая вещь произошла: взял бог и перемешал у людей языки. К примеру, твой язык ко мне попал, а мой язык к тебе попал. Ты говоришь: «Принеси мне воды», — а он тебе тащит земли. Он говорит: «Тащи камень», — а ты ему — топор... Ты ему в брюхо, а он тебя в ухо... Потеха, брат!..

2. КАК СОЛДАТ ОБУЧАЛ «ЗАКОНУ БОЖЬЕМУ»

В некотором царстве, в некотором государстве, на ровном месте, как на бороне, при царе Митрошке, когда народу было трошки, так что снег горел — его соломою тушили; кому не любо, тот не слушай, только врать мне не мешай; кому не

вкусно, тот не кушай, есть другим не запрещай. Это еще не сказка, а только присказка.

А сейчас начнется сказка.

Некий солдат задумал помолиться богу, и пошел он в церковь, но не попал он в русскую церковь, а в польский костел. И видит: все сидят с книжками. А у него книжки не было. Пошарил он по карманам — вместо книжки попались ему карты. Он вынул их из кармана и начал вместо книжки перекладывать. Заметив такую вещь, другой солдат сейчас подсел к нему, и свалились с ним в очко. Фельдфебель первого солдата все это дело за ним наблюдал. Пришел он в роту и ротному доложил.

Наутро ротный вызывает этого солдата. Называет его по фамилии:

— Ну, скажи-ка, дуралей, как это ты в польском костеле в карты играл?

— Не играл я в карты, а одного гражданина закону божьему учил.

— Как, закону божьему? Выкручивайся теперь, а то наказан будешь.

— Вот, господин ротный, учил я его так, что туз означает единого бога; двойка означает бога-отца и сына; тройка означает святую троицу; четверка означает святую троицу и человека; пятерка означает то, что бог в пять дней сотворил видимое и невидимое; шестерка означает шесть дней в неделе рабочих; семерка — неделю; восьмерка — Ноя с женою и его трех сынов с ихними женами; девятка означает «в руки твои придет дух мой», т. е. Христос помер в девять часов; десятка означает десять заповедей господних, данных богом Моисею на горе Синае; четыре короля — четыре евангелиста: Матвея, Марка, Луку и Ваня; четыре краля — означает: три из них — жены мироносицы, четвертая Мария Магдалина — пришли помазать тело Христово во пробе; три вольта — три разбойника, распятые с Христом на кресте; двенадцать карточных фигур означают двенадцать месяцев в году; пятьдесят две карты означают пятьдесят две недели в году; триста шестьдесят пять очков — триста шестьдесят пять дней в году означают.

Ротный его спрашивает:

— А четвертый вольт что значит, который ты откинул?

— А это, ваше благородие, означает-то Иуду-предателя или же фельдфебеля, который ложно показал на меня.

Ротный и говорит:

— Молодец! На тебе на чай и иди еще три дня гуляй.

Вот какой солдат был.

3. ВЕСТОВОЙ У ГЕНЕРАЛА НА ВЕСТЯХ, ИЛИ СОЛДАТСКОЕ «ОТЧЕ НАШ»

В одно прекрасное время солдат находился у генерала на вестях в передней комнате. Закурил трубку и говорит:

— Эх-ма, плохая моя доля! Разуму хотя и много, да денег нет ни гроша.

А в это время генерал находился в кабинете, занимался письменными делами и услышал, как солдат обижается на свою долю.

Любопытство подстрекнуло его спросить, и он вскричал:

— Вестовой, поди сюда!

Вестовой подходит и говорит:

— Что изволисте, ваше превосходительство?

— Что ты за умница такая, что у тебя разуму много?

— Конечно, много, ваше превосходительство! Я на каждый вопрос могу отвечать и ни в чем не запнусь.

— Хорошо, посмотрим, как отвечать-то будешь.

Генерал начал спрашивать вестового:

— Послушай, вестовой, почему это так: бог сотворил небо и землю и всем управляет, ему должны все повиноваться и исполнять его заповеди, а мы говорим ему «ты», а не «вы», а начальникам «вы»?

Вестовой отвечал:

— Вас, чертей, много, а бог один, поэтому и говорим ему «ты», а не «вы», ваше превосходительство.

Генерал отвечал:

— Хоть ты и правду говоришь, но лично оскорбил меня, за это тебе грех будет.

— Эх, ваше превосходительство, горе теперь грехи искать: грех скончался, правда сгорела, правосудие убежало, добродетель ходит по миру, роскошь под арестом, закон на пуговицах, верность на аптекарских весах, надежда с якорем на дне моря, да и терпение скоро лопнет.

Генерал подумал да и говорит:

— Вижу, на словах-то ты ловкий, как на деле-то будешь...

Вестовой отвечал:

— Я и на деле такой же, ваше превосходительство. Извольте спрашивать о полковнике или генерале, я на все буду отвечать словесно; молитвы, заповеди в особенности, как дважды два, много лучше соборного пономаря отвечу, без запинки.

— Хорошо, посмотрим, как-то отвечать ты будешь. Читай-ка мне хоть... «Отче наш».

— Извольте слушать, ваше превосходительство.

Вестовой начал читать:

Когда солдат в строй вступает,
Тяжко вздыхает и говорит:

Отче наш,

Румяная заря играет,
Рота командира ожидает, —

Иже еси.

Шумит, гремит,
Рвется, как

На небеси.

Подайте палок и плетей
Для солдатских плечей!
От солнечных лучей

Да святится.

Тогда солдат солдата
По приказанию начальства
Бьет и в уме своем клянет

Имя твое.

Потом входит к ним фельдфебель,
Кричит: «Стройся, равняйся,
Смотри на начальника бравей!».

Да придет.

Теперь вся рота наша в отряде.
Командир наш помрет —
Будет во аде,
Тамо же будет

Царствие твое.

Вот здесь командуешь нами,
А там будешь командовать чертями,
Над ними

Да будет воля твоя.

Там будешь более в почете,
Нежели у нас в батальоне или роте,

Яко на небесех.

Хоть ты не более червя,
Который пресмыкается

И на земли.

Провиант наш ты на что меняешь?
У нас последнее отнимаешь,
Ведь это —

Хлеб наш насущный
Царь нам от казны отпускает, —

Даждь нам днесь.

А если мы перед тобой в чем провинились
Или на службу не явились,
В кабаке просидели —

Остави нам.

А что вы муку нашу продаете,
А денежку в карман кладете,
Это за вами

Долги наши.

Хотя вы мукой не торгуете,
Ничем не барышуете,

Яко же и мы оставляем,

Если с нами честно разочтуетесь
И во всем нас удовлетворите.
А если по-прежнему, то будете

Должниками нашими.

А командир наш до самой смерти
Смотрел на нас сурово —
Не дай нам бог другого

И не введи нас во искушение,
Но избави нас,

А равно и мы от тебя избавиться
Очень рады, как

От лукавсго.

Генерал его за это поблагодарил и три рубля на водку подарил.

4. КАК ДЬЯКОН МИР СОТВОРИЛ

У одного попа была привычка: читая проповедь, ладонью стучать по аналою. Дьякон и вздумал подшутить: взял и натыкал шпилек под покрывалом аналая.

Вышел поп и начал читать о сотворении мира.

— Православные христиане! Знаете, кто сотворил мир?

А сам как трахнет по аналою! Света не взвидел от боли. Только и мог сказать:

— Это наш дьякон, черт бы его побрал, сделал в мое отсутствие.

В этом приходе так и считали, что дьякон мир сотворил.

5. ПОП ЗАВИРАЛО

Один священник, читая проповедь, много очень привирал. Один раз, чтоб особенно не завратиться, говорит дьякону:

— Как я много навру, ты останови меня.

Дьякон спрашивает:

— Каким образом?

Судили, рядили, наконец решили, что привяжут к ноге священника мотоус, а другой конец будет у дьякона в алтаре, чтоб дьякон дернул, когда священник заврется. Как решили, так и сделали. Батюшка начинает говорить проповедь (гнусявым голосом):

— В одном городе на берегу моря каждый день погибает много народу от прожорливого крокодила.

Он так увлекся описанием этого чудовища и говорит, что у него хвост один в 1000 верст, в это время он чувствует, что кто-то ногу его сильно тянет, он делает паузу и думает, что бы это значило. Вспоминает и говорит:

— 500 не 500, а 300 будет.

Опять его дергают за ногу, он паузит и опять говорит:

— 1000 не 1000, а 500 будет.

Народ в церкви до того даже прослезился, начинает прислушиваться, что бы это значило. Дьякон опять дергает, а поп:

— 300 не 300, а полтора ста будет.

Дьякон знай дергает, священник начинает волноваться, переступает с ноги на ногу:

— Полтора ста не полтора ста — 50-то будет.

Молящиеся начинают улыбаться — дьякон дергает, священник разозлился и кричит:

— Что ты со мной делаешь, черт возьми, неужели крокодил был совсем без хвоста?

Братие и сестры, которые помоложе, те хихикают в пла-

точки, а старухи молят господа бога, чтоб он простил ихнего пастыря за такие речи.

6. КАК ПРИХОЖАНИН ПОПА ПЕРЕХИТРИЛ

Решил один поп сказать своим прихожанам проповедь на тему: «Ударят по щеке, подставь другую». Долго он говорил, распинался. Один из присутствующих решил поповскую теорию на практике применить. Только спустился поп с амвона, а тот ему — в ухо. Поп, не долго думая, заворотил рукав и дал сдачи. Прихожанин — тоже.

Народ рознял драчунов, стал их спрашивать. Прихожанин говорит:

— Он же нас учил. А почему сам не подставил мне левое ухо, когда я ему въехал в правое?

Поп отвечает:

— Действую по божеским законам: «Какой мерой меряете, такой и вам отмерится». А почему ты меня снова бил?

— Потому, батюшка, — говорит прихожанин, — что Христос учил: «Мне — отмщение, и аз воздам».

Ну, попу и крыть нечем.

7. ДЕЛЕЖ ПО СВЯЩЕННОМУ ПИСАНИЮ

Двадцать пять лет рыбачил Иван на реке и никогда не встречал такого дива. А вот в этот раз оно с ним случилось-таки. Пошел он утром осматривать сети и нашел в них рыбу, но не обыкновенную в серебристой чешуе и перьях, а голую, головастую и с усами, как у водяного черта. Вынул Иван рыбу из сети и не знает, что ему с ней делать: нести ли ее домой или бросить обратно в реку. Думал, думал Иван и решил понести рыбу домой и показать рыбу старухе. Посмотрела старуха на рыбу и говорит:

— Рыба-то это, Иван, рыба, а вот едят ее или нет, об этом нужно у батюшки спросить.

Вышел Иван с ведерком к попу. Доложила кухарка батюшке, и вышел на кухню поп в белом подряснике.

— Ты что пришел, Иван, — спрашивает поп.

— Да вот, батюшка, поймал я сегодня ночью рыбу, да и не знаю, рыба это или не рыба, едят ее или не едят.

Посмотрел поп на плавающего в ведерке налима, и слюна у него потекла по губам.

— Рыба-то это Иван, рыба, зовут ее налим, а вот кому ее есть показано, об этом надо в священном писании справиться.

Послал поп работника за дьяконом и псаломщиком, и пошли они вместе с Иваном в церковь. Поставил церковный

сторож посредине церкви скамеечку, а Иван положил на скамеечку уже заснувшего налима.

Взял поп требник, раскрыл его и начал читать тропарь благовещения: «Днесь спасения нашего главизна...». Прочитал и отрезал себе половину налима с головой и положил в карман, а книгу передал дьякону. Иван посмотрел набожно на иконы, перекрестился и сказал:

— Знать так тебе, господи, угодно.

Взял дьякон книгу, раскрыл и прочитал стих из псалтыря: «Аз посреди церкви стоях...» — И отрезал середину налима и так же, как поп, положил себе в карман, а книгу передал псаломщику.

Взял книгу псаломщик, прочитал стих из шестопсалмия: «И оставиша остатки младенцам своим...». Подобрал налимий хвост и сунул себе в карман.

А Иван опять набожно перекрестился и сказал:

— Знать так тебе, господи, угодно.

Разделили попы Иванова налима и пошли потихоньку домой. Ушел домой и Иван с пустым ведерком.

Убрал церковный сторож скамеечку, запер церковь и пошел к своей старухе в караулку. Пришел и рассказал старухе дивное, как попы по священному писанию Иванова налима делили.

— А тебе-то что-нибудь дали? — спросила старуха.

— Нет, мне не досталось.

— Как же это так, такую диковинную рыбу разделили и кусочка покушать не дали. Ступай, попроси, чтобы дали хоть кусочек покушать.

Пошел старик к попу просить кусочек налима — старухе покушать. Вошел в кухню, а у попа собрались и дьякон, и псаломщик и вместе из налима уху варят.

— Я вот что, батюшка. Что же вы рыбу-то Иванову разделили, а мне и кусочка не дали покушать.

— Но ты сам видел, Семен, как мы ее делили по священному писанию — кому ее есть показано, тому и делили.

— Ну хорошо, тогда и я по священному писанию: «Возлияша благодать на главы ваша...».

И Семен схватил чугунок с ухой и опрокинул его попу на голову.

8. СТОРИЦЕЮ

У одного мужика умер отец; ну, как полагалось, позвали батюшку отпеть и похоронить покойника. После похорон и поминок стал мужик с попом рядиться — сколько за похороны. Поп запросил дорого, у мужика денег нет; а поп и говорит:

— Давай мне корову!

— С чем же я сам-то останусь с малыми ребятами? Ведь она у меня одна.

— А ты помни: что отдашь богу не пожалев, он тебе оплатит сторицею.

Отдал мужик корову. Кое-как перебивались, жили с воды на хлеб. А у попа, кроме этой коровы, были еще две телки, и ходили в табун они все вместе.

Только раз погнали коров из поля по другой дороге как раз мимо мужика, а у него ворота отперты были, корова повернула в старый двор и телки за нею.

Мужик увидал, загнал их в стайку и пошла им принес. У попа забота — куда девались корова и нетели? Искать, спрашивать. Дошел до мужика.

— Здравствуйте!

— Здравствуй, батюшка!

— Говорят, у тебя мои коровы?

— У меня моя корова с двумя нетелями.

— Да как же ты это говоришь! Ведь это мои, у тебя откуда? Последнюю корову ты мне отдал.

— Ну так, батюшка, ведь вы же говорили, что если дам вам корову, то господь сторицею мне возвратит. Так оно и вышло! Вы правильно, батюшка, сказали. Спасибо вам!

Что делать? Пришлось попу ни с чем идти.

9. «ЧТО СКАЗАЛ ДАВИД?»

Накануне праздника поп наказывает работнику:

— Василий, мы своих свиней не успеем резать. Сходи к мяснику Давиду и попроси у него в долг фунтов десяток свининки. А я пойду в праздник славить и отдам ему долг.

Чуть свет отправился поп в церковь, а работник отправился к мяснику.

— Давид, дай свинины в долг, поп после праздника отдаст.

А Давид отвечает:

— Нет, не дам. Пусть прежний долг поп уплатит, а уж после за новый берется.

Бежит работник в церковь попу ответ мясника передать. Стал против алтаря и ждет, когда поп выйдет.

А поп, как вышел, хотел читать из псалма Давида и начал:

— Что сказал Давид?

А работник в ответ:

— Да такую ерунду заявил: сперва, говорит, долг уплати, а после приходи мяса просить.

Так и ославил попа на всю деревню.

10. СЛИШКОМ ДОБРЫЙ ПОП

Был в одном селе поп, да такой добрый, да разумный, что и сказать нельзя. (И где он такой уродился, не знаю). Часто он нас поучал своими проповедями.

Один раз он начал нам рассказывать, да так-то хорошо, что мы слушали-слушали, да давай плакать.

А батюшке стало нас жаль. Посмотрел он на нас сквозь очки, да и говорит:

— О чем вы плачете? Чего же вы плачете? Может, это еще все и брехня!

Промолвил аминь, закрыл книжку и пошел в алтарь.

11. ЧУЖОГО ПРИХОДА

Наш поп проповедь сказывал уж так-то жалостливо, что и бабы и мужики ревели.

Вот был престольный праздник. Кончил поп обедню, вышел на амвон — и давай толковать. Женщины первые нюни распустили, а за ними и мужики стали глаза вытирать. Только один не ревет: на попа глядит и ни слезинки не уронит.

Подходит к нему староста и спрашивает:

— Что ж ты, добрый человек, не плачешь?

А тот отвечает:

— А чего мне плакать? Ведь я не вашего прихода!

12. БОГОМОЛЬЦЫ

Встретились как-то богомольцы: старик и старуха.

— Была я в Троицкой лавре, — говорит старуха, — отец Павел проповедь сказывал, так уж я плакала, плакала.

— Да о чем ты, мать, плакала?

— Да вот была в Лавре, так отец Павел проповедь сказывал...

— О чем же плакала?

— Да была я...

— Ну, была, ну, плакала, а он-то что сказывал?

— Да я почему знаю? Ведь я свади всех стояла!

13. КАК МУЖИК СОГРЕШИЛ

Однажды бедный мужик пришел к попу и говорит:

— Жена к тебе послала на исповедь, да не знаю, в чем каяться: нет за мной греха.

— Не убивал?

— Нет.

- Не воровал?
- Нет.
- Не прелюбодействовал?
- Нет.
- Богу молился?
- Нет.

Взбесился поп:

— Какой же ты безгрешный, если не молишься? В наказание три дня подряд читай молитвы.

Мужик так и сделал. На четвертый день поп встречает его и спрашивает:

- Ну, как дела?
- Плохо, — отвечает мужик, — согрешил.
- Как же так?
- Очень просто! Три дня молился, а надо было жито убирать.

14. «ЛЕЗЕТ СО СВЯТИТЕЛЯМИ»

У крестьянина Ивана волки двух овец загрызли. Иван пошел к попу за советом. Поп говорит:

— Я тебе святых дам, что обороняют от волков.

И дал ему икону: святых Власия, Флора и Лавра. В пятницу это было, а в субботу у самого попа волки загрызли козову. Иван тогда потащил икону опять к попу:

— Возьми, батюшка, пригодится.

А поп бегаёт по двору и не слушает. Иван опять:

— Багюшка, я святителей принес.

— Да отвяжись ты, Христа ради, — у человека горе, а он со святителями лезет.

15. ЧТО МНЕ, А ЧТО БОГУ

Было это в воскресный день. Поп и дьякон в церковь пришли. Поп запеваёт:

— Дьякон, ты дьякон, иди-ко на паперть, посмотри, не идет ли кто, не несет ли чего?

Дьякон выходит на паперть, возвращается обратно в церковь и поёт:

— Идет, старина, несет пирогов корзину.

Поп поёт:

— Мне, господи!

Опять поп поёт:

— Дьякон, ты дьякон, иди-ко на паперть, не идет ли кто, не несет ли чего?

Дьякон идет опять на паперть и возвращается обратно в церковь. Поет опять:

— Идет старина, несет дубину на попову спину.

А поп и поет:

— Тебе, господи!

16. «НЕ БЛАГОСЛОВЕН БОГ НАШ»

Зашел поп к крестьянину освятить избу. Освятил. Выпил, закусил, получил за требу и стал выходить, а тут ему навстречу гладкий розовый поросенок.

Загорелись глаза у попа.

— Отдай, Михайло, мне поросю, — говорит поп.

А мужик мнетя и не отдает.

— Нет, батюшка, извините, держим на племя, дать не могу.

Поп опять за свое:

— Я тебя крестил, я твоих мать и отца хоронил, я тебя венчал, детей твоих крестил, а ты мне паршивое поросю жалешь?

— Ну, что ж, батюшка, и крестили, и хоронили, и меня венчали, на том вам спасибо, но за это же вы и получили немало.

Опять поп за свое, а крестьянин отогнал поросенка и говорит:

— Ну, что ж теперь толковать? За все вы получили, хату освятили тоже не даром, а поросенка все равно не дам, не рассвятите же хату, раз освятили, а больше я к вам не пойду, если такое дело.

Поп спрашивает:

— Не рассвячу?

— Не рассвятите!

— Так не рассвячу?

— Не рассвятите!

— А ну-ка, облачайся, отец дьякон!

Натянули они ризы, взял поп кадило и начал:

— Не благословен бог наш!

А дьякон басом:

— Не аминь!

Посмотрел, посмотрел на них крестьянин да выгнал обоих из хаты.

17. СПОР

Заспорил раз бог с дьяволом. Бог и говорит

— Я, — говорит, — тебя везде найду.

А дьявол ему в ответ:

— А я спрячусь в камень.

- Я и камень расшибу.
- Я в дерево залезу.
- Я и в дереве тебя найду.
- Я тогда в раба твоего залезу.
- А что мне раб? Я и по рабу полосну!

18. ЧТО СЕГОДНЯ БОГ ДЕЛАЕТ

Богатый поп заспорил с бедным попом об одном селе. И они принуждены были жалиться правосвященному. Вызывает лично к себе бедного и богатого архиерей. Те приезжают в Смоленск. Так что архиерей был в то время в соборе. И они подходят к нему. Архиерей и говорит:

— Из попов-то есть дураки! Нашли об чем спорить!

Спрашивает у богатого:

— Какой час?

Тот вытаскивает часы с кармана. Архиерей говорит:

— Двадцать лет ты учен, оказываешься дураком!

— А в чем дело?

— Должён бы посмотреть на сегодняшнее число и это время, что нужно начинать петь, какой час поется: глас первый, али глас восьмой! Ну-ка ты, — на бедного попа говорит архиерей, — отвечай, голубчик, когда умеешь с богатыми судиться!

— Говорите, ваше правосвященное владыко!

— А что сегодня бог делает?

— А мне сказали, что его дома нет, когда я был у него.

— А где-ж он сегодня?

— Поехал в степь!

— Зачем?

— Пеньку скупать.

— На что ж ему пенька?

— А кнут вить!

— На что?

— А вас, долгогривых дураков, бить, зачем небыли спрашивать.

— Молодец! — сказал архиерей. — Село остается за тобой!

И сейчас служит в селе Бизякове. Значит, дело тем кончилось, живет богато.

19. СПОР ЧЕРТА С БОГОМ

Однажды от безделья черт шатался по полям и повстречался с богом. Пошли они вместе. Черт стал жаловаться богу, что его люди ни за что ругают, а бога хвалят. Выслушал бог и говорит:

— За то ругают, что ты причиняешь много зла, а меня хвалят за добро.

— Неправда, — говорит черт, — давай проверим.

Согласился бог, и пошли они в лес. Видят у ручья пасется стадо коров. Одна корова шла по краю оврага, сорвалась, покатила вниз и завязла в грязи.

Сбежались крестьяне (а бог с чертом сидят, наблюдают). Один подошел к корове и говорит:

— И куда тебя черт занес!

— Слышал? — говорит черт, толкая бога в бок. — Я ведь сидел с тобой, ничего не делал, а меня ругают.

— Да, слышу, — отвечает бог.

Наконец, вытащили корову. Хозяин ее снял шапку, перекрестился и сказал:

— Слава тебе, господи, помог вытащить!

— Слышишь? — снова говорит черт. — Ведь ты не помог им тащить, а за что они тебя хвалят?

— А я почему знаю? — отвечает тот.

20. СУД СВЯТЫХ

С нетерпением ждали крестьяне весеннего Николу. Зимний запасный корм весь вышел. Скот голодал. Ожидали, по примеру прежних лет, выгнать скот на подножный корм в день весеннего Николы.

Но обманулись: травы не вышло.

Думали-подумали мужички и решили, что виноват во всем Никола, и что следует на него подать прошение богу.

Подали.

Получил это прошение бог, позвал для объяснения Николу.

— Почему ты не выгнал травы крестьянам? — спросил он Николу.

— Я тут не при чем, — ответил Никола, — вина в этом Егория, если бы он дал дождь, я бы выгнал траву, а без дождя это невозможно.

Сейчас же был позван Егорий. Он явился. Бог сказал:

— Мужички жалуются на Николу, что он не выгнал травы, а оказывается, виноват в этом ты, а не он. Почему ты не дал дождя в свое время?

— Причина тут не во мне. Все делается по порядку. Засори Дарья прорубь в свое время, был бы и дождь в свое время.

Позвали на допрос Дарью. Дарья не признала своей вины.

— Моей вины тут нету. Все дело в Алексее. Он не дал с гор потока в свое время. Как же я могла засорить проруби?

Позвали на суд Алексея.

— Почему ты не дал потоки с гор в свое время? — спросил бог Алексея.

— Я в том не виноват, — ответил Алексей, — запоздал в своем деле Василий. Он не дал в свое время капели, а без капели потоку не сделать.

Василий тоже не признал себя виновным.

— Капель от тепла, а где было его взять, если Авдотья не плющила. Виновата Авдотья.

Нашли Авдотью; привлекли ее к ответу по иску мужиков. А та отвечала:

— У меня не одно дело, что только плющить. На моих руках кросна и тканьё. Если бы было на руках одно дело, я не запоздала бы и плющать в свое время. А тут как раз пришлось ставить кросна в Пудоже.

Виновных, таким образом, не находилось, и было на суде у бога постановлено: оставить прошение без последствий.

21. ОТЧЕГО БОГ ПОМЕР

Повстречались два земляка. Один давно не был на родной стороне.

— Что, землячок, нового в деревне?

— Да нового-то нет ничего, — отвечает тот. — Только, говорят, намедни бог помер.

— Как помер?

— Да, говорят, с досады. Подчиняться никто не стал. Угодники, и те из-под власти вышли.

— Как же так?

— Да все так. Образумился народ, за разум взялся. Царя — побоку, помещика — тоже, а богов отдал им на утешение. Сам-то народ за новую жизнь взялся: колхозы строит, машины заводит и с наукой подружился.

Прознал про все это бог. Собрал он святых угодников да и говорит им:

— Народ, мол, совсем от рук отбился. Про бога и вспоминать не хочет. Надо, мол, его на старую путь-истину повернуть. Придется, — говорит бог угодникам, — вам на землю спуститься.

Отправились угодники на землю. Долго бродили из деревни в деревню, но толку из этого не вышло.

Зайдет Пантелеймон в какую хату, лоб перекрестит, поздоровадается, а потом шопотком и спросит у хозяйки:

— Нет ли у вас, красавица, больных каких? Я ведь любую болезнь сразу святым духом вылечу.

А его в три шеи гонят:

— Ах ты, проходимец несчастный! Проваливай отсюда. Это раньше ваш брат темным людям головы туманил. Теперь у нас доктора есть и больница под руками. Знаем, куда обратиться.

Богородицу не ругали:

— Бедная старушка, — качали головою бабы. — Видно, не сладка была жизнь в молодости, ежели, не доживая веку, из ума выжила.

И совет ей давали от всего сердца:

— Ты бы, бабушка, в богадельню к нам определилась. Мы в этом поможем. Колхоз наш неплохой. На лето отдельный дом для стариков построим. Хоть на старости лет пожила бы, как люди.

Тяжелей всех пришлось Илье-пророку. Громов да молний и ребятишки не пугались.

Так с пустыми руками и вернулись угодники обратно к богу.

— Нет, — говорят, — попробуй сам, а мы отказываемся.

Бог в лице изменился, побледнел, осунулся, а к вечеру с досады и ноги протянул.

Слушал-слушал земляк, да и спрашивает:

— А кто ж, землячок, теперь миром управлять будет?

— Как кто? — отвечал тот. — Сами управимся.

22. ПУТАНИК

Жили старик со старухой, и были у них две дочери. Одну выдали замуж.

Ждут год, другой, а внучат не дождутся.

Старик старуху начал посылать к попу: закажи батюшке молебен — авось, намолит внучат.

Собралась старуха, взяла яиц да курочку. Приходит.

— Ладно, — говорит поп, — бери рублевую свечку, ставь Николе-угоднику, а я молебен отслужу.

Отслужил, а внучат все нет.

Прошел год. Старик опять гонит старуху к попу. Отнесла она не одну, а пару кур, дала опять и яиц, и денег, ставила Николе рублевую свечу. И опять молебен не помог.

Снова старик провожает старуху молиться. Приходит она к попу, а тот ей свое: «Бери рублевую свечку, ставь Николе». Тут старуха на него напустилась:

— Не стану ставить свечи этому путанику, и так уж два раза ставила. Он и намолит сыночка дочери, да только незамужней!

23. ПРО ИЛЮ

Как-то послали мужики делегацию к Илье-пророку, чтобы дал дождя. Приходят, а он уж старый и крепко оглох. Кое-как объяснили, зачем пришли.

— Куда же посылать? — спрашивает Илья.

— Посылай туда, где пыль, — показывают мужики.

Илья не расслышал и говорит:

— Ага, где был!

И послал дождь по старому следу.

Мужики видят, что не туда, и кричат:

— Посылай туда, где просят!

Илья опять не расслышал и распоряжается:

— Ага, где косят!

И посылает дождь на сенокосы.

Мужики плюнули, да и пошли вон, говорят:

— Вредительством Илья занимается!

И с тех пор к Илье не стали обращаться.

24. КАК ПЬЯНИЦА В РАЙ ПОПАЛ

Умер один пьяница, и стала его душа стучаться в райские ворота. Подошел к вратам Петр-апостол и спрашивает:

— Кто стучится?

— Я бражник, желаю с вами в раю жить. А ты кто?

— Я — Петр-апостол, который имеет ключи от сего царствия славы. Отойди отсюда, здесь бражники не водворяются, ибо им уготована мука вечная.

— А помнишь ли ты Петр, когда Иисуса Христа на судилище привели, ты трижды от него отрекся? И все-таки ты в раю.

Услышал Петр и отошел в смущении.

Пьяница снова стучится. Пришел к вратам пророк Давид и опять говорит, что бражников сюда не пускают. А тот отвечает:

— Помнишь ли, Давид, как ты слугу своего, Урию, на войну усрал и там смерти предать повелел, а жену его к себе на прелюбодеяние взял? И все-таки ты в раю.

Отошел и Давид в смущении.

Бражник же в третий раз стучится.

Пришел Иоанн Богослов и опять отгоняет:

— Иоанн Богослов! — закричал бражник. — Не сам ли ты написал в евангелии: «Любить друг друга»? А ныне меня ненавидишь. Либо пусти меня, либо отрекись от того, что написал.

Отошел и Иоанн в сильном смущении. А тут вокруг любопытные души столпились, ждут, чем кончится. Иоанну неловко, советуется он с Петром и Давидом, и решают пустить бражника в рай, не то еще больше наговорит о них правды.

25. СОЛДАТ НА ТОМ СВЕТЕ

В былое время, значит, солдаты служили по двадцать пять лет. Уходил из дому молодой, приходил уже старый. Ну, как говорится, за двадцать пять лет солдат кое-чему научился и немало прошел. И вот приходит время уже ему идти домой. Вот говорит солдату офицер:

— Ты, — говорит, — службу служил верную царю, а теперь вышел срок, есть приказ отпустить тебя домой. Государь тебе дает с собой пустую сумку и двадцать пять копеек денег на дорогу.

Солдат думает себе: «Ну, заслужил за двадцать пять лет двадцать пять копеек и пустую сумку. Что же я по дороге буду делать? Христа ради собирать придется мне». А солдат уже получил себе документы, двадцать пять копеек и старую-перестарую сумку, только бросить ее. Ну, и это заслуга. Взял, надел ее на себя, положил в свой ранец пару белья и направился в путь-дорогу. Идет день, идет два, идет три, — все деньги израсходовал. Что эти деньги — купил табаку, мыльца и все. «Что, думает, теперь делать?». До дому еще далеко. Прежде поездов не было, ни машин, — ничего. Ну, значит, ему надо было идти пешком, а пешком идти — это минимум месяцев шесть до дому. Думал, думал солдат. «Живой человек не пропадет, пойду потихоньку». Где кусочек выпросит и идет неделю, идет вторую. И вот приходит в одно село и заходит в одну избушку. Там старик со старушкой. Он говорит:

— Дедушка, пусти меня, — говорит, — пожалуйста, переночевать!

— Ох, — говорит старик, — пожалуйста, пожалуйста, родной, ночуй.

Солдат снял сумку, ранец простой и сел побеседовать со стариком и старухой, поужинали, и он лег на полатах. А старик проснулся ночью и вздумалось ему посмотреть, что у солдата есть в сумке и в ранце. Открывает ранец, смотрит — пустой. «Хм, чем же он, думает, питается?». Стал открывать пустую сумку. И когда только он ее открыл, откуда ни возьмись — выскочил чертенок!

— Что, — говорит, — тебе, старик, нужно меня беспокоить? Меня, дескать хозяин не беспокоит, идет сколько дней, сколько недель, а ты, — говорит, — какой нашелся, беспокоишь меня.

Ну, старик наш прикрыл эту сумку, лег спать, творит молитву. Дескать, что такое, господи, солдат с чертом знается!

Когда утром просыпается солдат, встает, умывается, по обыкновению подходит к иконе и молится богу. Старик смотрит, что солдат по-христиански молится утреннюю молитву.

Спрашивает солдата:

— Солдат!

— Что, дедушка?

— У тебя что в сумке?

— Ничего, — говорит, — дедушка. Сумка у меня пустая.

— Ох, врешь, солдат, у тебя в сумке черт.

Солдат тогда догадался, в чем дело.

— Ну, это, — говорит, — так тебе только помлело.

— Не знаю, — говорит, — но я точно видел черта.

Тут старуха напекла блинов, посадила солдата.

Он покушал, надел на себя сумку и отправился. Прошел день, и вот пристигла его ночь. Он уже не стал заходить в деревню, а остался ночевать в лесу и вздумал открыть сумку, убедиться, правильно или не правильно это дело. Когда он открыл сумку, выскочил чертенок и говорит:

— Ну, слушай, солдат, ты — мой хозяин, а я твой исполнитель, что тебе сейчас желательно?

Солдат говорит:

— Принеси мне покушать что-нибудь!

Чертенок сейчас, как пуля, бросился в деревню, достал ему хлеба, достал мяса, чугунок, ложку, весь припас. Солдат живо костер разложил, начинает варить мясо. Когда сварилось мясо, он говорит:

— Ну, чертенок, давай садись, кушай.

Сел чертенок, покушал с солдатом. Солдат сумку закрыл, лег чертенок. Теперь утром рано-прерано открывает солдат сумку, выскочил оттуда чертенок.

— Что тебе угодно, солдат?

— Слушай, — говорит, — чертенок, я умаялся идти пешком, мне надо коня.

— Хорошо, — говорит, — сейчас будет конь.

Пошел к священнику, утащил коня с седлом, подводит к солдату:

— Садись, солдат!

Солдат сел, другой дорогой объехал это село и едет себе спокойно.

Ну, проехали долго ли, мало ли, наконец, остановился и говорит чертенку:

— Чертенок, чертенок, мне охота быть на том свете и попасть в рай.

— Ну что ж, — говорит чертенок, — ежели тебе охота, сейчас будешь там. Садись, — говорит, — на меня.

Сел солдат на черта, и черт поднялся на небо и говорит:

— Вон, иди, — говорит, — к этим воротам, там архангел, скажи ему, что твоя душа хочет в рай.

Вот он подходит к воротам, стоит ангел-архангел. Солдат говорит:

— Слушай, архангел, моя душа хочет в рай!

Ворота, конечно, открылись, солдат заходит в рай.

Смотрит, там такая красота, просто куда — цветы, фрукты разные. На первый раз солдату понравилось. Дескать, как хорошо в раю-то. А когда побыл там дня два-три, и ему так надоело, что просто глядеть уже неохота стала на этот рай. Вот сел на беседочку и думает себе: «Да, весело, хорошо, но одно плохо — кабаков здесь нет, табаку нет». Думал, думал и говорить: «Обожди!». Снимает с себя шнур и начинает измерять место. Тут подходит к нему ангел:

— Что ты, — говорит, — солдат, хочешь делать?

— А вот, — говорит, — в вашем царстве хотя и прекрасно, и весело, но я, — говорит, — хочу веселья добавить: это место хочу табаку посеять, это место кабак построить.

— О, — говорит, — солдат, господь услышит, тебя из рая изгонит.

Но, конечно, солдат стоит на своем, начал дерева рубить, знай строит.

Архангел-ангел пустил его, и он должен доложить об этом господу богу. Идет, говорит:

— Господи, я принял, — говорит, — одного солдата в рай, и ему, — говорит, — не понравилось, наверно, в нашем раю, он стал строить кабак и посеял табак.

Бог рассердился:

— Выгнать, — говорит, — его из рая и ворота запереть!

Солдат вышел из рая тут же. Когда он из рая вышел, не знает, где находится, и думает: «Что мне не жилось в раю, куда я теперь пойду?». Вот чертенок тут как тут с его ранцем, опять надевает его и говорит:

— Что, солдат, призадумался? А хочешь, солдат, в ад?

Солдат хотя испугался аду, но все-таки интересно посмотреть и ад.

— Желаю, — говорит.

— Ну, пойдём со мной.

Когда пришли к адским воротам, чертенок бросился к сатане:

— Госпожа Сатана, — говорит, — я привел солдата в ад.

— Ну-ка, давай, — говорит, — приведи мне его сюда.

Солдата привели. Она осмотрела его кругом.

— Ну ладно, веди его.

Чертенюк вводит его в ад. Солдат идет и смотрит: кто за язык повешан, кто в котле кипит. Солдату страшно стало: «Ох, как бы мне на горячей сковороде танцевать не пришлось».

Он говорит чертенку:

— Слушай, чертенюк, давай сейчас же созывай всех чертей!

Собрались все черти. Солдат говорит чертям:

— Вы, — говорит, — дайте будьте мне подчиненными, а я буду над вами старшим.

Вот построил всех чертей и говорит:

— Вот, я буду вами командовать, а вы, — говорит, — выполняйте.

Черти согласились на это. Вот он скомандовал:

— Направо!

Они не поворачиваются направо. Солдат схватил дубинку и давай их дубинкой этой.

— Что вы командира слово не признаете и не слушаете команду?

Черти завyli. Чертенюк подскочил к нему:

— Слушай, солдат, перестань их бить, они направо не будут ворочаться, им нельзя, а ты командуй им налево.

Он скомандовал им налево, они повернулись и шагом марш! И давай гонять. Гонял, гонял их, они уж до того устали, стали умолять солдата.

— Солдат,пусти нас, мы сильно устали.

— Ну ладно, — говорит, — идите до завтрашнего утра отдыхайте.

Солдат прожил еще несколько дней в этом аду, все просматривал, думал, как освободить людей от такой муки. Вот он начал чертей гонять каждый день. Вот солдат им и говорит:

— Ну что, вам нравится?

— Ох, солдат, надоело это нам все!

— Вот что я вам скажу.

— Говори.

— А вы будете выполнять?

— Будем, только не гоняй нас!

— Вот, идите к Сатане и скажите, что солдат просит Сатану освободить всех грешников из ада. Вот тогда я вас гонять не буду. А ежели, — говорит, — она этого не выполнит, то, — говорит, — я сейчас же буду святить местность вашу, весь ад, и поставлю, — говорит, — здесь церкву.

Сказал и послал чертей.

Черти бегут наперебой к Сатане. Прибегают и говорят:

— Ой, Сатана, Сатана, какой, — говорят, — к нам солдат попал! Никакого, — говорят, — снокою не дает никому! Вот, — говорят, — мы пришли просить тебя, чтобы ты освободила всех грешников из аду.

Сатана и говорит:

— Нельзя, — говорит, — такого дела сделать, с кем мы, — говорит, — останемся?

Тогда черти и говорят ей:

— Он тогда, — говорят, — хочет освятить наш ад и построить церковь.

Сатана, конечно, испугалась.

— Ладно, — говорит, — пусть он забирает весь свой народ отседова и уводит.

Когда получил такое распоряжение, солдат отворил адские двери и начинает звать:

— Весь грешный народ, выходи из ада!

И тут все повалили, друг дружку мнут, обрадовались, что выпустили из ада. Все до одного вышли из ада. Ад опустел. Ну, теперь солдат вышел из аду и вышел из раю. «Что теперь делать?». Сел и призадумался. «Как мне попасть на землю и домой?». Думал, думал и пошел к Сатане.

— Сатана, — говорит, — как бы мне попасть на землю? Мне хочется побывать дома.

Сатана и говорит ему:

— У меня, — говорит, — ты нисколько народу не оставил в аду. Дай мне, — говорит, — хотя сколько-нибудь, тогда я тебя отправлю на землю.

Солдат задумался: каждого человека ему жалко, каждый человек дорог. Сел и думает. Глядит: идет монах, за ним идет поп. «А! Это, — говорит, — лишний народ!». Выстроил их всех и отправил в ад. Сатана и этому рада, послала к нему чертенка, тот отправил его на землю и домой. Солдат стал жить и поживать. Значит, не полюбились ему попы и монахи.

26. КУЗНЕЦ И ЧЕРТ

Вот раз вытолкали кузнеца из кабака: «Иди, чертяка страхолютый!».

Пошел кузнец по улице, идет и думает себе: «Хоть я не черт, а со всем удовольствием согласен быть чертом и в аду жить. А вот пусть черт на моем месте поживет. Узнает, как мы-то живем».

А черт — известно черт. О нем скажешь, а он тут как тут. Услыхал, как кузнец чертыхается, заинтересовался этим делом,

думает: «Постой, друг, ты, видать, не знаешь моего житья, вот я поведу тебя в ад, будешь помнить».

Подходит черт к кузнецу и говорит:

— Здоров, кузнец! Я тебя давно хотел видеть.

— А ты кто такой? — спрашивает кузнец.

Черт покрутил хвостиком, подмигнул глазком и говорит:

— Не узнаешь, что ли? Ты ж со мной меняться хотел. Вот я сам черт и есть.

Кузнецу что — черт так черт! Не любил кузнец словами долго распускаться и говорит:

— Давай меняться: я к тебе пойду — в ад то-есть, а ты ко мне в кричню. У тебя лучше.

Черт говорит:

— Ты в аду не бывал, смерти не видал, потому так и говоришь.

Одно слово: черт свое, кузнец свое.

Тут черт за попереченство осерчал на кузнеца и поволок его в ад: показывать мучеников да грешников, которые в котлах смоляных варятся.

— Пришли в ад. Черт повел кузнеца по геенне огненной, показывает ему все, сам думает, что кузнец устрашится и назад вернется, а кузнец идет, ему хоть бы что, как дома чувствует себя: «Кому ад, а мне — рай», — говорит.

Ходили, ходили, черт и спрашивает кузнеца:

— Ну, как, страшно? Видишь грешников, как они живут — в котлах смоляных кипят!

Тут кузнец осерчал да говорит черту:

— Иди ты к своей матери — к чертовой, значит, не морочь мне голову! Пойдем, я тебе покажу ад — дело верное, а то напрасно тратим время, а толку нет никакого.

Потащил черта кузнец к кричне. Вот приходят. Идут по кричне, а в ней ночь черна от пыли да от сажи, сто горнов горят, четыреста молотов стучат. Рабочие ходят, рожи у них, как полагается, — нет кожи на роже.

Кузнец идет впереди, черт позади. Тут начали сажать крицу и мастеру на лопате подавать, искры посыпались из глаз, черт уж и дышать не может.

Тут и случилась беда: кузнеца увидал хозяин и закричи:

— Ты что, черт, расхаживаешь без дела? Морду твою побью!

А черт испугался, спрашивает кузнеца:

— А что он тут делает? А?

— Морды всем бить хочет и тебе побьет, — сказал кузнец, а сам хотел глянуть на черта. Только это покосил через плечо глаз, черт уже повернулся уходить.

Тут кузнец говорит черту:

— Куда ты, черт? Это еще не все — ты хоть погляди, как хозяин с нами-то расправляться будет. Научись, — говорит, — с грешниками в аду обращаться.

— Нет, — говорит черт, крутнул хвостиком, и только его и видели.

А кузнец долго помнил, как черта в кричню водил, и с чертями язык распускать закаялся.

27. МУЖИК НА НЕБЕ

Пустил мужик петуха в подвал; петух там нашел горошинку и стал кур скликать. Мужик услышал про находку, вынул петуха, а горошинку полил водою. Вот она и начала расти; росла, росла — выросла до полу. Мужик пол прорубил, горошинка опять начала расти; росла, росла — доросла до потолка. Мужик потолок прорубил, горошинка опять росла, росла — доросла до крыши. Мужик и крышу разобрал, стала горошинка еще выше расти; росла, росла — доросла до небушка. Вот мужик и говорит жене:

— Жена, а жена! Полезу я на небушко, посмотрю, что там делается? Кажись, там и сахару и меду — всего вдоволь!

— Полезай, коли хочешь.

Мужик и полез на небушко, лез, лез, насилиу влез. Входит в хоромы: везде такое загляденье, что он чуть было глаз не проглядел! Среди хором стоит печка, в печке и гусятины, и поросятины, и пирогов — видимо-невидимо! Одно слово сказать — чего только душа хочет, все есть! Сторожит ту печку коза о семи глазах. Мужик догадался, что надобно делать, и стал про себя приговаривать: «Засни, глазок, засни, глазок!». Один глаз у козы заснул. Мужик стал приговаривать погромче: «Засни, другой, засни, другой!». И другой глаз заснул. Таким побытом все шесть глаз у козы заснули; а седьмого глаза, который был у козы на спине, мужик не заметил и не заговорил. Недолго он думал, полез в печку, напился, наелся, насахарился; вылез оттуда и лег на лавочку отдохнуть. Пришел хозяин, а коза про все ему и рассказала: вишь, она все-то видела седьмым глазком.

Хозяин осердился, кликнул своих слуг, и прогнали мужика вшашек.

Побрел он к тому самому месту, где была горошинка: глянул — нет горошинки. Что будешь делать? Начал собирать паутину, что летает летом по воздуху; собрал паутину и свил веревочку; зацепил эту веревочку за край неба и стал спу-

скатся. Спускался, спускался, хватъ — веревочка вся, а до земли еще далеко-далеко; он перекрестился — и бух! Летел, летел и упал в болото. Долго ли, коротко ли сидел он в болоте (а сидел он в болоте по самую шею), только вздумалось утке на его голове гнездо свить; свила гнездо и положила яйца. Мужик ухитрился, подкараулил утку и поймал ее за хвост. Утка билась, билась и вытащила-таки мужика из болота. Он взял и утку, и яйца, принес домой и рассказал про все жене.

Не то чудо из чудес,
 Что мужил упал с небес;
 А то чудо из чудес,
 Как он туда залез!

28. НЕБЫЛИЦА

В одной деревне жил мясник. И сказали, что за морем скотина дешева. Собрался и поехал. Приехал там, скотину набрал, чуть не на все деньги — пустяки за провоз оставил. Приехал на берег моря и спрашивает, почем перевозят. — За морем телушка полушка, а перевоз рубль. Чего делать? У него не хватает камисьи. Потом и даром-то у него не стали брать-то, — привел к морю-ту.

Он подумал: чего делать? — И придумал: резать да в дело отдавать кожи. Выделали кожи у него. А он чеботарь был.

И сказали, что на небе все боги без сапогов ходят. Он ходил по берегу моря и нашел сосну до неба; взял за крошки свой кузов и полез. Прилез и давай чеботарить. Нашил сапогов и расклатся на базаре. Как раз к воскресенью пригодилось; боги идут все к обедне. Я гляжу: все боги идут в сапогах — никто не спрашивает. Напоследке (назаде) бежит один божишко, и тот в сапожйшках.

Подумал: нечего делать; надо попадать книзу. И надумался: кожи все изрезывать и сшивать. Все изрезал и сшил. И нашел дыру — давай спускать этот ремень. Спускался да спускался, думал, что ремень до земли хватил: там облака бежат. Надо отпускаться. За облака-то имаюсь, имаюсь, имаюсь [сказочник при этом ловит и теребит за волосы особенно назойливого любителя сказок, сидящего к нему ближе других]. Облака стали исходить. Мне нечего делать.

Дым из кожуху куфтёрит. Я за дым-то царап, царап, царап [опять теребит кого-либо]. Потом дым-то стал; не за что иматься.

Мужик ворох веет. Я за мякину-ту цап, цап, цап. И так постепенно на гумно соскочил.

29. С ЗАДНЕГО КОЛЕСА

Шел я дорогой, поперек мне идет мужик на арбе, другой мужик подкрался, да с его заднего колеса и влез на небеса. Ему сказали — на небесах коровы дешевы, а вши больно дороги.

Вот он ходил-ходил, на тракт нигде не угодил. Увидел вдруг: небольшая церковь из пирогов складена, блинами убита, лепешками покрыта, под крестом адамова голова из большого базарного пирога. Сияет крест, и от него свет, и он из хороших городских конфет.

Подошел к двери — священники там воют, как звери. Дверь бороной затворена, кишкой натянута, калачом заперта. Я взял кишку, перекусил, калач переломил, борону отвалил. В церкви образа пряничные, а свечи морковные. Я взял образа в пазуху поклат, а свечи в окошко покидал. Гляжу: на правой стороне книга лежит на столе. Потом стоит батька-поп — я его кадилиной в лоб. Стоит дьякон — я его смякал. Стоит пономарек — я его из церкви поволок и затылком прямо об порог. Вот у него из темечки посыпались семячки. Я семячки собираю, родителей поминаю — Трюшу, Матрюшу, праведную душу Якова распятого, Никиту горбатого.

Вот теперь, духовный отец, и сказке тут конец. Это у нас не сказка, а присказка.

Приходите тогда сказку слушать, когда бояре будут кушать, а мы завтракать.

30. НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ

Как у нас на селе подралась попадья с дьяконицей; маленько поноровя, черт треснул пономаря, поп затужил и обедни не служил. Собирались сельски, деревенски, господски, посадски, собиралось семьдесят семь нищих, плели они лычной колокол ó сто пудов, повесили на крапивный сук, ударили в соборе не рано; услышали люди не мало: Филька да Илька, Савка да Ванька. Приносили они нищим пищу: куричьи сливки, свиные рожки, бараньи крылья. Пошел Ванька в кладь, взял кусок железа, сковал себе топор, ни мал, ни велик — с комарье плечо. Пошел он с ним во чистое поле пресвятое дерево — рябину рубить. Впервые тюкнул — пошатнулася, вдругоредь тюкнул — повалилася. Он рубил, рубил, ничего не срубил, только у себя как-то ногу отсек. День лежал и ночь лежал, никто не спознал; спознали комар да муха, зеленое брюхо; посадили его на колёска — повезли на небёска.

На небёсках стоит церковь — из пирогов складена, шаньгой покрыта, калачом заложена. Ванька на это хитёр бывал: взял

калач переломил да и двери отворил. В церкви-то все не по-нашему: паникадило репяное, свечи морковны, образа — пряничны; стоит поп железный, пономарь оловянный, жестяная просвирия. Он у них спросил:

— Когда у вас бывает репно заговенье?

Они ничего ему на то не сказали, а Ванька осерчал, по щелчку им дал, да с неба упал.

31. «ВО ВРЕМЯ ОНО»

Во время оно
 Сидел я у окна дома.
 Прилетело два духа —
 Комар да муха.
 Взяли меня за волоса,
 Подняли на небеса.
 Там стоит церковь
 Из блина, из калача,
 Калачом заперта.
 Я парень-то был смел:
 Калач-то разломил да съел.
 Зашел в церковь.
 Там воробей часы читает,
 Ворона за дьякона отвечает.
 Зашел в алтарь,
 Там сидит поп Ефрем,
 Хлебает редьку да хрен,
 Крошки-то бросает
 Да усопших поминает:
 Сидорова Карпа,
 Сидорова парня,
 Трех Матрен
 Да Луку с Петром.

32. «ПРИШЕЛ Я В ВЕЛИКИЙ ПОСТ»

Пришел я в великий пост
 К маме молока хлебать.
 Мама меня гнать,
 Я бежать.
 Бежал два дня,
 Нашел на дороге игольные уши,
 Положил на плечо,
 Стало горячо.

Пошел в кузницу ковать топор:
— Скуй мне, кузнец, топор.
Не мал, не велик — в мой рост.
— Что будешь делать?
— Буду дерево рубить.
Сковал мне кузнец топор,
Не мал, не велик — в мой рост.
Зашел я на овин рубить дерево крапиву.
Дерево пало, меня задавило.
Прилетело два ангела —
Крыса боровая и мышь летучая.
Посадили меня на колеса
И подняли на небеса.
Там всё не по-нашему,
Там всё не по-здешнему:
Церковь из пирогов сделана,
Калачом заперта,
Блином покрыта.
Калач я перегрыз да в церковь походил.
Сидит Тимошка на окошке,
Я его пристрастил.
Идет поп Ермошка,
В липовых лапоточках,
В синем зипунишке —
Одна рука к уху,
Другая — к брюху.
Запевает свой любимый стих:
— Постой-ка, великомученица,
Пронеси еси.
Прошла сквозь шубные рукава,
Прошли все кресты и пророки
По большой дороге...
А сзади и нам можно идти.

33. «ЖИЛ-БЫЛ ДЕЛЬНЫЙ КУПЕЦ»

Жил-был дельный купец
Константин Сергеевич.
Написали ему билет
На пять лет
В поле гулять,
А дома не бывать.
Надо его сыскать,
С барабанным боем наказать,

На старое жительство сослать.
Он со горя, со тоски
Заставил супругу свою . . . Ивановну
Блины печь.
Она поставила блины в печь,
Послала Луку на муку,
Тита за ситом,
Ваську за подмазкой.
Нет ни Луки, ни муки,
И ни Тита, и ни сита,
Ни Васьки, и ни подмазки.
Позавтракал Константин Сергеевич,
Поехал в лес дрова рубить.
Рубнул раз,
Отлетела шквирня,
Попала в глаз,
Он лежал мертвый час.
Ну, увидел господи,
Что убит Константин Сергеич до смерти,
Ну, послал тихих ангелей:
Муху без брюха,
А комара без хвоста.
Они взяли его за честные волоса,
Понесли под небеса.
Там под небесами стоит церковь,
Из галушков складена,
Пряником закутана,
Калачом замкнута,
Я калач перкусил,
Пряник отвязал,
Пирог отодвинул,
Там стоит поп,
Толоконный лоб,
Соломенные руки,
Соломатные ноги.
Я ударил попа дрючком,
Поп согнулся крючком.
Ну, поп присел,
А я на его верхом сел.
Ну, это все черт — брехня.
Говорят, что архиерей
На свиньях женится,
Свиньи для крылец стоят,
Позаседланы, позамуздованы,
К крыльцам попривязаны,

Хвосты понадвязаны.
Что говорят, архиереева болота горели,
Соломою тушили.
Ни беремем кошена,
А возам вожена.

34. ЧАСТУШКИ

Раньше была богомолка,
Всем святым молилася.
А теперь я комсомолка,
С богом распростилася.

В церковь нет уже дорожки —
Замела метелица,
Не пристало нам теперь
С богом канителиться.

Довелось на службе Ване
Полететь на аэроплане,
Небо он насквозь прошел,
Бога в небе не нашел.

Месяц личиком похож
На ковригу белую.
Я ни в бога, ни в попов
Больше уж не верую.

Не ходи мимо окошка,
Не пыли дороженьку,
Вчера бросила молиться,
Выбросила боженьку.

Нет ни бога, ни богов,
Ни святых угодников,
Стало много на селе
Молодых безбожников.

В небесах Илья пророк
На коне катается.
Интересно знать, друзья,
Чем там конь питается.

Богородица с Миколой
Отошли на задний план.
Мы теперича узнали —
Это было все обман.

Мы религию поповску
Закопали в огород.
Это раньше поп по селам
Одурманивал народ.

Раньше дед молился богу,
Клал поклоны низенько,
А вчера меня спросил:
— Что такое физика?

Святых нет, чертей нет,
Бога не бывало.
Это все советская власть
Нам растолковала.

Перестали в бога верить,
Перестали лоб крестить,
Образумилась деревня
И культурно стала жить.

Раньше жили — голодали,
Божьи храмы строили,
Ныне бога позабыли,
Урожай утроили.

Что нам поп и попадья,
Что нам богородица,
И без них у нас и так
Хлебушко уродится!

Кто надеется на небо,
Тот останется без хлеба.
Мы науку уважаем,
Значит будем с урожаем.

Мой милый у порога
Заявил, что нету бога.
Хлеб дает нам не Христос,
А машина и колхоз.

35. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Кто библию прочтет, тот с ума сойдет.
От монастырских книг, что от вина, дурнеет голова.
Богов много, а миловать некому.
У святых отцов не найдешь концов.
Ребят пугают букой, а мужиков — вечной мукой.
Стоит ад попами, дьяками да неправедными судьями.
Подьячим и на том свете хорошо: умрет, прямо в дьяволы.
За богом пойдешь, ничего не найдешь.
Надежда на бога и в болезни не подмога.
Молили бога — была доля убога, молиться перестали — богаты стали.
На бога полагаться — без хлеба можно остаться.
Не Микола да Илья-пророк, а косилка да тракторок.
Тому бог не нужен, кто с наукой дружен.
Раньше без бога не до порога, а теперь и без бога широкая дорога.
Трудно богу с нами: рай на земле мы строим сами.

II. ЦЕРКОВЬ И ДУХОВЕНСТВО НА СЛУЖБЕ У ВЛАСТЬ ИМУЩИХ

36. КАК ЧЕРТ НА МУЖИКА ХОМУТ НАДЕЛ

Тогда еще никого не было — ни попа, ни купца, ни царя. Был, значит, черт и мужик. Выдумал черт, как мужика в хомут запречь. И вот сотворил он купца, ну, кулака, значит, для того, чтобы у мужика землю купить. Пошел купец к мужику по землю. Мужик не продает.

— Без земли мне, мужику, и делать нечего.

Идет купец снова к черту. Злой он был на черта: мужик землю не продал, есть нечего ему.

— Сотворил, так корми, — говорит купец черту.

Поругался купец с чертом, поколотил его. Черт кормит купца. Задумался черт, дело у него все сорвалось.

Сотворил черт барина. Надел ему цепочку золотую и вообще все хорошее дал. Вот просит барин у мужика землю, мужик не дает.

— Чтоб земля-то у нас еще барским дерьмом не пахла.

Поругались они. Пришел мужик землю пахать, а барин сел в борону и не дает мужику пахать.

— Есть, — говорит, — я хочу, и не уйду с места.

Мужик избил барина, чтобы он не мешал ему. Приходит барин к черту.

— Плохо, — говорит.

Сотворил черт тогда попа: глаза у него завидуши, руки загребуши. Поп пошел просить землю у мужика.

— Ну, как дела? Чего и сколько, мужичок, ты намолотил?

— Да хватит: пудов тыщу ржи да пшеницы столько же.

— Дай мне хлеба, на том свете в рай попадешь, помолюсь я за тебя.

Мужик согласился.

— Есть у меня корова, отелится — телка дам, ожеребится кобыла — жеребенка дам.

Не согласился поп, мужик его выгнал. Пришли к черту купец, барин и поп — отколотили черта. Черт пошел к Яге-бабе совета спросить, как мужика в хомут запречь. Говорит Яга черту:

— Сегодня в дупле снесла дьявольская птица яйцо — его высидеть надо.

Сидел, сидел барин на яйце и вывелся царь — зубы стальные, глаза огневые — жадные глаза. Дунул, плюнул царь — войско образовалось. Народилось в это время у мужика целое семейство. Пошел царь войной на мужика; все же не осилил. Остался черт снова ни с чем. Снова черт пошел к Яге. Яга выковала на черте гвоздь и говорит черту:

— Вбей этот гвоздь в башку мужику, когда мужик будет богу молиться, нырни в правое ухо, вынь сердце мужика, а в левое вынырни.

Черт подкараулил мужика, забил ему гвоздь в череп, влез в правое ухо, достал сердце, в левое вылез. Сдался мужик. Надели на мужика хомут и стали на нем пахать и сеять.

37. ЦАРСКАЯ МИЛОСТЬ

Жил когда-то давно-давно мужичок, да так давно, когда еще верили в царскую милость к беднякам. А жил этот мужик очень бедно, ребятишек имел очень много, никак не выбьется из нужды, которая забравши в самый угол.

Вот однажды и посоветовали добрые люди написать царю прошение и просить о помощи ему, бедному мужику. Послушал мужик совета, сам он писать не умел, да и никто в деревне не умел, решил мужик идти к попу и просить его написать прошение царю.

Взял последнюю курицу и пошел к попу.

— Батюшка, пожалей меня горемычного, напиши царю-батюшке письмо-прошеньице об оказании помощи.

— Ладно, свет, напишу я тебе прошеньице.

Вот написал поп прошение мужику к царю, и отправили его с первой оказией. Получил царь прошение мужика-бедняка, прочитал его и задумался над ним, чем же оказать помощь мужику да еще бедняку. Еще не было в его жизни такого затруднительного положения, чтоб оказывать помощь мужикам-беднякам, да и нужна ль вообще им помощь, он совершенно не знал. Решил царь созвать министров по такому важному вопросу.

Вот собрались министры, царь открыл совещание, дал зачитать письмо главному министру. Пока главный министр читал это письмо дерзкого мужика, царь все думал, что же дать в конце концов мужику. Когда главный министр прочитал заявление, царь уже надумал, что дать мужику, и выносит свое предложение на обсуждение министерства.

— Вот что, господа министры, я придумал, что дать мужику.

— Что, ваше величество?

— Я ему дам костюм с заграничного сукна с золотыми пуговицами, пусть он носит и вспоминает милость царя.

— Ну что вы, ваше величество, разве мужик умеет носить такой костюм, он его сразу же в навоз пьяный и замарает, — вот вам ваше дорогое сукно и с золотыми пуговицами.

Тогда царь опять задумался, что же дать мужику-бедняку. Опять надумал и говорит министрам:

— Тогда вот что, я не ему костюм, а его жене и детям пошлю по костюму, они ведь в навоз не замарают, а будут носить и меня вспоминать.

— Что вы, что вы, ваше величество, как можно это делать? Баба сразу пойдет в поле, там в глину и грязь все изуродует, а ребятишки у мужика хуже поросят, они и из грязи не выходят, всё там копаются, так им ваш костюм на один день.

Опять задумался царь, что же дать мужику. Долго думал, но надумал. Выносит свое предложение на министерское обсуждение.

— Я надумал вот что ему дать: послать ему мешков десять лучшей пшеничной муки, пускай ест со своими ребятишками белый хлеб и вспоминает доброго своего царя.

— Что вы, что вы, ваше величество, разве мужик может есть белый хлеб! Ведь у него кроме ржаного с мякиной брюхо не переваривает, а эту муку он продаст и пропьет, а потом будет вас ругать.

Опять задумался царь, что же дать мужику-бедняку в конце-то концов. Министры в почтении сидят и дожидаются, когда царь надумает что-нибудь. Вот царь надумал, повеселел:

— Вот что, господа министры, я надумал дать мужику: пошлю ему лошадь хорошую и пару породистых коров, пускай пашет и меня вспоминает, а ребятишки пьют молоко, тоже вспоминают своего доброго царя.

Услышав такое предложение от царя, министры от ужаса замахали руками:

— Что вы, что вы, ваше величество, разве можно мужичку лошадь? Он пьяный ее сразу загонит, а баба его не умеет за коровами обхаживать, уморит их с голоду.

— Ну так я вам разрешаю, господа министры, придумать, что мужику дать. Вы больше, верно, знаете его и что ему больше всего нужно.

Переглянулись между собою министры и проговорили все вместе, что надумано уже давно:

— Ваше величество, мужик любит только розги и без них не может он жить. По нашему глупому уму дать ему сто розог, чтоб другим не завидно было и больше не писали прошений.

— Пусть будет по вашему, господа министры, вы больше знаете мужика и что ему всего необходимее для его же личной пользы.

Послали министры милостивый ответ царя бедному мужику, но не лично ему, а через волостного старшину, где в приписке указано: «Выехать самому старшине со стражником на место, созвать сход и при народе дать мужику сто царских розог». Так и сделал старшина, как указано в царском указе, взял стражника, приказ царский, поехали в деревню к мужику, собрали сход, зачитали приказ, повалили мужика на козлы, сняли штаны и рубаху да отсыпали сто теплых розог.

После розог пошел мужик к попу свое горе излить.

— Как же, батюшка, вместо помощи я от царя получил розги.

— Ты, свет, не понимаешь, награда или немилость, пожалованная царем, все равно является великой честью для каждого православного. Ты должен этому гордиться.

Так и ушел мужик от попа несолоно хлебавши. Понял он тогда, что помощи ждать неоткуда. Нужно ее самому брать, совета полезного от попа тоже не получишь, он дает совет только в пользу себя и богатых.

38. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В ССОРЕ СО ВЛАДИМИРОМ

(Отрывок)

Славныя Владимир стольнѣ-киевской
 Сбирал-то он славный почестен пир
 На многинх князей он и бояров,
 Славных сильных могучих богатырей;
 А на пир ли-то он не позвал
 Старого казака Ильи Муромца.
 Старому казаку Илье Муромцу
 За досаду показалось-то великую,
 И он не знает, что ведь сделати
 Супротив тому князю Владимиру.
 И он берет-то как свой тугой лук розрывчатой,
 А он стрелочки берет каленыи,
 Выходил Илья он да на Киев-град
 И по граду Киеву стал он похаживать
 И на матушки божьи церкви погуливать.
 На церквах-то он кресты вси да повыломал,
 Маковки он золочены вси повыстрелял.
 Да кричал Илья он во всю голову,
 Во всю голову кричал он громким голосом:

— Ай же, пьяници вы, голюшки кабацкии!
 Да и выходите с кабаков, домов питейных
 И обирайте-тко вы маковки да залочены,
 То несите в кабаки, в дома питейные,
 Да вы пейте-тко да вина досыта.

Там доносят-то ведь князю да Владимиру:
 — Ай Владимир-князь да стольнѣ-киевской!

А ты ешь да пьешь да на честном пиру,
 А как старой-от казак да Илья Муромец
 Ен по городу по Киеву похаживат,
 Ен на матушки божьи церкви погуливат,
 На божьих церквах кресты повыломил,

А все маковки он золочены повыстрелял;
 Ай кричит-то ведь Илья он во всю голову,
 Во всю голову кричит он громким голосом:

— Ай же, пьяници вы, голюшки кабацкии!
 Да и выходите с кабаков, домов питейных,
 И обирайте-тко вы маковки да золочены,
 То несите в кабаки, в дома питейные
 Да вы пейте-тко да вина досыта.

Тут Владимир-князь да стольнѣ-киевской
 И он стал Владимир дума думати,
 Ему как-то надобно с Ильей помирится.

39. «ГОВОРИЛИ КРЕСТЬЯНЕ ПОПАМ»

Говорили крестьяне попам:

— Вы духовны отцы, а мы слепцы и глупцы,
 Вы отдайте церковную землю всю нам,
 Мы тогда не пойдём уж с поклонами к вам,
 А посеём горошку, стручечки облупим,
 А царство небесное мы воробьям
 Да ангелам божьим уступим.

40. ДУДА

Собирайтесь-ка, ребята, поскорей,
 Грянем песню мы крестьянскую дружной.
 Полно нам под дудку, дудку барскую плясать,
 Не пора ли на своей дуде сыграть?
 Сколько времени на нашу на беду
 Господа да кулаки дудят в дуду.
 А начальство, знай, похлестыват кнутом,
 Чтоб мужик резвей выкидывал козлом.
 Семенит он, до истомы семенит,

Из кармана грош последний, зная, летит.
Чиновье да кулаки берут гроши,
Очень-де крестьянски деньги хороши.
Тут и поп, гляди, акафисты поет,
А руками тоже денежки гребет.
Ах ты, подлый, долгогривый сатана,
Ведь и так, поди, давно мошна полна.
До каких же пор нам, братцы, все плясать
Нет, давайте, на своей дуде сыграть.
Пусть теперь попляшет это воронье,
Растрясет маленько череву свое.

41. «УПОКОЙ И ПОМЯНИ, БОЖЕ»

Упокой и помяни, боже,
Нижеупомянутые рожки:
Царя Николашу,
Мать его Машу.
И жену его Сашу,
Княгиню Елизавету
И всю сволочь эту.
Генерала Трепова,
Витте-победителя,
Полицию-грабителей,
Казачков-палачей
И всех прочих сволочей.

42. «ГОСПОДИ, ПОМИЛУИ»

Господи, помилуй
Царя Николая,
Жену его Сашу,
Маменьку Машу,
Трепова-генерала,
Алексеева-адмирала,
Победоносцева-секретаря
И Алексея-моряка,
Княгиню Елизавету
И всю сволочь эту,
Господи, воздай им по заслугам
И бедную Россию
Навеки не покинь.
Аминь.

43. «ПОМЯНИ, ГОСПОДЬ, ПЕТРОЗАВОДСКИХ КУПЧИКОВ»

Помяни, господи, петрозаводских купчиков,
 Всех кормильцев-голубчиков.
 На муку набавили,
 Мужуку заботы прибавили.
 Помяни, господи, Поспелова Андрюшу,
 Помяни, господи, Тиккоева Васюшу,
 Помяни, господи, Пименова Гришу,
 И вверзи их в огненную геену,
 И предай сатининскому плену.

44. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Богом барину телятина жарена, а мужуку — хлебушка краюха
 да в ухо.
 Царь богу родня, бойся его, как огня.
 Велик царь через попов своих.
 До неба умом не сягнешь, до царя рукою.
 До царя далеко, до бога высоко.
 К небесам высоко, в реку глубоко, а приходит вертеться, как
 некуда деться.
 Как дьяк у места, так всем от него тесно; а как дьяк на пло-
 щади, так, господи, пощади.
 Судиться — не богу молиться, поклоном не отделаешься.
 Судейский карман — что поповское брюхо.
 Выбуют из сапогов в лапти (*про начальство или духовенство*).
 Где земля для мужичка хороша, там царь монастырь поставил.
 Монастырь для царя, что черепахе броня.
 Монастыри — у царя ордена.
 Силен бог, а митрополит-отец еще сильнее.
 Святым в Синоде прослыть — в архиереях быть.
 Золотой шапке и царь в ноги (*митрополиту*).
 У Сергиевой лавры сам государь в долгу.
 Архиепастырей не бог хранит, а полиция.
 Того жандармы брали, на кого попы моргали.
 Кто богат, тот и свят.
 За тем боже, кто кого переможе.
 Праведная душа не берет барыша, а денежку таском таскает.
 За рубль свечки берет, а с бедного последнюю шкуру дерет.
 Богатый и в монастырь, что на пир едет.
 Богатому рай, а бедному — ад.
 Голодный, и архимандрит украдет.
 Голенький — «ох», а по голеньким бьет бог.
 Ох, ох, ох, коли кошель плох, не поможет и бог.

На бедняка и кадило чадит.

Денежка открывает небеса.

Копá переможет и попа.

Деньга попа купит и бога обманет.

Кто попу рубль, тот и во святых — свой.

Денежна молитва — что острая бритва, все грехи сбреет.

Тремя пальцами раньше крест клали, а всей пятерней шкуру драли.

Что поп, что кулак, одним миром мазаны, одной веревкой связаны (бедняка и за человека не считали).

Поп обманывал мужика без лени, пока мужику не открыл глаза Ленин.

III. ЦЕРКОВНЫЕ «ЧУДЕСА». ИКОНЫ. СУЕВЕРИЯ И ПРЕДРАССУДКИ

45. ПРАВДА О СВЯТОМ ФЕОДОСИИ

В одном приходе жил поп. Этот поп бедно жил. Народу мало в церкву ходило, дохода не было. Он и говорит кулаку:

— Знаешь что, Иван, я думаю подавать в консисторию, чтобы перевели в другой приход, потому что у меня семья большая, а приход малый, доходу нету никакого, и я с одного жалованья только и живу, так что мне тяжело здесь жить.

Ему кулак и сказывает:

— Эх, батюшка, батюшка! Тут можно разжиться лучше большого приходу. Сделай так, как я тебе скажу, то за тысячу верст будет ехать сюда, и большой приход не поможет тогда. Будет тебе доход и мне, и мы разживемся, да еще будут другие попы завидовать тебе.

Он и говорит:

— Да что, Иван, такое?

— И вот, дай мне икону с церкви, Феодосия, и я занесу вот в такое место, от деревни за полверсты, и поставлю на этот ключ ее глазами и укажу мужикам. Мужики придут и посмотрят. А ты сам едь в другую деревню, то без тебя икону брать не будут.

Он отдает кулаку эту икону, а сам уезжает в другую деревню. Кулак поставил икону эту, а сам пошел в деревню. Тут мужиков много сидят, праздник как раз, и разговаривают сами с собой. Кулак подходит к им и говорит:

— Здравствуйте!

— Здравствуй, здравствуй, дядя Иван!

Он и говорит:

— Знаете, мужики, я шел сейчас в такое место, там стоит икона, чуть она не плачет и глядит на святую водушку. Откуда она могла явиться туда?

Мужики сказали:

— Ну, так пойдем, посмотрим!

Кулак говорит:

— Вы одни не идите. Надо позвать батюшку, и он там все-таки молитву прочитает, и узнаем, что это за икона такая.

И сказывает староста сотнику:

— Бежи скорей, позови батюшку, пока не вошел в церкву еще.

Сотник прибегает к батюшке и спрашивает матушку:

— Матушка, где батюшка?

— А на что он вам?

— Да вот, матушка, там икона оказалась в таком-то месте.

А матушка уже знала, какая икона.

— А батюшка уехал вот в такую-то деревню, и он, пожалуй, до вечера не придет домой, так что для праздничка он будет обедню служить. А иконку оставить нельзя. Так вы пошлите туда лошадь, — батюшка придет скоро.

Сотник прибегает к старосте и говорит:

— Он уехавши в такую-то деревню.

Посылают лошадь за батюшкой, а батюшка приезжает, одет свой подрясник и берет кадильницу и с мужиками отправляется к этой иконе.

Приходит к иконе и говорит:

— Это с церкви святой Феодосий сюда пришел. Ты что же не полюбил церкви и пошел чуть не в чисто поле?

Он три раза обошел, кадильницей помахал и велел взять эту икону и нести [туда], где она раньше стояла. Мужики принесли и поставили на тое место.

То кулак сказывает:

— Давай же, батюшка, мы опять ее поставим снова там.

Кулак взял и поставил. Батюшка приходит в церкву, а святого Феодосии нету, и он заявляет:

— Святой Феодосий опять вышел от нас. Так возьмите, староста, и сходите на тое место, где стояла икона, может быть, она там опять стоит.

Церковный староста приходит к деревенскому старосте и говорит:

— У нас икона опять ушла с церкви, так что поп велел, чтобы мы сходили туда, откуда мы вчера ее принесли.

Они пошли. Приходят. Икона стоит. Они пошли к батюшке и говорят:

— Батюшка, там стоит!

— Ну, так надо ее опять взять. Позвать туда хоть несколько женщин, может быть она мужиков не полюбила.

Женщины приходят. Батюшка кадильницей помахал. Женщины святого Феодосия взяли, с крестным ходом понесли и поставили опять на место ее.

Кулак и говорит:

— Надо, батюшка, до третьего раза ставить ее туда.

И третий раз затащили, и третий раз взяли ее опять в церкву. Кулак и говорит батюшке:

— Теперь, батюшка, сбри сходку, чтоб мужики на том месте выстроили часовенку, то она будет, икона, спасать людей этой водой.

Сделали сходку. Мужики согласились сделать часовенку и принесли эту икону в часовенку. Поп посылает в консисторию какое-то объявление. В консистории послали батюшке деньги за часовенку, и консистория пропустила в газетах, что явленная икона на таком-то месте, много людей спасает, — в такой-то губернии, такого-то уезду (раньше было), такой-то деревни.

Стали мужики ездить. Придет, помолится, жертву даст иконе, а поп все забирает себе. А с церкви куда ж пойдет? Надо зайти к кулаку в трактир — пожрать. Придет, выпьет там, закусит. Ну, а кулак всё подороже берет.

Они пожили несколько лет. Поп разжился, и кулак разжился. Кто чем заболает, едет, может быть, за тысячу вёрст. Пока едет, ему легче стает: не работает. Водушку эту попьёт — болезнь как бы и спадет.

Один мужик три раза ездил. Поехал четвертый раз. Приехал, помолится, жертву дал и пошел к кулаку подзакусить. Закусил и говорит:

— Святой Феодосий людям пособляет, а мне не пособляет. Вот уже четвертый раз приезжаю, а помочи никакой нет.

Кулак и смеется:

— Эх ты, православный человек! Не веришь иконе, святому Феодосию? Она двух человек поправила так, что им до самой смерти хватит здоровья и еще и детям их останется (она поправила: и у кулака есть, да и у попа есть).

То мужик и сказал:

— Я вижу, кого она поправила.

— Кого?

— Попа и тебя она поправила! Значится, хватит детям вашим. Вам и просто выдумывать.

Кулак и сказал:

— Правду сказываешь.

Мужик этот и пропечатал в газетах правду о святом Феодосии.

46. СВЯТОЙ ПАНТЕЛЕЙМОН

Вот жил поп в одной деревне. Приход был у его большой. Он держал трех работников. И он матушке сказывает:

— Работники много едят. Как бы сделать так, чтобы они поменьше ели? (Жадный был).

— Да поработают — надо поесть, — матушка отвечает. — Если им посолонее варить, так они будут побольше воды зить.

А батюшка говорит:

— Нет, я надумался лучше. А вот, чтобы каждое утро они по цельному ковшику выпили воды, то они меньше будут есть, потому что брюхо будет полно.

Батюшка приходит к работникам и говорит:

— Знаете что? Вы утром как встанете — помойтесь, помолитесь богу, чтоб бог вам отпустил грехи ваши, что днем нагрешили, и потом, как будете садиться за стол, чтобы каждый полный ковшик выпил воды. Это для здоровья будет, потому я в книжке читал от святого Павла и сам стал выпивать воду каждый день. Я почувствовал сам себя, что стал здоровым. Так вот я советую вам так.

Работники сказали:

— Ладно, батюшка.

Начали выпивать. И батюшка каждое утро приходит, чтобы работники выпили. И вроде как ему показалось, что стали меньше есть. А того не знает батюшка, что работники крадут от его больше.

Проходит несколько время. А поп все под дверями слушает, что работники сказывают. Один работник немножко проспал — а эти за столом — и бежит прямо за стол. А другой был по-старше работник, так он и крикнул:

— Ты куда бежишь, дурак? Небось не помылся, да не перекрестился, да и кружки воды не выпил, то ты съести, что дыпленок. Вишь, нам батюшка сказывал, — он читал книжку — святой сказал, что нужно кружку воды выпивать, то здоровше будешь. И я чувствую, что здоровше сейчас. Так-то съести, что дыпленок, а воды выпьешь, так ты съести за многих молодцов, то, действительно, будешь здоров.

Он пошел мыться, и богу молиться, и воды выпивать, и галушки поедать. Эти и говорят:

— Вот видишь, теперь ты лупишь вдвойне; съести, да еще мало будет, что нам принесено. Ну, ешь, ешь, я пойду попрошу, чтоб батюшка прибавил.

(А они знали, что батюшка слушает).

Батюшка от дверей побег. Прибегает, матушке сказывает:

— Сейчас Иван придет просить корма, а Митька как сел, так все съел.

Иван и приходит:

— Матушка, маловатый завтрак, прибавь хоть простокваши нам немного.

— Неужели вы все поели?

— Да Митька как воды выпил, так еще в три раза больше съел, как у нас было.

Матушка им прибавила.

Иван приносит эту простоквашу. Съели. Батюшка и говорит матушке:

— Надо им запретить воду пить. Это действительно правда выходит, что воды напьется, так он больше ест — у его брюхо растянется от воды, так надо его наполнить. То я вздумал на свой карман. Теперь им сказать, чтобы воды не пили, а так завтракали.

На другой день батюшка и рассказывает:

— Ты, Иван, не пей воды да и им не давай.

— Ладно, батюшка, сделаем.

Ну вот, на утро вынесли завтрак. А Иван уже давно поговорил с работниками, чтоб утром воды не пить.

— Я скажу: воды не пить! А вы со мной станьте спорить: «Что тебе — поповского хлеба жалко?». (Батюшка будет слушать).

Они стали спорить, когда Иван сказал:

— Не пейте воды!

— Мы воды выпьем, так мы больше съедим, а если ты будешь жалеть хлеба поповского, мы тебе лупцовку дадим! (Они сговорились между собой).

Митька побег за ковшиком, сейчас же воды выпил, Иван — не давать.

У их пошла вроде драка, и поднялся шум, — и опружили это всё; и стол перевернули, и миски полетели. Ивана наземь свалили (нарошно) и стали Ивана вдвоем бить. Иван «караул» стал кричать. А батюшка под дверями стоит. Кричит Иван:

— Ой, батюшка, выручи!

Тут и батюшка является.

— Что вы деретесь?

— Да вот, батюшка, я не стал давать воду пить им; они говорят, что я жалею вашего хлеба. Действительно, они воду пили, дак они больше ели. Теперь за это они дали мне вертёвку.

Батюшка говорит:

— Ну, воды не пейте да не деритесь, а вы там в согласии живите. У меня хлеба хватит, хоть с водой, хоть без воды. Я сейчас схожу к просвирне и скажу, чтоб она вам принесла хоть молочка.

Просвирня приносит молока. Они поели и на работу пошли. И воды не стали пить больше.

Митька и говорит:

— А надо с попом что-нибудь иначе сделать.

Иван и рассказывает:

— Что же сделать?

— А я подобрал ключ от ледника. Не все нам простоквашу есть, пусть и он поест простоквашу, а я буду носить сметану.

Он и начал ходить в поповский ледник снимать сметану и приносить работникам.

Просвирица приходит — на горшках сметаны нету. Она стала матушке рассказывать:

— Кто-то у нас собирает сметану, то масла не собьешь.

Вот уже несколько разов это собрано. Батюшка все никак не доберется, кто такой сметану собирает. Митька и говорит:

— Батюшка следит, что мы сметанку едим, то я сегодня сметану сберу. Сметану съедем, а скоро будет праздник Пантелеймонов. пойду да святому Пантелею губы вымажу. Вот батюшка и подумает, что святой Пантелеймон к празднику сметанкой подкрепляется.

Так Митька и сделал. Сметану собрал, горшки все опружил, святому Пантелеймону губы обмазал.

Вот утро приходит. Пошли на ледник. Сметаны нету, да и горшки опружены все, что и работникам дать нечего.

Ну, батюшка тут не добрался. Приходит в церкву, надеет свою рясу и подумал, что «у нас завтра праздник, к святому Пантелеймону люди собираться будут, посмотреть хоть, в порядке ли он стоит».

Приходит, а у Пантелеймона все губы в сметане да и ноги обкапаны.

— А—а! Так ты за сметанкой ходишь?!

Берет палку и начал Пантелеймона дуть. Бьет и рассказывает:

— Сметану поел да еще горшки опружил?!

А церковный староста видал все, как он его бил. И он и работникам шепнул, что батюшка бил святого Пантелеймона, что сметану съел. А Митька говорит:

— Да будто святой сметану будет есть.

— Нет, правда, правда, я сам видал — губы замазаны, — староста рассказывает.

Митька говорит:

— Ну, может быть и поел.

Ну, вот Митька и говорит своим товарищам:

— Завтра праздник святого Пантелеймона, то я пойду его возьму с церкви и занесу его в болото. Да и зарюю его в мох. Только оставляю, чтоб одни ноги торчали. А теперь приход придет — Пантелеймона не будет, батюшке доход не будет.

Вот Митя забирает Пантелеймона, заносит в болото, закапывает его в мох. На завтра батюшка встает, идет в церкву.

Смотрит — Пантелеймона нету. Удрал Пантелеймон. Он туда, он сюда — Пантелеймона нету.

На Пантелеймона один мужик был похожий. Он прибегает к этому мужику.

— Ты выручи меня.

— А как, батюшка, тебя выручить?

— Да вот у меня святой Пантелеймон удрал, а ты на его походишь, дак ты стань на его место и стой. И будут тебе свечки ставить и деньги бросать. Обедня отойдет, я тебе за это пятьдесят рублей дам.

Мужик и думает: «Что ж, часа три постоять за пятьдесят рублей можно».

Мужик приходит, скидывает с себя одежду, подпоясывается, можно сказать, трусики одевает, и так как Пантелеймон стоял, так и он стоит (Пантелеймон был отрисован, как живой).

Тут набралось народа, даже в церкви пройти нельзя. Каждому охота Пантелеймону святому поставить свечку и покласть ему денег. Приходит одна старуха. То подсвечники были все заставлены, негде свечи поставить. Старуха говорит:

— О, господи, святой Пантелеймон! Наставили тебе свечек, что и девать некуда. (А Пантелеймон все слушает). Я хоть поставлю тебе на ножку свечку.

И подходит к ножке. Раз капнула на ножку. Он молчит. Стала ставить свечку — она не пристает. Она второй раз стала капать на ножку побольше. Пантелеймон только ногой пошевельнул (всё-таки больно). А свечка не пристает. Она третий раз между пальцев стала капать. Воск капает, а она прижигает. Пантелеймон терпел, терпел, да бабе в зубы и заехал ногой. Баба полетела. А Пантелеймон через эту бабу — да ходу, побег. Батюшка и кричит:

— Кто грешный пришел сюда в церкву, что Пантелеймон не полюбил, и сам побег с церкви?

Баба и кричит:

— Батюшка, это я грешная! Негде было свечки поставить, то я на ножку стала ему капать. Раз капнула — не пристает свечка, я и второй раз капнула. То я стала капать между пальчиков его, поджечь, чтобы свечка стояла. Так он в морду мне как ногой дал, так я и полетела.

А батюшка кричит:

— Ты знаешь, что ты грешная, — не надо бы на ножку ставить, а рядом бы поставила.

Пантелеймон и побег в лес, в болото это. Вот они пошли святого Пантелеймона искать тем следом, куда он побег. Вот идут, видят — во мху закопанный, только ноги торчат. Они кричат:

— Батюшка, мы нашли!

Батюшка пришел, кругом с кадильницей обошел, молитву пропел. Пантелеймона из моха вытягнули, на ручи взяли, в церкву приставили.

Вот и бабушка эта идет, что «прости мне, святой Пантелеймон, а больше свечки тебе не поставлю».

Так поп праздник и провел. Денег собрал и мужику пятьдесят рублей дал.

47. СВЯТОЙ АВРААМ

В одной деревне было две церкви, одна большая, другая маленькая. В большую церковь народ еще ходил, а в маленькую совсем перестал ходить.

Сидит поп целую неделю и думает: «Что же мне сделать, чтобы народ ходил в мою церковь, а то, думает, помру я с голоду?». Наконец, надумал. Приходит к дьякону и говорит:

— Ну-ка, дьякон, запрягай лошадей и поезжай в город, купи три головки льна, одну — десять фунтов, другую — двадцать, а третью — пуд, чтобы всё разно было.

Поехал дьякон, купил, привез попу. А поп сидит, пишет извещение, что такого-то числа, в воскресенье, в такой-то церкви будут твориться небесные чудеса. А дьякону он говорит:

— Ты, дьяче, заберешься в кумпол и, как я пропою: «Аврааме, Аврааме, сошли с неба огненное пламя» — зажгешь десять фунтов льна и бросишь. Так до трех раз.

Дьякон согласился. Приходит воскресенье. Народ валит со всех концов, в церкви просто не вместиться. Началась служба. Поп поет, кадилом махает, оно так и дымит. Вдруг встал — руки кверху и запел:

— Аврааме, Аврааме, сошли с неба огненное пламя.

Дьякон зажег десять фунтов льна и как бросит с кумпола вниз. Народ весь на коленки, крестится. Поп тут, конечно, обрадовался, еще лучше поет, кадилом махает, взад и вперед так и метается, что на парусах. Второй раз запеваает:

— Аврааме, Аврааме, сошли с неба огненное пламя, чтобы все убедились, в этой церкви молились, в грехах спокаялись.

Дьякон сверху еще сбросил двадцать фунтов. Тут уже все на коленях плачут и молятся. Мужики, бабы видят, что раз такие чудеса творятся — готовы сами себя отдать. Деньги бросают не в тарелку, а в решето. Поп от радости просто земли под ногами не чувствует. И в третий раз опять запеваает:

— Аврааме, Аврааме, сошли с неба огненное пламя, обожги нечестивым бороды, чтоб все убедились, в этой церкви молились, в грехах покаялись.

Дьякон зажег пуд льна и как бахнет — дыму нашло — полная церковь. А мужики готовы все, что ни есть, отдать, чувствуют, что грешны перед богом: в церковь эту не ходили. А поп, значит, от радости себя не помнит, видит, что все снова переходят к нему в церковь богу молиться. И в четвертый раз опять запеваает:

— Аврааме, Аврааме, сошли с неба огненное пламя! . .

А с кумпола дьякон как закричит:

— Бес долговолосый, тебе хорошо там внизу плясать, а я тут в дыму совсем задохся. От радости забыл что ли, что было три головки льна куплено? Куда же ты в четвертый раз ошалевашь? — И лезет оттуда.

Народ глаза вытаращил, опомниться не может. Старухи крестятся, думают: «Не дьявол ли?».

Но когда дым разошелся, все признали дьякона и поперли с церкви.

48. ПЯТЕНКА-ПРОСВЯТЕНКА

Жила у нас в деревне баба Кулина. Не плохая была баба, только очень уж скупая да прижимистая и похвастать любила добром, что прикопила. Вот приходит к ним батюшка-поп молбен служить. Отслужил честь-честью, стал святой водой кропить, а Кулина и вылезти вперед:

— Ты, батюшка, у меня в каморе покропи, а то сколько годов служишь, а в каморе ни разу не святил.

Пошел поп в камору и диву дался: кадушки стоят с маслом, с мёдом, скатки лежат холста, шерстяное тряпье, корзина с яйцами, мешок с гречневой крупой, с толокном, закромок муки белой. Разъело у попа губы. Да как уходил, посмотрел на замок. Эва! И у него такой же.

Вот поужинали муж с женой, спать легли. Чудится Кулине сквозь сон, как будто кто по сеням да по каморе ходит, ворочается. Встала она, зажгла лучину, пошла в камору, кочергу с собой захватила. Так и обмерла, вошедши, и кочергу из рук выпустила. Ходит по каморе женщина, высоченная, грузная, белое на ней одеяние, лицо до глаз закутано, на голове венец золотой, навроде того, как богатым молодым надевают дойти до своего двора со славой, а в руках кадило. Трясется Кулина со страху, а женщина ходит по каморе, пустым кадилом махает да все приговаривает:

— Я Пятенка-просвятенка, хожу-доглядаю, добро при-споряю.

Осмелела тут Кулина:

— Матушка, Пятенка-просвятенка, а куда же ты мешки наклала да горлачи с мёдом да с маслом?

— А это, раба божья, всегда так: сначала господь отымет, а потом вознаградит сторицей, во сто раз больше получишь того, что у тебя есть. Икону мою только купи, Параскевы-пятницы. Тайну строго храни, смотри, мужу ничего не сказывай. Услышишь, когда я в каморе хожу, не моги входить: все чудо нарушится.

Наутро пошла Кулина в камору. Замок заперт, как ни в чем не бывало. А на полочке свеча восковая прилеплена. Чудо! Чудо и есть. Обрадовалась Кулина и, как язык ни чесался, ничего мужу не сказала. И ну-ка Кулина по ярмаркам ездить, достала икону Параскевы-пятницы. Инда три рубля отдала. Давай по вечерам перед ней молиться, на коленки падать да лоб об пол мозолить. Нет-нет-да и забежит в камору кой-чего нового подложить. А чуда все нет: не прибавляется добро. Вот раз ночью слышит она, ходят по каморе, так вся и затряслась от жадности. «Было у меня, — думает, — двадцать аршин шерстяного тканья, а к утру ежели во сто раз прибудет, так это уж даже не сосчитать!». Всю ночь Кулина продрожала, не успело утро посереть, побежала она в камору. Батюшки! Ноги так к полу и пристыли. Не то, чтобы прибавиться добру, а почти все оно пропало, осталось маслица да меду на донышке да муки — хлеба на три, тканье и вовсе пропало.

Завыла Кулина, словно по покойнику. Пошла, все мужу рассказала.

— Подожди, — говорит мужик, — никому ничего не сказывай, а как заворошится в каморе Пятенка-просвятенка, ты меня и позови.

Прошло недели три, чует Кулина, кто-то замком взбрякнул. Вzbудила она тихонько мужа. Встал мужик, обрядился да захватил из угла лутошку здоровую, недавно в лесу ее вырезал, вздул лучину.

— Свети, Кулина.

А Кулина уж кочергу изготовила. Камора отворена, дверь чуть приперта. Взoшли. Женщина огромная в белом, венец на голове сияет, на полочке свеча толстая восковая прилеплена. Увидала мужика та баба в венце, схватила кадило и затянула:

— Я Пятенка-просвятенка.

Разгорелся мужик, как хватит Пятенку-просвятенку лутошкой по спине, по башке, по груди, а Кулина положила лучину на кадушку да кочергой по ногам, по ногам. Заревела Пятенка дурным голосом, да венец с нее слетел, покрывало белое на пол свалилось, и выскочил из покрывала батюшка-поп. Заметался по сеням, выхода не найдет, а мужик его знай охаживает. Насилу поп вырвался и припас свой весь оставил и мешки, что для добра приготовил.

Проснулся на другой день мужик поздно, свесил голову с печи, взглянул, а жена бьет розгой икону Параскевы-пятницы. Била-била да и швырнула на ведро:

— Не годилась ты молиться, годись хоть ведро покрывать.

49. ПОП И ДЬЯКОН

Жил-был поп да дьякон. Приход бедный был: не во что ни сбуться, ни одеться и в голова положить нечего. Вот и придумали они, где бы на сапожнишки добиться. Дьякон говорит:

— Давай-ка, поп, я буду воровать, а ты будешь ворожить.

Поп и говорит:

— Чего будешь воровать?

— Лошадей. В лес буду их прятать; ты будешь деньги брать, про лошадей рассказывать.

Вот дьякон пошел ночным бытом, троечку спёр и в овраг их отпёр.

— Ну, поп, я троечку спёр и в овраг отвел. Пришлю к тебе мужиков, ты будешь гадать, по черной книге читать, по сотне рублей денег брать. Чур, деньги пополам!

Вот дьякон увидал мужиков, у которых лошадь украл, и рассказал им все.

— Идите к попу: он вам про лошадей погадает.

Мужики обрадовались, скорехонько к попу собирались.

— Ох, ты, батюшка, отец духовный, ты видишь свет; не знаешь ли, где лошадей наших след?

— Ничего, друзья, не знаю, разве в черну книгу погадаю — все узнаю. Придите на утро.

Пришли они на утро, сказал поп:

— Ну, мужички, ваши лошади в лесу; дорогу только я вам не скажу: дайте сотенку рублей!

— Сотенку дадим, только путь-дорогу расскажи, до коней нас доведи.

Мужики сотенку вынимали, алчному попу в руки давали. Сотенку поп взял, про лошадей им рассказал.

— Идите в поле; лошади в рове стоят, аржану соломушку едят.

Мужики в поле пошли и лошадушек нашли. Завтра праздник воскресенье, к обеденке дон-дон. Вот пришли добрые люди к обеденке, стали богу молиться, Христу-Спасу поклониться. Обеденка отошла; дьякон лист бумаги берет, нову проповедь читает.

— А послушайте, миряне, что я вам буду читать! У нас приход-от бе-е-дный, корми-и-ться нам не-че-м; дьякон соби-рал-ся лошадей во-ро-вать, а попу-то велел во-ро-жить. Слы-

шите ли, миряне? Не все ли вы с дырами? И спёр дьякон трой-ку ло-ша-де-ей, отвел в о-враг, по-пу то ска-за-а-л; он в черной книге у-зна-а-л, а с мужиков сотню рублей взя-л и про лошадей расс-казал...

А поп-то и говорит:

— Сказал, ду-р-а-ак, ду-р-а-ак дьякон, не во все лю-ди бя-кай, знай ты да я! И обедня, братие, вся-я!

50. КАК БАРИНУ ПОП ВОРОЖИЛ

Один приход был очень беден, и попу кормиться было не-чем; вот сговорился он с дьячком: давай, дескать, свет, схит-рим.

— Как так схитрим? — говорит дьячок.

— Да вот как, я буду красть, тебе сказывать, а ты посылай ко мне того, у кого я украду: что, дескать, ступай к батюшке, он может по книгам угадывать.

Вот поп ночью залез к одной вдове да повытаскал холсты и положил их в овин. На утро вдова глянула, что нету холстов, завыла, заголосила по холстам. Приходит к ней дьячок и го-ворит:

— Чего голосишь?

— Да как же мне не голосить, вот какой-то разбойник за-лез и унес холст.

— Ступай-ка ты к батюшке — он хорошо угадывает.

Приходит вдова к попу и говорит:

— Батюшка, сделай такую милость, гляни в книги, где на-ходятся мои холсты.

— Хорошо, свет, только, коли угодно, десять рубликов, я и могу даже найти.

Пошла эта вдова заложила последнюю свою одежду, взяла десять рублей и приходит к попу. Вот взял поп деньги, до-стал книгу, почитал немного да говорит:

— Твои, свет, холсты унесли черти для шутки и бросили в соседов овин, ступай и возьми их.

Пошла вдова и вправду нашла, обрадовалась.

На другую ночь увел дьячок жеребца у богатого мужика, да поставил в лесу, в самом глухом месте и сказал попу, где поставил. На утро мужик прямо приходит к попу и просит, чтобы поднял книги и узнал, где находится жеребец.

— Нет, вот что, свет, я могу найти, но только за работу пятьдесят рублей (а жеребец стоил двести рублей).

Мужику делать было нечего, жалко жеребца, достал деньги — пятьдесят рублей. Вот достал поп книгу, давай чи-тать, читал, читал и говорит:

— Твоего жеребца увели воры, да запоздали и поставили в лесу, в самой глуши.

Пошел мужик и в точности нашел жеребца. С тех пор прославился поп: все может находить, все, что бы ни пропало. На грех или на счастье пропало у барина шесть тысяч рублей денег, а барин жил всего с четверть версты от него. Вот посылает он своего слугу к попу, чтобы приехал сию минуту ко мне. Поехал слуга к попу, привез попу к барину.

— Ну, — говорит барин, — вот пропали у меня шесть тысяч рублей денег, вот ты их мне чтобы нашел, а ежели не найдешь, то больше попом тебе не служить, и я тебя прогоню с глаз моих.

— Вот что, свет, дай сроку на день.

— Хорошо, ступай с богом.

Пошел поп и горько заплакал, не зная, что делать. Приходит домой, зажег огонь и давай читать. А деньги унесли слуга да лакей, вот они заробели и вечером пошли к попу поглядеть, что он делает. Приходит и говорит слуга на лакея:

— Ступай послушай, что он делает под окно, а я тут постою.

Подходит лакей к окну и слушает, а петух крикнул, поп и говорит:

— Слава тебе, господи, одного дождался.

А лакей сразу оробел, подходит он к слуге и говорит:

— Ну, братец, попались. Только что я подошел, он и говорит: «Слава тебе, господи, одного дождался». Ну, братец, делать нечего, пойдем прямо лично и будем просить, нельзя ли скрыть.

— Ну идем.

Подошли к окну и говорят:

— Батюшка, нельзя ли скрыть?

— Как так, свет? Это невозможно скрыть.

— Да вы скажите, что черт унес и положил под снасть у мельницы (у барина была водяная мельница, и недалеко от дома).

— Хорошо, свет, только за работу пятьдесят рублей.

Делать нечего, отдали деньги:

— Лишь только сделай милость, скрой, а то барин и прямо накажет — на расстрел.

— Ну, свет, — говорит поп, — чтобы деньги положили под снасть.

Наутро приходит поп к барину и говорит:

— Ну, барин, деньги твои целы; их унес черт и положил под снасти на мельнице.

— Ну, — говорит барин попу, — половину отдам тебе.

Потом позвал попа барин в сад гулять. А попова фамилья Жучков. Вот гуляют вдвоем они по саду, барин немного приотстал и поймал жука, зажал его в руку, подходит к попу и говорят:

— Вот узнай, что в руке, последние три тысячи твои, забирай их все.

Вот поп, не зная, что делать с испуга, снял шапку и размахнул руку, ударил прямо себе по лысине, а сам приговаривает:

— Ах, попался Жучка барину в ручки.

А барин как швырнет жука из руки и приговаривая:

— Тьфу, пропасть, узнал и жука.

Поп не узнал жука, только очень сробел, думая, что пропал теперь я, поэтому он и сказал: «Попался Жучка барину в ручки», а фамилья попа Жучка.

— Ну, — говорит барин, — теперь получи все шесть тысяч находных денег да укажи мне середину — пуп земли и узнай, что у меня на уме, и оцени меня, вот тебе сроку на день и чтобы все было исполнено в точности.

Пошел поп и очень призадумался, не рад и деньгам; идет он таким родом мимо мельницы, мельник и спрашивает:

— Чего вы, батюшка, так пригорюнились?

— Да как же мне не пригорюниться, барин сказал: чтобы показал ему середину — пуп земли, потом чтобы оценил его и узнал, что на уме у него.

— С того-то и робеть! Приходи-ка ты завтра да принеси свой подрясник, шапку и палку, да нельзя ли разжиться — парик, чтобы у меня такие были волосы.

— Хорошо, свет, у меня есть парик.

— Ну, от и так приходите завтра.

На другой день приходит поп и все, что приказано, приносит. Вот мельник нарядился во все поповское, а попа оставил на мельнице. Вот пришел мнимый поп к барину, увидел слугу и говорит:

— Доложи барину, что пришел батюшка, показывать середину — пуп земли.

Выходит барин и говорит:

— Ну что?

— Да прикажите, барин, запрячь лошадь, мы с вами и поедем.

Вот сели «поп» с баринном и поехали, выехали в поле, подъехали они к кургану.

— Ну слезай, — говорит «поп».

Слезли, взошли на курган, вот поставил «поп» палку и говорит барину:

— Ну, барин, вот самая середина и пуп земли, ныряй прямо, потом налево и поперек на эти две стороны.

Подумал барин и видит, что и вправду, хоть и не середина, да не измеряешь. Подумал немного и говорит:

— Ну, оцени меня.

Перемялся «поп» и говорит:

— Да я думаю больше двадцати восьми серебряников не стоишь.

— Как так не стою больше двадцати восьми серебряников?!

— Да ведь спасителя за тридцать серебряников продали, неужели и вы наравне?

Подумал барин и изумился.

— Ну, теперь узнай, что у меня на уме.

— Да вот что у тебя на уме — я не поп, а мельник.

Схватил палку да давай бить барина, а барин скорей на повозку и «поп» за ним, а сам все палкой высаживает барина, а барин все погоняет лошадь, до самого дома погонял барин из всех сил лошадь, а «поп» все до самого дома бил барина; только что подъехали — барин соскочил прямо в дом; а «поп» прямо на мельницу. Прибегает, снял с себя все поповское и нарядился, как ранее был.

— Ну, — сказал на попа, — теперь ступай, говори, что пришел батюшка.

Пошел поп, приходит в кухню и говорит:

— Доложите барину, что пришел поп показывать середину — пуп земли.

— Скажи ему: «Ну тебя к чортовой матери». Мне один показал, что я насилу вытерпел.

Так и избавился поп, что постарался за него хорошей выдумкой мельник, а барину поделом — дюже много не хитри.

51. ПОПЫ

Один дьякон выпивал в церкви. В церковь принес бутылку вина. Выпил, но не всю. Надо было кадить. Бутылку недопитую сунул в рукав, пошел кадить. Кадил, кадил, бутылка вылезла и упала из рукава. Дьякон, чтоб не растеряться, остановился перед иконой и сказал:

— Отцы святые, шутки плохие. Хорошо, что не в голову. Этим он оправдался. (Как будто святые бросили).

52. НЕТЛЕННЫЕ МОЩИ

Повадился поп за одной женщиной ухаживать. Как мужика дома нет, так поп к ней. Билась, билась она, никак от

попа не отделаешься. Пожаловалась мужу. А муж и говорит:

— Ладно, Даша, зови сегодня попа к себе в гости, скажи, что Семен в город уехал.

Так и сделала.

Вечером идет к ней поп, ног не чует — торопится.

Только пришел поп, а Семен в сени стук-стук. Испугался поп:

— Спрячь меня, Дашутка, скорее. Верно твой хозяин вернулся.

— Куда ж я тебя спрячу, все равно Семен найдет, обоим плохо будет. Раздевайся скорее да становись под образа, скажу, что мощи нетленные явились.

Поп так и сделал.

Приходит муж, узнал попа, а виду не показывает, сам спрашивает:

— Что это у тебя, женка, за чудо стоит?

А молодуха и отвечает:

— Мощи нетленные явились.

Семен ей и говорит:

— Дура ты! Мощи — святые, надо свечку поставить!

Взял, зажег свечку и поставил попу на голое плечо.

Жарко попу, а свечка как стала догорать; поп как заорет, да из избы вон! А Семен схватил дубину — и ну его тузить: «Не ходи, кудлатый, к чужим женам, не ходи!».

Насилу поп убежал.

Все прихожане узнали про это.

53. НИКОЛА ЛЕТНИЙ И НИКОЛА ЗИМНИЙ

Церковный староста, купец с большой бородой, заказал иконописцу икону Николая Милостивого.

Прошло значительное время, и староста решил зайти к иконописцу проверить, как у него идет работа.

— Ну, зашел посмотреть икону.

Иконописец ему:

— А-а, пожалуйста, пожалуйста! Вот готова!

Староста рассматривал, рассматривал икону, а потом недовольно заявляет:

— Да ты мне кого написал?

— Николая Милостивого, — говорит иконописец.

— Вижу, что Николая Милостивого, да вопрос в том, какого: Летнего или Зимнего.

Иконописец опешил. Староста, сердито уставившись в иконописца, говорит ему:

— Да ведь ты мне Летнего Николу-то написал!

Иконописец повеселел и говорит:

— Пустяки, ваше степенство, вот сейчас напишу ему казанские пимы с красными пятнышками, и будет Никола Зимний!

54. «ЕГО СВЯТАЯ ВОЛЯ»

Забрался вор к купцу ночью и украл у него икону Николы Чудотворца. А на утро приходит к купцу, подает ему икону и говорит:

— Купи.

Купец посмотрел на икону и говорит:

— Да ведь это моя икона-то! Ты ее у меня украл...

— Ничего не знаю, его святая воля: где захочет, там и ночует, сегодня у меня ночевал.

Купец не стал спорить с вором, выбросил ему деньги, а икону велел поставить на старое место.

На следующий день вор опять таким же образом украл эту икону и на утро снова идет к купцу:

— Купи!

Посмотрел купец на икону — опять та же.

— Да ведь ты у меня украл!

— Верно, у меня угодник ночевал; на то его святая воля: где захочет, там и ночует.

Пришлось купцу платить вору вторые деньги, чтобы снова выкупить икону.

55. СТАРУХИНА МОЛИТВА

Одна старуха скупа была, а у них была икона большая, и старуха каждый день этой иконе молилась.

А казак был парень молодой, он возьмет да и станет за эту икону.

Старуха встала в утрях и молится:

— Пресвята ты богородица, сохрани и помилуй!

А парень говорит:

— Не помилую, зачем худо казака кормишь.

Старуха опять молится:

— Очисти мою душу грешну!

Казак и говорит:

— Очищу, очищу.

— И мужа очисти!

— Очищу, очищу.

— И зятя моего очисти!

— Успею, так и того очищу.

Старуха ушла, казак старухины деньги, сколько было, обрал и у мужа обрал, а зять в другом доме был, к тому и не сходил.

Старуха схватилась — денег нет:

— Ах, это, верно, меня господь очистил, ему, доброхоту, занадобилось!

А казака из пищи стала кормить хорошо, а не подумала, что это казак.

Казак и хорошей пищи добился, и деньги взял.

56. МИКОЛА ДУПЛЕНСКИЙ

Мужик-от был охотник, а жена любила дьякона; он заметил и сказал:

— Женка, я нашел в лесу Миколу Дупленского — чего попросишь, то и даст.

Назавтри женка напекла шанег, колобов, круговой дальней дорожкой в лес; а мужик-от ейный — прямой пошел, там дерево большо — залез в дупло.

Она пришла и стала молиться:

— Микола Дупленский, кабы муж оглох.

А муж-от в дупле:

— Клади сюда колобы-ти, шаньги-ти, дак придешь домой — оглохнет.

Женка положила, пошла домой круговой опять; мужик — прямой, на полати залез. Женка пришла — он на полатях.

Она там говорить стала что-то:

— Что, женка, говоришь? Я не чую.

— А лежи знай, как не чуешь, что тебе надь!

Назавтри опять колобов да шанег напекла и пошла опять круговой дорожкой, а муж — прямой, залез в дупло.

Женка пришла, опять стала молиться:

— Микола Дупленский, кабы муж ослеп.

— Клади колобы да шаньги, придешь домой — ослепнет.

Женка положила. Мужик колобы-шаньги взял да прямой дорожкой домой, на полати залез. Женка пришла, он и говорит:

— Женка, я что сегодня ничего не чую и не вижу?

— Ну, лежи знай, как не чуешь и не видишь, что тебе надь!

Ну, тут созвала дьякона в гости; наварила, напекла блинов, взяла вина — стала угощать.

— Дьякон, — говорит, — тихонько ешь блины-ти, задавишься.

А муж на полатях:

— Женка, подай мне ружейко, погляжу его — мне хошь веселее.

Она подала.

Нехватило у ей вина — маловато, убежала за вином. Мужик направил ружье — бух дьякона! Дьякон пал. Он слез, ко столу осторожил его — посадил; напихал полон рот блинов, сам залез на палаты. Сидит — пасть широко отворил!

Женка пришла:

— Что ты, дьякон! Я как тебе говорила: тихонько ешь блины, задавишься — вот и задавился!

Мужик скочил с палатей и почал женку трепать: порол ремнем и всяко... Дьякона схватил — понес его к попу... руки его запихал в кольцо к воротам и привязал веревочку за кольцо, сам стал за угол. Стал дергать веревочку-то, колотиться — поп вышел: «Кто, крещеный?». — Молчит. Поп ушел, не отворил ворот.

Поп ушел, он опять дергает-колотится... Поп опять вышел — с молитвой, прочитал молитву и спрашивает: «Кто, крещеный?». А он молчит. Поп не отворил — опять ушел.

Охотник опять веревку дергает — опять колотиться... Поп вышел с книгой: книгу читал-читал, ворота отворил — дьякон пал попу в ноги. Мужик выскочил:

— Ты заморозил дьякона-то!

— На сто рублей да и убери, не сказывай никому.

Мужик схватил дьякона и понес на берег; крестьяне неводят, а он повыше занес его. Нашел лодку — посадил дьякона в лодку, весло дал под пазуху... Дьякон тянет весло, мужики кричат:

— Дьякон, не ездь в тоню!

Дьякон прямо садит в тоню... Мужики ругаются, а дьякон прямо в тоню... Крестьянин один в лодку сел — поехал... дьякона веслом шварнул как по щеке — дьякон прямо в воду... Этот мужик и выскочил:

— Что, — говорит, — ты сделал, потопил дьякона-то!

— Возьми двести рублей да не сказывай никому.

Вот мужик триста рублей нажил и пришел к женке домой И стал жить да быть, теперя живут да нас переживут.

57. ЛИБО В РАЙ, ЛИБО В АД

Одна баба, ставя по праздникам свечку перед образом Георгия Победоносца, завсегда показывала змию кукиш:

— Вот тебе, Егорий, свечка; а тебе шиш, окаянному!

Этим она так рассердила нечистого, что он не вытерпел, явился к ней во сне и стал стращать:

— Ну уж попадись ты только ко мне в ад, натерпишься муки!

После того баба ставила по свечке и Егорию, и змию. Люди и спрашивают, зачем она это делает?

— Да как же, родимые! Ведь незнамо еще куда попадешь: либо в рай, либо в ад!

58. КАК СТАРУХУ КРЕСТИЛИ

Жили были старик да старуха. У них был сын Доронюшка. Доронюшку взяли в солдаты. Старуха шибко его жалела. Раз старика не было дома. Пришли два странника. Старуха и спрашивает их:

— Не видали ли там где моего Дорони?

— Твой Дороня у Христа боронит, весь оборвался.

— Натек-ко, голубчики,несите-ко холстика. Пусть мой Доронюшка оденется мамушкиным холстиком.

Старик выехал из лесу. Старуха ему рассказала. Старик забранился:

— Безумна ты голова, некшоная дура!

Старик опять уехал в лес. Опять приходят два странника. Старуха им говорит:

— Вот старик меня ругает, говорит, что я некшона, не можете ли вы меня, голубчики, окститить?

— Можем, бабушка, можем.

— А много ли возьмете-то?

— Немного: шубу да семь рублей.

Старуха согласилась. Они вырыли на бору яму, налили воды, посадили туда старуху, ходят круг ямы да поют:

Яма боровая,
Шуба даровая.
Семь рублей не шутка,
Назовем Дашутка.

Старик приехал. Старуха ему и хвастает, что ее окрестили и имя другое дали — Дарьей. Старик побранил, побранил, да что сделаешь, как дура.

59. КОЗЛЫ

Настала на Дону великая засуха. Стали хлеба сохнуть.

В станице Еланской надумал поп молебен служить, дождя у господ-бога выпросить.

Снарядился поп, как полагается. С хоругвями и иконами двинулся по полям крестный ход.

А путь был неблизкий, пройти надо было по полям верст тридцать.

Ходили-ходили молебщики, притомились и стали просить у попа передышки. Поп согласился.

Спустились молебщики в балочку, присели в тени под тернами, а хоругви и кадила по кустам развесили. Задремали люди от усталости.

В ту пору набежало стадо козлов. А козлы, известно, животное прокудная, любопытная. Лазали козлы по кустам, лазали, понацепляли себе на рога: кому — хоругвь, кому — кадило.

Поп проснулся, увидел такое нечестивое зрелище, кричит: «Изыди, сатана!».

Козлы взбрыкнули да по полю врассыпную. А на рогах у них хоругви болтаются, кадило курится... Так и отслужили еланские козлы молебен против засухи.

60. КОБЕЛЬ ЛОМОХВОСТЫЙ

Был когда-то в станице Вешенской звонарь. Пьяница горький. А у него был пес разнесчастный, вечно голодный.

Однажды под пасху вбежал тот пес в церковную опраду — и ну принюхиваться. И тут нюхает, и там нюхает — уж очень ему запах пасх и сала пасхального понравился.

Нюхал, нюхал пес, пролез в притвор и хотел было у одной старушонки сало стянуть, да не удалось. Старуха на собаку так цыкнула, что та заметалась по притвору и полезла с горя к своему хозяину на колокольню.

А там звонарь лежит пьяный-препьяный, спит, храпит и в ус не дует.

Народ в церкви ждет, волнуется — когда же к заутрене ударят? Время уже, как будто. И поп ходит в алтаре, недовольно побрякивает, ждет, когда же колокола зазвонят, когда же ему службу начинать?

Долго бегал пес по колокольне, тянул звонаря за полы, а тот спит, да и все. Под конец запутался пес в колокольных веревках и пошел кататься по полу с перепугу... Колокола как зазвонят!

Поп обрадовался и провозгласил:

— Христос воскрес из мертвых! Смертию смерть поправ!

Бабки закрестились, забили поклоны. Певчие заголосили. Только слышит народ — трезвон какой-то не весьма благоче-

стивый. Да и поп скоро опомнился, почуял недоброе и прекратил службу.

Решили проверить, какая такая нечистая сила в святую ночь на колокольне орудует? И вот поп с кропилом, а за ним дьяконы, дьячки и целая орава всякого народа двинулись на колокольню.

Пес кое-как выпутался из веревок и в ужасе прыгнул вниз с колокольни. Падая, обломил себе хвост и побежал как есть куцый, куда глаза глядят.

61. КАК ВОРЫ ПОПА НАПУГАЛИ

В одном селе задумал богатый человек сына женить. В той стране обычай был откармливать барана к свадьбе. Барана ели, а голову увенчивали разными лентами, вроде нашего курвика.

А рядом с богачом жили два озорника. Сошлись они и говорят между собой:

— Ванька, давай барана украдем да съедим.

Пошли они, засели на двор к этому богачу. Один и говорит другому:

— Ступай, лови барана-то, да и заколем.

А этот и говорит:

— Я только пойду чашечку пива в погребе выпью.

Больно пиво-то у богача хорошее было. Полез он в погреб, налил чашечку, да другую, да третью и сделался пьяным. Тот там барана ловит один. А этот, пьяный, в погребе песни запел. Хозяин услышал, испугался и говорит:

— Это все нечистые духи поют. Они и молитв не боятся.

А насупротив жил поп. Хозяин и думает: «Надо к попу идти, он молитвы от нечистой силы знает».

Пришел он к попу и просит:

— Батюшка, иди, пожалуйста, у нас в погребе дьяволы песни поют.

Поп говорит.

— Я боюсь.

А хозяин ему:

— Ты, батюшка, твори только молитву, которой дьяволы-то боятся. Садись, — говорит, — на меня, на коркошкн, на спину.

И повез его к погребу. А пьяный-то услышал, что к погребу кто-то пришел и кричит оттуда:

— Ванька, это ты пришел? Давай, — говорит, — я. У меня не дрожит рука. Я теперь живо обдеру.

Поп услышал эти слова, спрыгнул с плеч и припустился бечь. На этом дело и кончилось.

62. «ЧЕРТ» В ЯМЕ

Жили в одном селении три брата: двое умных, а третий, Ванюшка, дурак; братья Ивана дурака хотели извести со света. У соседа их Тимохи было много посеяно репы, которая и была в осеннее время складена в глубокую яму на зиму, которая еще не была засыпана землею. Братья Ивана дурака послали к этому Тимохе воровать репу; он не отказался и пошел, а сам им велел приходить с мешками. Пришедши к яме и взлезши туда, стал репу разбирать по сортам; которая побольше — себе за пазуху, а поменьше — братьям, и говорит:

— Эта брату, эта другому, а эта мне!

В то же время захотелось и соседу их Тимохе репы, и он послал жену свою, которая приходит к яме и слышит, кто-то из ямы говорит:

— Эта брату, эта другому, а эта мне, мне!

Жена, испугавшись, пришла к мужу и говорит:

— Эта брату, это другому, а это мне, мне!

Мужик не медля сряду же сапоги на ноги и к приходскому священнику, а у них-то в деревне была приходская церковь; приходит к нему и говорит, что у него в яме черт репу считает, и просил его, чтобы он пришел к нему выгнать черта из ямы. Поп сперва отказывался, что грязно идти да и ночное время, а у попа-то в то время и салоков не было, потому он и не хотел. Тимоха же стал просить усерднее и говорит, что я тебя снесу на крукишках, на что он и согласился; мужик взял попа на крукишки и понес к яме. Дурак слышит и думает, что его братья идут с мешками за репою, и говорит:

— Что пришел, Тимоха?

Отвечает:

— Пришел!

— Что, принес?

— Принес!

А поп думал, что его Тимоха хочет всадить в яму к черту; устранившись, соскочил с крукишек Тимохи, побежал в одних чулках по грязи домой; и Тимоха, устранившись, за ним, а дурак, набравши полную пазуху репы, возвратился домой опять спокойно и никого не боялся.

63. ОТКУДА ЧЕРТИ БРАЛИСЬ

Старики все про чертей, да про попов больше рассказывают. Вот и я про это самое расскажу. Только сам я чертей не встречал, а был у меня один такой знакомый мужичок, Павел, что под черта работал. Про него и расскажу.

Деревня Михново и сейчас цела. В Зарецком сельсовете она. Давно это было, почитай, годов сорок назад. Жил в Михнове тогда мужик, Андреем звать. Страсть до работы жадный был. Соседи ему за это я прозвище дали «Каторжный». Лен трепать этот Андрей всегда с вечера ходил.

А Павел, знакомый-то мой, сосед с Андреем был. Отчаянная голова. Почудить любил. Говорит он как-то Андрею:

— Не ходи ты с вечера трепать, задавят тебя черти!

— Ничего, я с молитвой, — говорит Андрей.

Вот Павел забрался пораньше во двор, где Андрей лен треплет, зарылся в солому и ждет. Пришел Андрей. Поставил на корзину фонарь. Набрал горсть льна, господи благослови, и начал трепать. Отрепал и осечку положил на чистое место. Взял вторую и опять треплет.

А Павел потихоньку трепаную осечку за солому к себе утащил.

Отрепал Андрей вторую осечку, несет класть к первой. А первой-то нет. Аж перекрестился мужик: с нами крестная сила! Однако положил вторую. Взял третью, треплет, а сам все по углам поглядывает. Отрепал, несет. Глядь — и второй осечки нет, а Павел в это время в соломе как чихнет!

Бросил Андрей трепалку, подхватил полы, да как пустится бежать. И за фонарем до самого света никто не пошел. С тех пор никогда с вечера трепать не ходил. А сколько разговоров по деревне было: черт Андрея Каторжного чуть не задавил!

А то еще Павел начудил. Был в соседней с Михновом деревне Пентяши мужичок такой, Ваня. В баню он всегда ходил в Михново, в третий зной, после всех.

— Не ходи, Ваня, в третий зной, — говорит как-то Павел, — черти в это время блудят.

— Ничего, — говорит Ваня.

Вот Павел забрался на баню, вытащил в потолке доску, как раз над полком, и сидит.

Пришел Ваня в баню не один, вдвоем с товарищем. Залезли на полку и начинают париться. А Павел руку просунул, да как схватит Ваню за волосы.

Заревел Ваня и с полка долой, только пястка волос у Павла осталась. За Ваней — приятель. Выскочили из бани и голые вдоль деревни, только пятки мелькают.

Долго Ваня показывал плешь, откуда Павел волоса выдрал.

— Вона, — говорит, — как черт меня пометил.

А в баню в третий зной с тех пор ни ногой.

Идет как-то Павел с рыбы. Поймано много было. Навстречу ему сосед.

— Где ловил?

— Да вона, на Петровской речке, по виркам, страсть рыбы много, особливо около камня, под кустом.

— Ну, ночью и я схожу с сакон, — говорит сосед.

Ночью Павел вперед соседа пошел, залез в куст, что около камня, и сидит. А ночь темная.

Пришел сосед. Опустил сак и давай под куст подсачивать. Только начал тащить, а Павел как чебурахнется из куста, прямо в черпак. Потянул рыбак черпак, тяжело, нагнулся посмотреть, а из черпака кто-то большой, бородатый, выставил руки да как завоет. Бросил рыбак и ведро, и черпак и опрометью домой.

Утром заходит Павел как ни в чем не бывало.

— Ну как, — спрашивает, — поймал?

Сосед перекрестился.

— Поймал, — отвечает, — матерущего черта поймал — и днем за сакон идти туда боюсь.

64. «ПОЛЕГЧАЛО»

Идет старуха с корзиной в руке, с узлом на спине, а крестьянин за деревней землю пашет. Спрашивает она:

— Скажи, соколик, правда у вас бабка Марьянка хорошо лечит? Облегчение дает...

— Правда, — говорит крестьянин.

— Легчает?

— Легчает.

— Пойду и я к ней, — говорит старуха. — А то чуть жива иду.

Через несколько часов идет старуха обратно уже с пустой корзиной и без узла, оставила у бабки за леченье. Идет опять мимо крестьянина. Спрашивает он:

— Ну, как, бабушка, полегчало?

— Полегчало, родимый, полегчало. Теперь легко иду.

— Ну, вот, — засмеялся крестьянин, — бабка Марьянка многих так облегчает.

65. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Без святой воды и ладану и доходу нет монастырю.

Монастырю без явленной, что портному без иголки.

Одна у яноков невестушка, а какое приданное в обитель принесла (*икона Параскевы-мученицы в Преображенском монастыре в Старой Руссе*).

Один угодничек в гробу, а десять гробов золота в год зарабатывает (*о мощах Троице-Сергиевой лавры*).

Старичок Сергеюшка в шелк-бархат всю братию одел.
 Не все то чудесное, что зовется небесное (о мощах).
 На образ взглянешь — свят не станешь.
 Богов не сеют, не орут, их люди малюют.
 Воля иконника Пятницу на коне, а Егорья пешим писать.
 Кривых да слепых нету святых — все батюшки зрячи.
 Кривых да косых и во святых нет (т. е. всех рисуют без изъя-
 нов, уродства).
 Глупая баба и песту молится.
 Из одного дерева икона и лопата.
 Годится, так богу молиться, а не годится — горшки покрывать.
 Взял боженьку за ноженьку да об угол.

*

Богу помолившись, сыт не будешь.
 Чего нам богу молиться, когда он и без этого нас боится.
 Что мы богу дали, то уже потеряли.
 Вот тебе, боже, что нам не гоже.
 Не поможет бабе кадило, коли бабу скосило.
 Сколько ни молилась Фекла, не вставил бог стекла.
 И молебен пет, да легче нет (вар.: да пользы нет).
 Жилами не нажить (вар.: не натянешь), то бог не даст.
 Молитвой квашни не замесишь.
 Аминем лиха не избудешь.
 Богу молись, а к берегу гребись.
 Бог-то бог, да и сам не будь плох.
 Не боги же и горшки обжигают.
 По-монашески спать — хлеба в поле не видать.
 Кто спать горазд, тому «бог подаст».
 Хлеба край — и под елью рай.
 Святой боже пахать не поможет.
 Прялка не бог, а рубаху дает.
 Вози навоз, не ленись, так и богу не молись.
 Господь сказал: «Дождь, иди, где просят», — а он пошел туда,
 где сено косят.
 И без кропила и кадила земля добро нам уродила.
 Встречи да приметы до добра не доведут.
 Разбирать встречи — не слезать с печи.
 Что наяву деется, то и во сне грезится.
 В чох, да в жох, да в чет не больно верь.
 Как в воду глядишь, так и кажется.
 Знахари-то говорят (вар.: заговаривают), как город городят.
 Ворожбиту грош, а больному тож (т. е. не легче).
 Береженье лучше вороженья.

Ворожба не молотьба: не красна ей изба.

Пророк на печи промок (*издевка над ложным предсказателем*).

Нет пророка без порока.

Когда ты, бабушка, ворожить стала? — Да когда хлеба не стало.

Поневоле станешь ворожить, коли нечего на зуб положить.

Знахарке незачем трудиться, ее прокормит и водица.

Кто умеет домом жить, тот не ходит ворожить.

IV. РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ. ОБРЯДЫ. МОЛИТВЫ. БОГОСЛУЖЕНИЕ

66. СПОР ПОПА С МУЛЛОЙ

Заспорили поп и мулла, у кого больше праздников. Поп и говорит:

— Если у вас больше, то почему ты оборванный, а на мне, гляди, — шелковая ряса?

— На одежду не смотри, — отвечает мулла. — Ты бы в карман заглянул. А вот, если не веришь, что у нас праздников больше, то давай так: за каждый праздник — плеть. Сперва я буду бить, потом ты.

Лег поп на землю. Мулла ударил несколько раз, назвав главные мусульманские праздники, и лег на место попа.

Тот начал хлестать муллу, называя все малые и большие праздники, даже устал и остановился.

— Все? — спросил мулла.

— Нет, я только отдохнуть.

— Все-таки много у вас праздников, — говорит мулла. — И когда это вы успеваете их праздновать?

— А вот, если бы не праздники, то рясы такой у меня не было бы, да и в твои карманы мне незачем было бы заглядывать, — ответил поп.

67. КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПРАЗДНИК

В одном небольшом селе жили поп да барин. Барин у попа все работников сманивал, и через это между ними косоглазик произошел — сердитовали они друг на друга.

Приспособил себе поп нового работника, и этого барин сманивать начал. Говорит этому работнику:

— Жалованье тебе положу подороже, чем у попа, — на рубль больше будешь у меня получать.

— Так-то так, барин, да кабы не ошибиться. Я ведь у попа все праздники праздную, не работаю, отдыхаю.

— Ну так что же — и у меня по праздникам работать не будешь.

— Если так, я согласен, — говорит работник. — Только как же мы с тобой, барин, узнаем, когда праздник? Поп он все знает.

Барин смеется:

— Вот бестолковый! Да как к обедне зазвонят, так и праздник.

Работник от попа уволился, объяснил попу, по какой причине — жалованье у барина на рубль дороже, а праздники тоже все праздновать. Сильно поп обиделся и думает:

— погоди же, барин, я тебе насолю — каждый день у тебя работник праздновать будет.

И каждый день все звонит и звонит к обедне. Работник не работает. Барину это надоело и он посылает работника:

— Поди, спроси попа, какой сегодня праздник?

Сходил работник к попу, вернулся и докладывает барину:

— Поп говорит, сегодня праздник — всех святых.

Наутро опять к обедне зазвонили. Опять барин работника к попу шлет. Воротился работник, докладывает:

— Сегодня праздник — сорок мучеников.

На третий день звонят к обедне. Барин из терпенья выходит — работник не работает, а жалованье ему плати. Опять он работника гонит к попу узнавать, что за праздник. Пришел работник к попу, спрашивает:

— Батюшка, какой нынче праздник? Барин велел узнать.

Поп отвечает:

— Большой сегодня праздник, сегодня у нас Гурия, Софона и Авива.

А работник на ухо туговат был, малость недослышивал. Пришел он к барину и докладывает:

— Поп говорит, сегодня большой праздник — у него бурей солому свалило...

Чем уж дело у барина с попом кончилось — неизвестно.

68. ПРЯХА

Спрашивает муж жену:

— Что ты, баба, прядево не прядешь?

А она говорит:

— Что ты, нынче праздник!

— Какой?

— Саввы преосвященного.

Ну, мужик оставил ее в покое, не стал ее неволить.

Прошло несколько времени, опять ее муж спрашивает:

— Что ты, баба, холсты не ткешь? Вот и Савва прошел.

А она ему опять и говорит:

— Нельзя нынче работать: нынче святая Варвара.

Вдруг его жена захворала и через три дня померла. Мужик у покрыть-то ее оказалось и нечем. Взял он пряженую пряжу — два рушника и обмотал свою умершую жену всю пряжей.

Вот поп пришел отпевать и спрашивает мужика:

— Что это она у тебя вся пряжей обмотана?

А мужик и говорит:

— Батюшка, она на этом свете вся просаввилась да проварварилась. Вот голая на тот свет и отправилась.

69. ЦЫГАН НА ИСПОВЕДИ

Приходит цыган в деревню. Все люди исповедаются.

— Дай я исповедаюсь!

Он заходит к батюшке раньше. Видит у батюшки одна матушка, и тут стоит стол.

— Дай-ка я посмотрю в этот стол.

А матушка на кухне. Он посмотрел, а там у батюшки деньги. Он деньги забирает, в карман складает.

— Ну, раз деньги забрал, надо еще чего-нибудь взять, батюшке грехи отдать.

Видит, тут висит шапка пред иконой.

— Давай и эту сюда. Нам пригодится.

Он и шапку берет под свой халат. А матушка на кухне что-то делает. Он видит, что матушка побегла дальше. Цыган туда на кухню уже побег. Оглянулся кругом — матушки нету. Тут поварешка стоит. Он эту поварешку схватывает:

— Что матушка варит?

Он повернул поварешкой в горшке, а там поросенок. Он поросенка выхватывает. Ну, хоть он не доварился, цыган думает: «И так сойдет, если в наши руки попадет».

И поросенка этого схватил. И сам отправляется подальше. Приходит:

— Матушка, а где батюшка?

— Да в церкви исповедает да мужикам закон показывает, чтоб мужики постом не ели скоромного — ни мясного, ни масленого.

Он и думает: «Почему ж у тебя поросенки варятся?».

— Ну, прощай, матушка!

— С богом, цыган!

Вот цыган приходит в церкву. Народу много. Все свечек покупают. (А раньше было так: свечку купи да на блюдо попу поклади — это и будет его уже). Доходит его очередь идти попу отдать свои грехи. А он был такой, что обманывал лю-

дей, и он думал покаяться, а потом подумал: «Нас больше обманывают, как мы обманываем людей».

Он подходит к батюшке. Батюшка накрывает своей одеждой и спрашивает тихонько у его:

— А чем, цыган, грешен?

А цыган говорит:

— О батюшка, грешен я! Раньше был, батюшка, грех такой у меня: у мужика коня украду, потом через несколько время проеду — сменяю, и мужика обиждаю.

Батюшка сказывает:

— Нельзя этого делать. Это грех.

Он и говорит:

— О батюшка! Тогда и сознаваться нельзя. Батюшка, за это грех и за тое грех, так лучше не сказывать.

Батюшка и говорит:

— Раз ты пришел на исповедь, ты должен всем грехам мне признаться, то я все выслушиваю.

— Если ж ты, батюшка, кому скажешь?

Батюшка отвечает:

— Мне нельзя. Если я скажу, то мне язык отрежут.

— Вот теперь, батюшка, — цыган говорит, — я все грехи признаю. Первый грех, батюшка, у меня — я в шкатулку деньги поклат. Второй грех — пред иконой шапку снял, а третий — с гороху поросенка выгнал.

Батюшка ему говорит:

— Это не грешно, если ты поклат деньги в шкатулку. Кто возьмет, тот попользуется. (Раньше были пред церковью скабёрки). А пред иконой шапку снять — это тоже не грешно, потому что она святая. А поросенка выгнать с гороху — тоже не грех, пусть он не портит горох.

Цыган и говорит:

— Больше, батюшка, у меня грехов нету.

Батюшка приходит домой — кончилась вечерняя служба. Смотрит в свою шкатулку, а там денег нет. Он глядь на пред икону (там его шапка висела), а шапки нет. Он сразу смекнул, что цыган правду признавался.

— Ну, давай, матушка, будем ужинать.

Матушка вытягает горшок с печки. Поварешкой повернула там в горохе — поросенка нет. И говорит:

— Батюшка, поросенок разварился, что и костей нету!

Ну, у батюшки душа скрипит, что денег нету, шапки нету, уже и в горохе поросенка нету. Он и думает: «Это цыган и выгнал, свой грех отдал. Ну, ладно. Придет завтра аль нет?».

Даже его тоска целу ночь била, батюшку:

— Может быть, цыган сдобрится и отдаст мне деньги.

Пошел батюшка в церкву причащать народ, а сам все по-сматривает в двери, не идет ли цыган сюда. Видит, идет цыган. Цыган приходит, он и кричит:

— Цыгане, цыгане-е-е, полевые дворяне-е-е, людей обманывают, со стола деньги забирают, на исповеди в шкатулку складывают, пред иконой шалку снимают, а поросенка с гороху выгоняют...

Ну, а цыган, ничего не сказавши, за язык свой стал хвататься, Батюшка увидал, что язык отрежут ему, как он сказал. Батюшка запел:

— Господи благослови-и-и, все прощаю.

Что с возу упало, то пропало.

70. ПОПОВСКИЕ ХОМУТЫ

Захотелось попу Семену щегольнуть, и купил он себе новые хомуты с бляхами. Не успел поп и раза прокатить в новых хомутах, как вдруг в одну прекрасную ночь хомуты пропали, как в воду канули. Подозревал поп в краже хомутов работника Ивана, но придраться было нельзя.

Подошел пост, началось говенье. Стал говеть и попов работник Иван. Исповедь началась еще в пятницу вечером, но Ивану в пятницу было некогда, и он подошел исповедаться в субботу во время утрени. Уже рассказал Иван попу все свои грехи, а он все спрашивает и спрашивает. И вот не выдержал Иван и сказал:

— Грешник, батюшка, хомуты-то твои новые я украл.

Закипело у попа сердце так, что подрясник затрясся. Захотелось ему притянуть Ивана к суду, да нельзя ему огласить, что сказано ему на исповеди. И вот придумал поп такую хитрость.

— Во всех грехах я тебя прощаю, а в краже хомутов не могу. Уж очень велик твой грех, Иван. Чтобы получить в нем отпущение необходимо покаяться всенародно. Вот сейчас я объявляю прихожанам, а ты выйди на амвон и расскажи о краже хомутов во всеуслышание, и тогда я дам тебе разрешительную молитву.

— Ну что же, батюшка, — говорит Иван, — раз так закон требует, я согласен.

Подошел Иван к амвону, а поп вышел на амвон и громко сказал молящимся:

— Православные христиане, все, что этот человек скажет, истинная правда.

После такого оглашения Иван взошел на амвон, обернулся лицом к молящимся и так же громко, как поп, сказал:

— Православные христиане, у кого рыжие ребятишки — все от нашего попа.

Круто повернувшись, поп молча ушел в алтарь и с шумом захлопнул за собой царские врата.

71. КОМУ ЧТО

В одной деревне жила старушка, и у нее была корова, очень хорошая. Этой корове завидовала вся деревня, а в деревне был поп и дьякон был. А вы знаете, что попы народ самый завидущий, и попу задумалось эту корову у старухи украсть. Избрал он время осеннее, темные ночи, и увел эту корову к себе во двор. А дьякон это видел. Наавтра старушка хватилась — нет коровы. Искала-искала, нигде не нашла. И стала старушка просить господа бога, чтобы он где-нигде нашел ей эту корову. Как раз наступил день воскресенья, в церкви зазвонили к обедне. Старушка пошла в церковь, купила свечку за 3 рубля, и ставит эту свечку к иконе Власия-Медостия (как он называется, коровий бог), и молится со слезами, чтобы Власий-Медостий нашел корову. А дьякон заметил, что старуха молится о корове, и запел с амвона:

— Старуха, ты старуха, бедная старуха, твоя корова жива и здорова, стоит у попа во дворе.

Поп, услышав эти слова, из алтаря отвечает:

— Дьякон, дьякон, не рассказывай всяко, тебе кожурина и мяса половина!

А народ не обращает внимания, идет, мол, обедня.

В это время сторож раздувал кадило. Услыхал эту торговлю попа с дьяконом и запел с клироса:

— Батюшко, батюшко, а мне-то что?

Поп опять запеваает из алтаря:

— Рожки и ножки, хвостика немножко и весь хребет!

Ну, тут прихожане заметили, что неладно обедня идет. Смекнули, в чем дело, вызвали полицию. Попа и дьякона забрали, а старушка корову к себе отвела.

72. НЕ ПОДЕЛИЛИ

Стоит баба в церкви, горячо молится и плачет, а около нее — семеро ребят, мал мала меньше. Выходит дьякон из алтаря и возглашает:

— Не плачь, не плачь, вдовица, найдется твоя коровица — у нашего попа коровьи рога...

А поп из алтаря отвечает:

— Дьякон, дьякон, не все хоть брякай, дам тебе полкоровицы, кожи половину да денежек с полтину.

Оказывается, что священник взял корову за отпеванье и не поделился с дьяконом.

73. ВРАЗУМИЛ

Раз в сельскую церковь во время вечерни залетел воробей. Дьякон его полотенцем выгоняет:

— Киш, окаянный, киш, антихрист, киш, дьявол безрогий! — Гоняется за воробьем по всему алтарю.

Услыхал поп и говорит:

— Отец дьякон, ну разве можно в священном месте такие грешные слова говорить? Вы бы полотенцем-то махнули получше, он и улетел бы себе к чертям.

74. ПОП-МУЖИК

В одной церкви не было ни попа, ни дьякона лет тридцать. Вот проживал в этом приходе старик со старухой; грамоты сроду не знал он аза в глаза. И говорит старик своей старухе:

— Вот что, старуха! Наймемся-ка мы у прихожан — я буду попом, а ты дьяконом.

Вот старик объяснил своим прихожанам: не желают ли они его принять в священники? Прихожане на этот вопрос очень были рады какому ни на есть священнику, с удовольствием приняли старика. Старик дождал до первого воскресенья и начал служить обедню, и в этот день много было народу у церкви, потому что каждый христианин желал посмотреть нового священника. Священник у них был не чумаков, увидал, что очень много народу, взял книгу и вышел из алтаря и начал говорить:

— Слушайте, православные миряне! Слышали ли вы чтение и пение?

Отвечают ему миряне:

— Слышать, батюшка, слышали.

— Ну, слышали, так ступайте домой, здесь делать нечего.

Вот и пошли миряне из церкви домой, идут дорогой и разговаривают: «Что же, ребята, прежде у нас не этакие были попы, потому что-нибудь попоют и почитают, у нас новый поп, что не пел и не читал. Этак славно, ребята: обедать сразу отпустил!».

Вот дожили до другого воскресенья и опять пошли к обедне. Новый поп, взявши, накладал полное кадило угля горячего, вышел из алтаря да и говорит:

— Слушайте, православные миряне! Я что буду делать, так вы все это делайте, — и начал махать кадилом. И все миряне начали махать руками. И вывалился попу каленый уголь за голенище; поп упал на спину и давай трясти ногою: И все миряне упали на спины и давай трясти ногами.

В это время проезжал [мимо] какой-то барин и послал кучера узнать время. Кучер прибежал на паперть и видит: лежит тут старуха лет девяноста пяти, едва шевелит ногою. Спрашивает ее кучер:

— Что, бабушка, много ли времени?

— Да вот уж, батюшка, пинанье отошло, ляганье начинается.

Кучер отворил двери в церковь и видит, что весь народ лягает ногами, затворил двери и обратно пошел к барину. И спрашивает его барин:

— Что, кучер, много ли времени?

— Ничего не знаю, сударь, сходите сами, так и узнаете.

Барин пошел, сам увидел на паперти старуху: едва шевелит ногою. Спрашивает ее барин:

— Слушай, бабушка, много ли времени?

— Да вот уж, батюшка, пинанье отошло, ляганье идет.

И отворил двери в церковь и видит, что весь народ лягает ногами. С этого времени так понравился священник барину, что: «Отроду не видывал этаких попов: в какое чувство приводит народ!».

75. ПОП ПАХОМ

Один приход без священника все жил. Крестьяне и выбрали мужичка пойти искать попа. Ну, пошел мужичок. и попался ему навстречу старичок.

— Как тебя зовут, старичок?

— Меня зовут Пахом.

— Так будь у нас попом!

Ну, он и согласился. Дом ему выстроили. Ну, он из дому, конечно, приказал жену и детей. Ну, дети работой у него занимались, хозяйством. У церкви земли, покосу было много. Они заживали да деиешки наживали. Пахом нажил капитал большой. Надо обедню служить; народу собралось много слушать нового попа. Ну, он обедню так служил: взял большую книгу, кверху поднял.

— Знаете ли, миряне, эту книгу?

— Не знаем, — ответили ему.

— Не знаете, так нечего и сказывать.

Второй раз и говорят:

— Ну, ребята, как поп сделает так, скажем, что знаем.

Опять взял большую книгу, кверху поднял:

— Знаете ли миряне, эту книгу?

— Знаем.

— Ну, а знаете, так нечего и сказывать.

Недовольны попом, что худо служит. Стали роптать прихожане! Ну, третью обедню стал служить. Много пришло прихожан: охотно обедню слушать. Третью обедню начал Пахом служить с решетом. Поднял решето кверху и зачал распевать.

— Тут дыра и тут дыра! Тут дыра и тут дыра! Тут дыра и тут дыра!

Потом и говорит:

— Ну, дьячок, запирай двери на крючок, будем всю неделю служить!

Прихожане испугались, все из церкви и разбежались: испугались, что долго. Ну, прихожане и уговорились, что надо прошение подать архиерею, что поп худо служит. Архиерей отписал, что на такое-то время приеду на ревизию. Архиерей приехал с певчими и протодьяконом. Собралось прихожан много. Архиерей заставил обедню служить отца Пахома. Ну, архиерей пошел вместе слушать с певчими, с протодьяконом, и мужички вошли слушать, как при архиерее будет служить. Начал обедню служить.

— Преосвященнейший владыко! — возглас первый. — Служаху при сей церкви двенадцать лет и составил капитал двенадцать тысяч. Вам жертвую шесть тысяч и протодьякону пятьсот рублей, певчим триста рублей. Поехал мужик на мельницу, навалиша большой воз, и смутишася кони его, и бысть глас с небес: «Прру».

Певчие и подхватили:

— Слава тебе, господи, слава тебе!

Архиерей вышел и говорит:

— Миряне! Поп-от ничего служит!

— Это при вас хорошо, а без вас плохо.

— Нет, пусть служит. Нельзя хаять.

76. БЕЗГРАМОТНАЯ ДЕРЕВНЯ

Деревня была безграмотна: поп безграмотный, дьякон безграмотный да дьячок безграмотный, а церковь была, приход служили (так!). Прознал архиерей, поехал любопытствовать. Приехал попу на фатеру, поп и побежал к дьякону.

— Вот беда, архиерей приехал, как мы служить станем?

А дьякон сказал:

— А как-нибудь, сваракосим как-нибудь.

Поп скажо:

— Ты тое пой, что я буду.

Дьячок скажо:

— Мне уж надо свое петъ на крылосе, не с вам.

Поп скажо:

— Что знашь, то и валяй.

Затем обедню зазвонили, поп и запоходил к обедне, архиерею и говорит:

— Владыка, благослови.

— Бог тебя благословит, поди, служи.

Поп пришел в церковь, одел ризу, затем архиерей идет.

Архиерей пришел, в алтарь стал.

— Ну починай, служи.

Поп и запел — голос громкой:

О-о-о! Из-за острова Кельястрова
 Выбегала лодочка осиновая,
 Нос-корма раскрашенная,
 На серёдке гребцы-молодцы.
 Тура-мара и пара.

Дьякон тоже запел:

О-о-о! Из за острова Кельястрова
 Выбегала лодочка осиновая

(и пр. до конца).

А дьячок на крылосе:

Вдоль по травке, да вдоль по муравке,
 По лазуревым цветочкам.

Архиерей вышел да рукой махнул:

— Служите, как служили!

Да и уехал прочь.

77. О ДЬЯКОНЕ, КОТОРЫЙ НЮХАЛ ТАБАК

Один священник в церкви нюхал табак (раньше нюхать была мода). Дьякон тоже нюхал. Дьякон забыл табакерку дома. Ему захотелось понюхать. Он попросил у священника табакерочки понюхать. Священник дал, а дьякону нужно было выходить на октинию. Он пихнул табакерку за икону и ушел на церковь. Священнику тоже захотелось понюхать, а табакерки не было, надо было достать. Он и спрашивает оттуда возгласом:

— Дьяша, дьяша, где моя нюхаша?

Дьякон отвечает сразу:

— За иконой, за Николой. Господу помолимся.

Поп узнает, где взять табакерку, берет и нюхает.

78. ПРО ПОПА И НЕМУЮ ДЕВОЧКУ

Жили дедушка с бабушкой богато, и была у них дочь, красивая, да немая.

Что делать? Как дочь лечить?

И прослышали они, что в лесу живет лесник и лечит немых.

Поехали они в лес. Нашли избенку. Лесник один в ней жил. Весь изрос, старый. И говорит он им:

— Вон там, на горе, растет лук. Три сорта его: свиной, лошадиный и человеческий. Сорвите человеческий лук, сварите из него суп и дайте вашей дочери.

А дедушка с бабушкой возьми да и сорви вместо человеческого — свиного луку. Наелась свиного луку дочь и начала хрюкать по-свиному:

— Хрю-хрю-хрю.

Все напугались.

Вот дедушка пошел опять рвать лук. Взял человеческого луку, сварил суп и дал дочке. Она съела и уже больше не хрюкает.

А свиной суп остался стоять на плите.

Вдруг едет поп на Сивухе. Лошадь его так звали. Едет, нюхает, как хорошо супом пахнет!

— Пойду, погляжу, что делается, — думает поп.

Подошел к плите, похлебал свиного супа, его никто и остановить не успел. Едет, хочет крикнуть по-человечьему, а у него по-свиному выходит:

— Хрю-хрю-хрю, Сивуха! Хрю-хрю-хрю, Сивуха!

Приехал домой, вошел в избу, хотел сказать «обед подавайте», а у него опять «хрю-хрю-хрю» выходит.

Все дома испугались, пошли спрашивать, как лечить попа. Их и послали к леснику.

Вот лесник и ему велел нарвать три сорта луку и варить суп из человеческого, а те два оставить.

А поп пожадничал, сварил все три супа да и хлебнул лошадиного.

Вот едет он опять на Сивухе. Хочет крикнуть по-человечьему, а у него выходит по-лошадиному:

— Но, Сивуха, го-го-го! Но, Сивуха, го-го-го!

Лошадь испугалась. Стала, не бежит. А он ее как хлестнет. И опять кричит:

— Но, Сивуха, го-го-го!

А дело как раз накануне праздника было. Подъезжает он к церкви, сходит, начинает служить обедню. Хочет запеть «господи помилуй», а выходит у него «го-го-го».

Все из церкви так и побежали.

И не стал никто с тех пор в церковь ходить.

79. ПОП-МУЗЫКАНТ

Вот однажды батюшка на скрипке хорошо играл. Одному парню захотелось выучиться. Приходит к батюшке и говорит:

— Батюшка, научи меня играть! Сколько за это возьмешь?

— Для того чтобы тебя научить играть, сто рублей.

— Я, батюшка, сто рублей тебе заплачу, только в любой момент дня и ночи ты меня учи.

Батюшка начинает его учить. Вот однажды в престольный праздник приехали к этому молодому парню гости. Парень и говорит:

— Хотите, поп в алтаре заиграет?

Гости говорят:

— Ну!

Парень побежал. Батюшка в церкви служит. Он скрипку под полу и пробирается к батюшке в алтарь.

— Слышь ты, батюшка, я забыл колено.

— Ведь у меня сейчас служба, слышь, свет!

— Ну, тогда подавай обратно сто рублей!

А поп жадный был, он и говорит:

— погоди, погоди, дай сюда!

Дьякон вышел с кадилом перед людьми, ждет, куда батюшка подаст благословение. А батюшка в алтаре спрашивает:

— Какое колено-то забыл?

— Да камаринскую.

Поп и правит камаринскую на молитву:

— Да, да, да, исправится молитовка моя!

А дьякон услышал да и подскакивает:

— Раскадилася кадилица моя!

Поп в алтаре:

— Да, да, да, исправится молитовка моя!

А дьякон:

— Раскадилася кадилица моя!

Парень рассмеялся и убежал.

Таким путем попа и дьякона расстригли из духовенства.

80. «ЗА РЕКОЙ БЫЛО, ЗА РЕЧУШКОЙ»

За рекой было, за речушкой,
Мизгирь лапками трясет
Да верешки плетет,
Комара да муху ловить.
А оса говорит:
— Где с тобой, мизгирь, сойдусь,
Нигде тебя не боюсь,
Всю твою сеть перерву.
— Ах ты, оса,
Взять тебя за честные волоса
Да и о землю.
Пономарь был непромах — Антон,
Купил заслонку,
Котышки повыхлебали,
Кобели говядину повытаскали,
Лиски щечки повылизали,
Убежали за речку на горю.
За речкой на горе
Стоит церковь на горе.
Иконостас-от пряничный,
Двери-то калачны,
Кадила-то картонны,
Свечи-то морковны.
Пономарь Антон непромах,
За двери скочил,
Калач перекусил,
Дьячки на крылосе запели:
«Солнце на закате,
Время на утрате...».
В церкви стояла Акулина Вавиловна,
Живучи к обедне не бывала,
Две девки вышли из шомуши,
Одна девка с палкой,
Палка с верху-го горит,
А друга девка с горшочком,
Горшочек с веревочкой,
Девка бегают, палка горит,
А другая картошкой машет.
Махали, махали, вышли из шомуши,
Весь народ и упал на землю.
Я одна осталась, за ясли держусь,
Они и запели:
«При долинушке Дуня стояла».

81. ЦАРЬ МАКСИМИАН

(Отрывок)

Священник

О великий повелитель,
Всероссийский знаменитый
Грозный царь Максимиан!
Почто духовного священника призываешь,
Или что делать повелеваешь?

Царь (попросил благословения)

Ну вот что, батюшка, отпой ты мне эти два тела,
Чтобы они сверх земли не глели.

Священник

Утики, утики,
Женилися кулики,
Яко масленники.
С праздником, господа!
Во время Иона,
Когда не было
Ни земли. ни неба.

Шайка (поет)

Старому тетерю
Лохматым ногам,
Молодому тетерю
С красным сапогам.¹

Священник (поет)

Под ярославским плетнем
Народ-от все жил степенный.

Шайка (поет припев)

Священник

А после степенного
Народился оглашенный.

Шайка (поет припев)

Священник

Стали бороды брить,
Стали трубки курить
И стали чистоту наводить.

¹ Этот припев повторяется после каждого возгласа священника.

Шайка (поет припев)

Священник

Пришел большой сын к матери
В великую пятницу сметану лизать
А она его сковородником.

Шайка (поет припев)

Священник

А он от нее бежати, бежати,
Да нашел игольное ушко
И пошел к кузнецу.

Шайка (поет припев)

Священник

Кузнец, кузнец, скуй мне топор!
Кузнец сковал ему секиру,
И он пошел в лес рубить
Могучее древо крапиву.

Шайка (поет припев)

Священник

Рубил, рубил, и отскочил сук
И попал ему в душу,
И он упал в лужу.

Шайка (поет припев)

Священник

Прилетели три духа:
Комар и муха и клещ.

Шайка (поет припев)

Священник

Комар в карман,
Муха-то в ухо,
Клещ-то впился
И потащился на небеса.

Шайка (поет припев)

Священник

А на небесах все не по-нашему
Из пирогов церковь складена,
Блином покрыта
И калачом заперта.

Шайка (поет припев)

Священник

Фонари прянишные,
Свечи-то морковные,
Я стал богу молиться,
А они ко мне в рот валиться.
Я хам, хам,
Да все и приел.

Шайка (поет)

Старому тетерю
Лохматым ногам,
Молодому тетерю
С красным сапогам.
Солнце на закате,
Время на утрате.
Сели девки на лужок,
Где муравка и цветок,
Где мы с вечера резвились
В караводе веселились,
Во приятной тишине
Под березкой здесь оне.
Слышно было голосок
Раздавался во лесу.
Где ж ты, где ж ты, где же ты?
Да где же ты, милая моя?
Не в лесу ли заблудилась?
Не в траве ли заплелась?
Если в лесе заблудилась,
Все леса бы приклонились,
Если б в траве заплелась,
Трава шелком провилась.

(Тела отпеты).

82. ЦАРЬ МАКСИМИЛИАН

(Отрывок)

На сцене появляются Священник и Дьякон. Священник в рогоже, накинутой на плечи вместо ризы; в руках лапоть на веревке вместо кадила. Дьякон в длинном белом балахоне.

Священник

Дьякон, дьякон!

Дьякон

Что, батюшка?

Священник

Поди и принеси мне венчанную книгу.

Дьякон

А где она, батюшка?

Священник

В старом алтаре, на полке,
За тиликоном, в опорке.

Дьякон

А помнишь ли — в кабаке-то пропили!

Священник

Так принеси хоть заупокойную!

Дьякон

А на заупокойную-то опохмелялись.

Священник

Ну, молчи, отвалаем и так. Читай евангель.

Дьякон

Во время оно,
Когда не было ни земли, ни неба,
Шел я городом Москвою,
Увидах я храмину большую,
И сидяша в ней мужи верные,

Держаша чары вина мерные —
 Кто за пять, кто за десять,
 А я, грешный, выпил за дванадесять
 И пьяный напился,
 И на бок повалился.
 Увидали меня два разбойника,
 Подхватили меня под руки
 И поставили на судище.
 Стали меня судить,
 Зачем такой пьяный,
 И сказали: иди в мир чудеса творить!
 Слава тебе, пиву бешеному,
 Слава тебе, меду сыченому,
 Слава тебе, горелка страдательная!
 Пострадал еси от гонителя-мучителя винокура,
 Прошла еси огни и воды
 И наскрость все медные трубы
 И вышла, аки Христос, чистая,
 Бисером изукрашенная,
 Камнями драгоценными,
 Жемчугами бесценными.
 И мы к тебе ныне с веселием прибегаем,
 Стаканчики полные наливаем
 И досуха их выпиваем,
 Славословим, глаголим, пророчим.
 Все о горелке хлопочем.

Священник

Теперь валяй «прикинул!»

Дьякон (поет)

О-о-о-проки-и-и-нул!

Священник

Что ты, дурья голова, делаешь? Пой: «Положил еси...»

Дьякон (поет)

Положил еси на стойку пятак
 От чистого сердца,
 Живота просиша у тебя,
 И дал еси мне полуштоф.

Священник во время этого пения берет за руки Царя Максимилиана и Богиню и начинает водить их кругом трона.

Дьякон

Венчаюся кулики,
Яко масляники!

Священник

А теперь стихиры запузыривай!

Дьякон

Как у Троицы было у Сергия,
У отца было у игумена,
У игумена было у строителя,
Свое монастыря не рачителя,
Своей обители раззорителя,
Всея братии разгонителя —
Соберемся мы все, братия,
Пойдем мы вон из монастыря:
Пусть наш батюшка догадается,
Своим пеньем и ученьем сам занимается;
Пусть он ставит нам чаны дубовые,
Зеленым вином наполненные,
И отпустит бокалы медные,
Бокалы медные, ковши железные,
И пуще прежнего сам попьет,
А потом и нам поднесет.
Как не у обедни было, не у заутрени,
Не в большой-то колокол зазвонили,
На правом клиросе запели:
«Со похмелья-то голова болит!».
А на левом-то подхватили:
«Зажигайте свечи,
Полезай на печи,
С печи на полати,
Ноги загибати...».
Тьфу! Не то совсем!
Все (хором подхватывают и лихо поют песню)
Солнце на закате,
Время на утрате...
Сели девки на лужок,
Где муравка и цветок,
Где мы с вечера резвились,
В хороводе веселились
Во приятной тишине
Под березками одне...

Общая пляска, которою и заканчивается все представление.

83. «ВЕНЧАНИЕ»

(Игра на святках)

Парень одевается попом: накидывает на себя цветное одеяло, одевает соломенную шляпу. Из банки сделает кадило, наложит углей, разожжет. Из соломы изготовляли брачные венцы. Посреди избы ставили вместо аналоя табурет и тоже окрывали одеялом.

— Православные, я — Пахом, меня выбрали вашим попом. Я сказал, что неграмотный, мне сказали, что памятный, можешь служить...

Берут девку с парнем, подводят к аналою. Поп Пахом спрашивает:

— По любви ль уходишь, по любви ль берешь?

Если отвечали, что не по любви, то пару сменяли. Водят вокруг аналоя. Шафера держат венцы, поп что-нибудь навещающее на святое поет. Затем брачущих причащали надавленной клюквой и просили поцеловаться. Так венчали всех девок с парнями.

84. «В ЦЕРКВИ ТРИ КОЛОКОЛА ЗВОНЯТ»

В церкви три колокола звонят;

Один тоненько звонит:

— Винца бы мне, винца бы мне.

Второй погуще:

— Кому платить, кому платить?

Третий самый большой гудит:

— Мужичкам, мужичкам.

85. «ШЕЛ Я ПО ГОРОЧКЕ»

Шел я по горочке

Да нашел я часовенку,

На часовеньке два голуба сидит.

Один голуб ничего не говорит,

Другой голуб разговаривает:

— Завтра не будет обеденка,

Поп во щях заварился,

Дьячок в лесу заблудился,

Пономарь с колокольни убился,

Яков с печи свалился,

Трапезник в трапезне уторел,

Просвирия в квашне утонула.

86. «ПОДОБНЫ»

Простые, не партесные леснопения в церкви распевались на восемь напевов, или гласов, которые знать были обязаны все представители клира, отправлявшие богослужение. Далеко не всегда можно было сразу вспомнить, как петь на тот или иной глас. С этой целью у духовенства было придумано много «подобнов», которые благодаря их шуточному содержанию хорошо запоминались. В этих «подобнах» вылилось пренебрежительное отношение духовенства к предмету своего служения, пристрастие к пьянству. Вариантов «подобнов» существовало очень много.

Г л а с 3-й

Во Калининском было во заводе,
У мастера у молотвого,
У Саввы у Чеснокова
Взбунговались два теленка мокрых:
Жалуются на Оришку,
Чго не поит и не кормит их.

Легела галочка по ельничкам,
По ельничкам, по березничкам,

Наши-то с дровами приехали.

На этот «подобен» существует анекдот: когда дьячок, внезапно забывший мотив третьего гласа, спросил сам у себя вслух, как-де поется на этот глас, дьячиха живо высунулась подсказать, что-де надо: «Наши-то с дровами приехали», — как дьячок сердито пропел ей на тот же глас: «Кто тебя, старую сволочь, спрашивает?».

Г л а с 4-й

Я тебя, сукин сын, кадиллом-то тресну.

Г л а с 5-й

Била меня мати за пятый глас.

Г л а с 7-й

Возрадуется пьяница о склянице
И уповаает на полштоф.

Летел скворчик по улочкам,
По переулочкам,

Напали на скворчика разбойнички
И ограбили его.

87. ПОДРАЖАНИЯ «РОЖДЕСТВУ»

Рождество твое скорчилось,
Воссия миру сугорбилось,
Микола богородицу ведет,
Богородица шаражится, нейдет.

Рождество твое чеботарное,
Шило твое подшивальное,
Кончики свичечные,
Середочка вареная —
Шей подшивай, подколачивай!

88. ПОДРАЖАНИЯ ПАСХАЛЬНОМУ КАНОНУ

Воскресения день,
Завалился за плетень.
Мужик лапти плел
Себе и жене.
Себе двой,
Жинке — трой,
Ребятишкам по лаптишкам —
Вот и слава тебе!

На божесгвенной страже
Украл мужик у бабы пряжу...

Утреннюем утренюю глубокую,
У попа не стало табаку,
Он пошел ко дьяку,
Купил табаку
На копейку.

Святися, святися,
Куручка, снесися.
На тебе воссия
Горшок киселя,
Кабы ложка была,
Нахлебалась бы я.
Ложка гнется,
Масло льется,
Душа радуется.

89. «ЕХАЛ ПОП МАКАРИЙ»

Ехал поп Макарий
 На кобыле на карей.
 Кобыла-то у попа взбунтовалася,
 Понесла Макария по кочкам.
 Макарий господу богу взмолился:
 — Господи ты, боже мой,
 Останови мою кобылу.
 И услышан бысть глас с небес:
 — Тпру!

90. ХОРОВЫЕ С ЦЕРКОВНЫМ МОТИВОМ

(Один читает как дьякон, хор поет).

Как отец-то благочинной
 Проиграл тулуп овчинной,
 Ножик перочинной
 И денег пятиалтынной.

Хор. Удивительно. (3)

Как монашенка Федора
 Лопнула от напору.
 За того, что съела
 Много помидору.

Хор. Оглушительно. (3)

Отец Макарий
 Ехал на кобыле карей
 И слышит глас с небес:
 «Отец Макарий, отец Макарий,
 Зачем ты едешь на кобыле карей?
 Сядь-ко ты на кобылу сиву.
 Держись крепче ты за гриву».

Хор. О, скину кобылу. (3)

Во время оно,
 Ехала дочь фараона
 Из города Иерихона
 В город Египет,
 Вдруг на ней напала большая,
 Что большая кляча.
 Она возмолилася:
 «Господи, укротихомся
 Эту клячу».

Хор. Укротихомся. (3)

Поп, дьякон и дьячок
 Купили шей на пяточок.
 Поп забрался на овин
 И похлебывают один.
 Дьякон бегат по гумну:
 — Дай-ко, батюшка, хлебну.
 Хор. Усмешительно. (3)

Посмотрите под откос,
 Собака тащит паровоз.
 Хор. Удивительно. (3)

Как у богатого-то мужика
 Серебряные ложки,
 А у бедного-то мужика
 Хлеба нет ни крошки.
 Хор. Уморительно. (3)

Как богатый-то мужик
 Живет наслаждается,
 А бедный-то мужик
 Только мается.
 Хор. Загубительно. (3)

Сидел я на пню,
 Хлебал я репню,
 Пришел татарин,
 Меня по уху ударил,
 А я татарина за грудь
 И повел его на суд:
 — Ах ты, дядюшка судья,
 Рассуди наши дела.
 — А как ваши дела?
 — Сидел я на пню... и т. д.
 Хор. Рассудительно. (3)

Посмотрите на весы,
 Блохи повесили усы.
 Хор. Усмешительно. (3)

— Верую и исповедую,
 Я по церкви бегаю,
 Чтобы дырочку найти
 И от попа бы мне уйти.

Хор. Приблизительно. (3)

91. «УЖ ТЫ, БАБУШКА КЕЛЕЙНИЦА»

Уж ты, бабушка келейница,
 Золотая рукодельница!
 По летам ты дома сживала,
 В решете ты воду нашивала,
 Косарем ты траву кашивала,
 На бороне сено важивала,
 На новозе его сушивала.
 — Уж ты, батюшка поп Мартын!
 Ты возьми, возьми с меня алтын,
 Пусти в алтарь постоять,
 Богу помолиться, спасу поклониться.
 Поклонилася, обернулася —
 Рубашенка на мне вздернулася. (2)
 Все народы обернулись,
 Православные усмехнулись.
 Поп-то в уголышке молитвы чтет,
 На меня ли, рабу грешную,
 Прямехонько плюет;
 Дьякон мимо кадит,
 На меня, младу, глядит,
 А дьячки-то зачитались,
 Словно запинались;
 Пономарь-то не звонит,
 Все туда же норовит.

92. «БАБА ТЫ, БАБА, ГОСУДАРЫНЯ В ЛАПТЯХ»

(Пародия на церковную службу)

— Баба ты, баба, государыня в лаптях,
 Куда же идешь ты?
 — Во торжище, мой батюшка, во торжище.
 — Баба ты, баба, государыня в лаптях,
 А чего же у тебя на горбу-то?
 — Корбище, мой батюшка, корбище.
 — Баба ты, баба, государыня в лаптях,
 А чего же у тебя в корбище-то?
 — Пирожище, мой батюшка, пирожище.
 — Баба ты, баба, государыня в лаптях,
 Для чего же тебе пирожище-то?
 — На поминки, мой батюшка, на поминки.
 — Баба ты, баба, государыня в лаптях,
 А кого же у тебя поминать-то?
 — Мужа, мой батюшка, мужа.

- Баба ты, баба, государыня в лаптях,
А как мужа-то звать-то было?
— Позабыла, мой батюшка, позабыла.
— Баба ты, баба, государыня в лаптях,
А на чего же имя-то похоже-то было?
— На вилы, мой батюшка, на вилы...
— Баба ты, баба, государыня в лаптях,
Так не Вавила ли мужа-то звать-то было?
— Ах, батюшка, Вавилой, Вавилой.
— Баба ты, баба, государыня в лаптях,
Так каким же он у тебя рукоеслом-то занимался?
— Скрипичным, мой батюшка, да балалаечным.
— Баба ты, баба, государыня в лаптях,
А какие же он песни пел-то?
— Ты ль меня, я ль тебя йссушила,
Ты ль меня, я ль тебя извела.
Ты ль меня, я ль тебя из кувшина,
Ты ль меня, я ль тебя из ведра.

93. «ПРОШЛА МИТРОВСКА СУББОТА»

Прошла Митровска суббота,
Нам нейдет на ум работа.

Вот калина!
Вот малина!

Бабы стали горевать:
— Как нам блинки затевать?
Блинов много напекли,
На мазарки понесли.
На могилах бабы воют,
А попы-то блины ловят.
Дьякон скажет: паки, паки, —
А дьячки-то как собаки.
Через двадцать пять могил
Доставался блин один.
Поп кадиллом помотал,
Дьячок блины схватал.
У дьяков-то виски густы,
А карманы у них пусты;
У попов виски длинны,
А в карманах куски блинны.
Поповы-то дети умны,
Забежали в чужи гумны,
Мы их в гумнах перловили

95. «А МЫ МАСЛЕНИЦУ ДОЖИДАЕМ»

А мы масленицу дожидаем!
Дожидаем, душе, дожидаем.

Сыр и масло в глаза увидаем!
Увидаем, душе, увидаем.

Как на горке дубок зелененек!
Зелененек, душе, зелененек;

А вержинский, попок молоденек!
Молоденек, душе, молоденек.

Попадъихи пила, да попов пропила
во гулянье!

Во гулянье, душе, во гулянье;

А дьячихи пила, да дьячков пропила
во гулянье!

Во гулянье, душе, во гулянье;

Пономарихи пила, да пономарей пропила
во гулянье!

Во гулянье, душе, во гулянье.

96. «НА ГОРЕ СТОИТ ДУБ ЗЕЛЕНЫЙ»

На горе стоит дуб зеленый,

А у нас поп молодой,

А попа попадья молодая,

А попадья шуба зеленая.

А чем она ее зеленила?

Сама себя оголила;

Тем ее и зеленила.

Поп в кубовничке пиво варил,

А в корыте разводил,

Да в ведро сливал;

У попа пиво хорошо —

По три денежки ведро,

Попадья пиво пила —

И попа пропила;

А дьячиха пиво пила —

И дьячка пропила;

А старухи пила,

Стариков пропили;

Девки пила,

Венки пропили;

А молодцы пила,

Кушаки пропили.

97. НАСИЛЬСТВЕННОЕ КРЕЩЕНИЕ

Сидела же мордовка
 У красного окошка;
 Чувашская рубашка,
 Толсты ноги баские,
 Больши лапти с шишками,
 Головушка с рожками.
 Увидела мордовка
 Из красного окошка:
 Идет поп со дьяконом
 Несет купель с ладаном,
 Хотят крестить мордовку.
 Упала же мордовка,
 На мать сыру землю:
 — Прощай, вера мордовска,
 Чувашская рубашка,
 Толсты ноги баские,
 Больши лапти с шишками,
 Головушка с рожками!

98. «ВЗОЙДУ ЛЬ Я, ВЗОЙДУ ЛЬ Я»

Взойду ль я, взойду ль я
 В зеленую рощу,
 Срублю ль я, срублю ль я
 Кленовое древо.
 Сделаю ль, сделаю ль
 Звончатые гусли,
 Разыграю, распотешу
 Любимую песню:
 Два братца, два Кондратца
 Нову баню строят,
 Две лисицы, две сестрицы
 Нову баню кроют.
 Комар пищит —
 В баню дров тащит.
 Блошка банюшку топила,
 Гнида щелок щелочила,
 Вошка парилася;
 Не до пару, вошь упала,
 Ножку выломала.
 Вошка блошку посылала
 К воеводе на поклон:
 — Воевода, воевода,

Судья проведная!
Дай нам лекарства
Вошке ножку лечить.
Лечила, лечила,
На третий день в могилу пошла.
Собиралися к ней попы-клопы,
Дьячки-сверчки,
Тараканы погребали,
Мухи голосом кричали:
— Чик, чик, чирик!
Помяни божью рабу,
Серу вошь во гробу!

99. ЧАСТУШКИ

Зря и колокол гудит,
Только надрывается,
Никому к попу ходить
Больше не желается.

Ты играй, играй, гармошка,
Мне подружка подпоет.
Зарастай травой дорожка
У церковных у ворот.

Не мани колоколами,
Хоть Никола на дворе.
Паутина под венцами
Завелася в алтаре.

На пригорке старый дуб
Клонится над рожью.
Я пойду сегодня в клуб,
А не в церковь божью.

Не ругай меня, мамаша,
Что я в церковь не хожу,
Потому что в клубе нашем
Пользы больше нахожу.

Не бранися ты, мамаша,
Я ведь в церковь не пойду.
В комсомоле на собранье
Лучше время проведу.

Мать велела мне говеть,
А я как начну реветь:
— Не пойду на исповедь,
Дурой себя выставить.

Снежки пали, снежки пали
И давно растаяли.
Мы говенья, причащенья
Все давно оставили.

Мое сердце приуныло —
С милым я рассталася.
В церковь звал меня венчаться.
А я отказалася.

Комсомольца полюбила —
Сразу изменилася,
Больше в церковь не ходила,
Богу не молилася.

Ты не лезь со мною в бой,
Я не венчана с тобой:
В загсе я записана,
Бить меня не писано.

Коли что с Матреною,
Лечит поп иконою.
А у матушки болит,
Ехать к доктору велит.

Я молился восемь лет,
От молитвы толку нет,
Я к врачу отправился,
Через день поправился.

Догадался наш Терешка,
Перестал усы крестить:
Не пойдет небесна сила
За него луга косить.

Я на образ не крещусь,
По постам я не пощусь,
На моем календаре
Будет праздник в ноябре.

Не хочу креста на шею,
 Брошу курам просфору,
 Без молитвы хлеб посею,
 Без иконы соберу.

Паутиной храм зарос,
 На селе растет колхоз,
 Без молитв и тропаря
 Пашем трактором поля.

В одиночку мы не пашем,
 Богу мы не молимся,
 Ходит трактор в поле нашем,
 Мы колхозом строимся.

Нам молебны не потребны,
 Это ты соображай.
 Мы в колхозе без молебнов
 Поднимаем урожай.

100. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Сколько дней у бога в году, столько святых в раю, а мы, грешные, их празднуем.

У бога, что день, то и праздник.

Сегодня Саввы, завтра Варвары.

День свят — и дела стоят.

Святые угодники на пьяницу угодливы: что они день, то праздник.

Варил поп пиво — не велико диво.

На никольщину едут мужики с поглядкой, а после никольщины валяются под лавкой.

Праздники помнит, а будни забывает.

Великий богослов: все праздники знает по перстам.

И дурак праздники знает, да будней не помнит.

То не спасенье, что пьян в воскресенье.

Лучше не понедельничать да не бездельничать.

Праздники часты, а руки одиноки:

Сладок жанун, да как бы не окунул.

В одном кармане сочельник, а в другом — Иван постный.

Просаввилась еси, проварварилась еси (так приговаривая, мужик бил жену за праздники, от которых она осталась без рубахи).

*

Пост не мост, можно и объехать.
 Маслена широко разлилась, затопила великий пост.
 Великий пост всем прижмет хвост.
 В посту редька, да хрен, да книга Ефрем.
 За еду не быть в аду.
 Брюхо не зеркало: что попало в него, то и чисто.
 Испостился, измолился в нитку, а все нет прибытку.
 Постился — да и в воду опустился.
 Бес и хлеба не ест, да не свят.
 В пост у попа мясоед.
 Кому скоромно, а нам на здоровье.
 Поп велит поститься, а у самого рожа лоснится.
 Попы говорят, что постное едят, а жрут скоромнѣ.

*

Колокол в церковь сзывает, а сам в церкви не бывает.
 Дан попу колокол, хоть звони, хоть об угол колоти.
 Нехай звонят, их на барщину не гонят.
 К вечерне колокол — всю работу об угол.
 На псалтирь уже звонят, да нас не загонят.
 Нет тяжелей — богу молиться да старый долг платить.
 Для чего в церковь спешить? Не завтра ее ломать; еще поспеем.
 Либо к обедни ходить, либо обрядню (хозяйство) водить.
 Не до обедни, коли много обредни (обрядни, хлопот по хозяйству).
 Повадишься к вечерне — не хуже харчевни: ныне свеча, завтра свеча, аи и шуба с плеча.
 Деньги сюда, деньги сюда, — кричат все колокола.
 Близко церкви, да далеко от бога.
 Три попа, а заросла в церковь тропа.
 Где церковь, там корчма близка.
 Напраслину терпеть, что богу свечки ставить.
 Что больше народу в церкви, то поп выше руку заносит.
 Всякий поп по-своему поет.
 Всякий поп свою обедню служит.
 Из одних уст клятва и благословение.
 Всех и вся, и обедня вся.
 Шабаш, миряне, обедня вся.
 Хоть его святы, не святы, а он все в болото лезет (скавал мужик, уронив на улице в грязь пасхального жареного поросенка).
 Как надо говеть, так и стало брюхо болеть.

Поп Ваньку не обманет, а Ванька попу правды не скажет.
Коли поп Сеньку не обманет, так и Сенька попу правды не скажет.

Худой поп свенчает — и хорошему не развенчать.

Поп руки свяжет и голову свяжет, а сердце не свяжет.

Крестом любви не свяжешь.

Ты батюшке печаль свою, а он у тебя деньгу твою.

Попу друг и недруг мил за золотую копеечку.

Святые денежки умолят.

Деньга попа купит и бога обманет.

По деньгам и молебен, по покойнику канун.

Каков молебен, такова и плата.

Попу темнота народа — источник дохода.

Поп да бог — пока разум плох, а с ясным умом и без них проживем

Не учись бога славить, а учись государством править.

V. ДУХОВЕНСТВО И ЕГО НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК. РЕЛИГИОЗНОЕ ХАНЖЕСТВО

101. ВИДЕЛ ЛИ АРХИЕРЕЙ ДУШУ ЧЕЛОВЕКА

В одном монастыре жил архиерей. Он держал у себя келейника, который ухаживал за архиереем, стлал ему постель, варил еду. Келейник был неграмотным. Архиерей держал его потому, что он всегда в спальне и в келье наводил порядок.

Однажды келейник запоздался. Приходит он к спальне и хотел прийти приготовить постель. Когда стал тянуть дверь спальни, то дверь была крепко заперта. Он так удивился: «Почему архиерей так рано лег спать?». Он хотел зайти к нему и просить извинения, но не хотел нарушать сон архиерея и стал прислушиваться. Если только архиерей не храпит, значит, он не спит, а если храпит, то он отошел ко сну. Но вместо храпения он услышал разговор. Говорил архиерей.

— Ну, душа, бери юбку, башмаки и отправляйся!

Келейник испугался, что он нарушит архиерею тайное видение, и он поспешил убежать от дверей.

Все он думал, как бы спросить у архиерея о разговоре в спальне.

Однажды пошли они в баню. Когда он архиерея мыл, и думает себе: «Сейчас удобное время спросить у него о видении души».

Завел он разговор с архиереем, что может ли кто видеть душу человеческую?

— Никому невозможно видеть душу человеческую, — говорит архиерей. — Кто только угодит богу, тот только может видеть душу человеческую.

Келейник бросил мыть архиерея и стал перед ним на колени и сказал:

— Владыко, я не достоин тебя мыть, потому что ты достоин бога, всегда можешь видеть душу человеческую.

Архиерей удивился и говорит:

— Откуда ты можешь знать, что я видел душу человеческую?

Тогда келейник ему и говорит:

— Владыко, однажды я запоздал и не во-время пришел стелить вашу постель. Ваша дверь оказалась закрыта, и я не посмел нарушить вашего сна и стал прислушиваться; вы сказали тогда: «Ну, душа, бери юбку, башмаки и отправляйся!». Вот вы тогда видели душу человеческую.

Архиерей испугался, что его тайна будет раскрыта, и не велел этой тайны никому открывать.

— За это я дам тебе большую награду. Чего хочешь, того и дам, проси у меня.

А келейник вдруг сказал:

— Ничего мне не надо, ни золота, ни серебра. Сколько бы вы мне ни дали, я все равно издержу, а лучше поставьте меня попом и дайте мне приход. Это до смерти будет мне кусок.

Архиерей говорит ему:

— Ты ведь неграмотный, как я тебе могу дать сан священника?

А келейник настаивает на своем:

— Если поставите меня попом, то это я возьму.

Наконец, архиерей думал, думал и додумался, что можно его отправить туда, где попов не было.

Архиерей поставил его попом, дал ему указ и направил его в Туруханск, где народ был совсем неграмотным.

Вперед этого попа в Туруханск отправили депешу, что едет поп. Тогда туруханский трапезник и столож стали с нетерпением ждать попа. Наконец-то поп прнехал. Приходит к нему трапезник, подходит под благословление к священнику и ожидает его приказания. Поп ему приказывает, чтобы раньше вставал и звонил в колокол.

Утром рано встает трапезник и звонит в колокол. Народ стал собираться к обедне.

Когда набралось народу полная церковь, тогда поп приходит к северным дверям, заходит в алтарь, одевается в поповское облачение, отворяет царские двери, выносит оттуда книгу и начинает всех градить. Люди, увидя священника, начали молиться, кто стоя, а кто на коленях. Священник спросил:

— Вы, прихожане, не знаете, какая это книга?

Прихожане говорят:

— Нет, мы не знаем.

Тогда он говорит:

— Нечего вам и читать.

Поп раздевается и уходит домой. Прихожане все остаются в церкви и толкуют: «Зачем мы сказали, что не знаем эту книгу, надо было сказать, что знаем».

Решили они, что на другой раз надо говорить, что все знаем.

И вот на другой раз священник пришел служить обедню. Оделся он, открыл царские двери, вынес книгу, стал градить и спрашивает:

— Прихожане, знаете ли, какая это книга?

Тогда люди все в один голос ответили:

— Знаем!

— Ну, если знаете, тогда вам нечего и читать, — сказал поп. Такова была служба попа. Если говорят, что не знают книгу, то он говорит: «Не надо читать», — а если знаешь книгу, то он говорил тоже: «Не надо читать».

Так всю свою жизнь поп провел в этом приходе.

102. УМНАЯ ЖЕНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был молодой купец. У него была жена Аленушка, из бедных она, дочь сапожника, но такая умница, такая разумница, красоты писаной. Ну, ладно. Вот купец собрался в дальнюю страну, а жене наказывает:

— От дома далеко не уходи, а пуще всего себя береги.

Уехал купец, осталась жена одна в дому полной хозяйкой. От дома далеко не уходит, а пуще всего себя бережет.

Прошло ни мало ни много — три года, как муж отлучился. Стала она думать и гадать, долго ли ей мужа ожидать. Купчески сынки мимо Аленушкина дома похаживают, на Аленушку поглядывают.

— Аленушка, — говорят они, — муж твой от тебя отвернулся, ума-разума рехнулся.

Пошла Аленушка на базар, а купец пристаёт до нее и говорит:

— Ах, душа-Алена, жена мужняя, долго тебе мужа ждать, нельзя ли к тебе ночевать?

Сустревает его Аленушка второй раз, а он все с нее не спускает глаз. Сустревает третий раз, а он то же.

Идет Аленушка к попу, говорит ему на духу:

— Как ни пройду мимо купца, а он ухмыляется, надо мной потешается. Долго, говорит, тебе мужа ждать, нельзя ли у тебя ночевать?

Отвечает поп:

— Ох, раба Аленушка, то грех большой, не согласишься ли ночевать со мной?

— Ладно, — говорит она, — подумаю.

Пошла Аленушка к архиерею:

— Святой отец, ко мне просится ночевать купец, поп говорит, грех большой, согласись лучше ночевать со мной.

— Попутал их всех сатана, возьми лучше на ночь меня.

— Ладно, архиерей, пушу ночевать часов в пять. Приходи, закуски приноси.

Пошла Аленушка к попу и велела приходить в шесть часов ему.

От попа завернула к купцу:

— Купчик-голубчик, приходи ночевать, в семь часов буду ожидать.

Ладно. Приходят пять часов. Стучится архиерей. Впустила его Аленушка, закуски положила, винца налила, стала угощать, гостя привечать.

Прошел час, стучится в дверь поп.

— Батюшка, — говорит Аленушка, — кажись, муж на дворе.

Архиерей испугался, стал по комнате метаться, куда бы это убраться.

— Ты, — говорит Аленушка ему, — рясу-то с себя скидай да в бочку полезай.

А бочка-то была из-под меда.

Полез архиерей с перепугу в бочку, а Аленушка и говорит:

— Ох, отец, не ладно я придумала, полезай в сундук.

Залез архиерей с перепугу в сундук. Она его и закрыла.

Приходит поп. Аленушка попу привечает, угощает, винцом поит. Прошел час, слышит поп стук.

— Батюшка, — говорит Аленушка, — никак муж вернулся.

Поп испугался, по комнате заметался, не знает, куда бы это ему убраться.

— Ты, — говорит Аленушка, — рясу-то с себя скидай да в бочку полезай.

А в бочке-то варенье было.

Вот он с перепугу-то в бочку и сел.

— Ох, — говорит Аленушка, — неладно я удумала, полезай лучше в сундук.

А в сундуке был пух. Открыла она крышку, а поп и полез туда. Аленушка сундук закрыла, купца впустила.

Вот его она привечает, угощает, а сама все в окно смотрит.

— Ох, — говорит, — никак мой муженек поспекает, к воротам подъезжает.

Купец испугался, по комнате заметался, не знает, куда ему спрятаться.

А Аленушка и говорит:

— Ты платье скидай да в бочку полезай.

А в бочке-то был деготь.

Вот он с перепугу-то платье с себя снял, в бочку сел, а Аленушка и говорит:

— Ох, неладно я что-то удумала, полезай-ка лучше в сундук.

А там поп с архиереем сидели. Полез он в сундук. Аленушка сундук на замок закрыла. Сидят в сундуке архиерей, поп и купец, в пуху перевалялись, пыли наглоотались.

А Аленушка удумала. Взяла сундук, на телегу погрузила и в город повезла.

Сустревает ее солдат.

— Что, тетка, везешь?

— Да вот чертей, солдатик, везу. Повелись у меня черти в саду. Насилу изловила.

— Э, тебя, что черт, что поп, прибыль-то одна. Дай ты мне их.

— Ну что ж, бери.

Взял солдат веревку, вынул их из сундука, на веревку привязал и зачал кнутом стегать. А они, как черти, в пуху, в меду, в дегтю. Солдат их стегает да приговаривает:

— Вот те, черт, не ходи в чужой огород, вот тебе, бес, не ходи в чужой лес, вот те, сатана, не ходи в чужи дома никогда.

Бил их бил да всех в прорубь спустил.

А тут и басенка вся, кому басня, а мне гуся.

103. ДВЕ СТАРУХИ И АРХИЕРЕИ

Однажды в один приход приезжает архиерей. В деревне, где был приход, жили две старухи, которые никогда не видали архиерея. Старухи стали говорить своим сыновьям, чтобы им сходить в церковь и увидеть архиерея. Сыновья стали готовить своих матерей, чтобы подойти старухам на благословление; тогда только тщательно могут увидеть архиерея.

Чтобы подойти на благословление к архиерею, нужно правую руку положить на левую и приблизиться к нему, а он положит на ваши руки свою, тогда поцелуйте его руку и придете домой, — сказали сыновья своим матерям.

Вот пошли эти старухи. Подходят они к церкви, увидали — стоит карета у церкви. Они думали, что архиерей сидит в карете. А на самом деле архиерей был в церкви, а в карете у него оставалась любимая собака. Старухи стали между собой толковать: «Заглянуть в карету или ждать выхода?». И решили заглянуть. Одна из них говорит:

— Я карету отворю, а ты правую руку на левую сложи, подойди ближе к двери и подставляй, а когда архиерей положит правую руку, ты тогда целуй его руку.

Одна старуха отворяет, а другая сложила свои руки и подошла к дверцам кареты и просунула их туда.

А в карете любимая архиерейская собака, увидя старуху со сложенными руками, подумала, что лапку просит. Собака

дала лапку — положила старухе на ладонь. Старуха поцеловала эту лапку, стала придерживать дверцу, чтобы другая старушка подошла. Та тоже сложила так руки, просунула в карету — собака и ей положила лапку на ладонь, и она поцеловала лапку. И веселые пошли домой.

Когда пришли домой, то дети стали спрашивать старух — как, видели они архиерея или нет? А старушки говорят:

— Да, видели.

— Ну, кого он из себя представляет?

— Ой батюшки! — говорят старухи. — Весь на нашего барбоса походит.

Сыновья удивились и подумали: «Видно, все архиереи псы»

104. КАКОВ АРХИЕРЕИ

— Видел архиерея?

— Видел.

— Какой же он?

— На четырех ногах ходит, на цепи его водят, золотое кольцо через нос продето, а собаки на него так и лают.

— Дурень же ты. Это медведь.

— Поди к черту, не бредь!

105. АРХИЕРЕЯ ВЕНЧАЮТ

— А ехал мимо архиерейского дома?

— Ехал. Там кони поседланы,
Седоки посажены, в трубы грают,
Черт знает, кого величают.

Говорят: архиерея

На соловой кобыле венчают.

106. ОТКУДА ПОП

Бог хотел из человека сделать льва. Вот он сделал косматую голову с длинными волосами, с большими зубами. Да и спохватился, что у него только две ноги. Где еще взять две? Вот он думал-думал да и говорит:

— Ну, не будешь же ты львом, а будешь попом.

107. СОБАЧЬИ ПОХОРОНЫ

В одной глухой деревушке жили-были старик со старухой. Они были так бедны, что даже петушка у них не было, а был лишь один пестрый кобель, да и тот от старости уже не лаял.

Каждый день пилила старика старуха, чтобы он отвел кобеля в лес и повесил его на кривой осине, да все жаль старику было. Но вот не выдержал старик старухиной брани и в одно прекрасное утро привязал кобеля на веревку и повел его в лес душить.

Привел старик кобеля в лес, остановился у толстой суковатой осины и стал прилаживать веревку на сук, а кобель тем временем все нюхал да нюхал под осиной, а потом вдруг и начал ее разгребать лапами. Удивился старик собачьему чутью.

— Вишь, — думает старик, — почуял бедняга смерть и уже могилу себе роет.

А кобель все копает и копает. Копал, копал да и докопался до чугунной крышки. Видит старик, что кобель клад нашел, побежал домой, взял железную лопату и давай вместе с кобелем клад выкапывать. Выкопал старик котел, открыл его, а он полон золота. Зарыл старик клад опять в землю, взял кобеля и повел его обратно домой.

Пуще злой ведьмы озлилась на него старуха, когда увидела, что привел он кобеля обратно, и чуть было не обломала ему бока ухватом.

— Постой драться-то, старая дура, — закричал старик, — ведь кобель клад нашел.

И рассказал ей старик все как было.

Обрадовалась старуха находке и стала ласкать кобеля и даже кулешем его накормила.

Насилу дождался старик ночи, и лишь только стемнело, пошел в лес, принес котел с золотом и спрятал его у себя в подполье. С тех пор не жизнь стала кобелю, а масленица. Кормила его старуха молочным кулешем, а спал он на душистом сене.

Но умирают от плохой жизни, умирают и от хорошей. Пришло время умирать и нашему кобелю. Умер кобель, и старики не придумают, как бы лучше его похоронить. И решили они похоронить кобеля в церковной ограде, где хоронят попов, помещиков и других богатеев. Вздумано — сделано. Пошел старик к попу с докладом.

— Ну что, Иван, скажешь, — спрашивает старика поп, — благославляя его своей пухлой от жира ладонью.

— Да вот что, батюшка. Был у меня хороший пестрый кобель да умер. Так вот хочу я его похоронить в ограде.

— Тьфу, тьфу, старый дурак, разве собак в ограде хоронят?

— Батюшка, да он вам полтораста рублей отказал.

— Так что же ты про это раньше не сказал. А ты у дьякона-то был?

— Нет.

— Ну, так ступай скорей к дьякону.

Пошел старик к дьякону.

— Так и так, — говорит, — отец дьякон, вот у меня кобель пестрый умер, так хотел бы я его в ограде похоронить.

— Тьфу, тьфу, дурак, из ума, знать, вышел, разве собак в ограде хоронят?

— Отец дьякон, он вам сто рублей отказал.

— Ну, так ты с этого и начинал бы.

Пошел старик к псаломщику.

— Так и так, — говорит — Иван Семенович, умер у меня кобель пестрый, и хочу я его похоронить в ограде.

— Тьфу, тьфу, старый дурак, разве собак в ограде хоронят?

— Иван Семенович, он вам пятьдесят рублей отказал.

— А ты у попа был?

— Был.

— Ну, и что он сказал?

— Да батюшка согласен.

— Ну, хорошо. Готовься завтра к выносу.

Сколотил старик кобелю хороший сосновый гроб, а старуха напекла горячих пирогов, наварила щей, лапши, зажарила поросенка.

Наутро собрались к старику поп со всем причтом, наелись старухиной стряпни доотвала и запели кобелю отходную:

В городе в Устюге
 Подрались Настюха с Костюхою,
 Они билися, рубилися,
 Но никого не поранили,
 Только пирогу бок пробрили
 Да щи пролили.
 Моли бога, лапша, что не евши ушла.

А после отпеванья положили гроб с кобелем на сани, отвезли к церкви и закопали в ограде рядом с попами.

108. ПОХОРОНЫ КОЗЛА

Жили старик со старухою; не было у них ни одного детища, только и было, что козел: тут все и животные! Старик никакого мастерства не знал, плел одни лапти — только тем и питался. Привык козел к старику: бывало, куда старик ни пойдет из дому, козел бежит за ним. Вот однажды случилось идти старику в лес за лыками, и козел за ним побежал. Пришли в лес; старик начал лыки драть, а козел бродит там и сям и траву щиплет; щипал, щипал да вдруг передними ногами и провалился в рыхлую землю, зачал рыться и вырыл отгедова котел с золотом. Видит старик, что козел гребет землю, подошел к нему и уви-

дал золото; несказанно возрадовался, побросал свои лыки, подобрал деньги — и домой. Рассказал обо всем старухе.

— Ну, старик, — говорит старуха, — это нам бог дал такой клад на старость за то, что сколько лет с тобой потрудились в бедности. А теперь поживем в свое удовольствие.

— Нет, старуха, — отвечал ей старик, — эти деньги нашлись не нашим счастьем, а козловым; теперича надо нам жалеть и беречь козла пуще себя!

С тех пор зачали они жалеть и беречь козла пуще себя, зачали за ним ухаживать, да и сами-то поправились — лучше быть нельзя. Старик позабыл, как и лапти-то плетут; живут себе, поживают, никакого горя не знают. Вот через некоторое время козел захворал и издох. Стал старик советоваться со старухой, что делать:

— Коли выбросить козла собакам, так нам за это будет перед богом и перед людьми грешно, потому что все счастье наше мы через козла получили. А лучше пойду я к попу и попрошу похоронить козла по-христиански, как и других покойников хоронят.

Собрался старик, пришел к попу и кланяется:

— Здравствуй, батюшка!

— Здорово, свет! Что скажешь?

— А вот, батюшка, пришел к твоей милости с просьбою, у меня на дому случилось большое несчастье: козел помер. Пришел звать тебя на похороны.

Как услышал поп такие речи, крепко рассердился, схватил старика за бороду и ну таскать по избе.

— Ах ты, окаянный! Что выдумал! Вонючего козла хоронить!

— Да ведь этот козел, батюшка, был совсем-таки православный: он отказал тебе двести рублей.

— Послушай, старый хрен! — сказал поп. — Я тебя не за то бью, что зовешь козла хоронить, а зачем ты по сю пору не дал мне знать о его кончине; может, он у тебя давно уже помер.

Взял поп с мужика двести рублей и говорит:

— Ну, ступай же скорее к отцу дьякону, скажи, чтоб приготавлился; сейчас пойдем козла хоронить.

Приходит старик к дьякону и просит:

— Потрудись, отец дьякон, приходи ко мне в дом на вынос.

— А кто у тебя помер?

— Да вы знавали моего козла, он-то и помер!

Как зачал дьякон хлестать его с уха на ухо!

— Не бей меня, отец дьякон! — говорит старик. — Ведь козел-то был, почитай, совсем православный: как умирал, тебе сто рублей отказал за погребение.

— Эка ты стар, да глуп! — сказал дьякон. — Что ж ты давно не известил меня о его преславной кончине: ступай скорей к дьячку, пускай прозвонит по козловой душе!

Прибегает старик к дьячку и просит:

— Ступай, прозвони по козловой душе.

И дьячок рассердился, начал старика за бороду трепать.

Старик кричит:

— Отпусти, пожалуй, ведь козел-то был православный, он тебе за похороны пятьдесят рублей отказал.

— Что ж ты до этих пор копаешься! Надобно было по-раньше сказать мне: следовало бы давно уж прозвонить.

Тотчас бросился дьячок на колокольню и начал валять во все колокола. Пришли к старику поп и дьякон и начали похороны отправлять; положили козла в гроб, отнесли на кладбище и закопали в могилу.

Вот стали про то дело говорить промеж себя прихожане, и дошло до архиерея, что-де поп козла похоронил по-христиански. Потребовал архиерей к себе на расправу старика с попом:

— Как вы смели похоронить козла? Ах вы безбожники!

— Да ведь этот козел, — говорит старик, — совсем был не такой, как другие козлы: он перед смертью отказал вашему преосвященству тысячу рублей.

— Эка ты глупый, старик! Я не за то сужу тебя, что козла похоронили, а зачем ты его заживо маслом не соборовал!..

Взял тысячу и отпустил старика и попа по домам.

109. КИРИК

Жил бедный человек, старик со старухой. У старика жена умерла. Вот он пошел к попу:

— Батюшка, надо жену мою схоронить.

— Готовь денег.

Пошел Кирик, денег нету.

— Дай же я выкопаю ей могилку, схороню украдкой.

Вырыл ей могилу, вырыл все до дна.

Вырыл, стоит котелок с золотом. Ухватил Кирик деньги, рад до смерти: «Теперь есть на чего жену схоронить».

Приходит к батюшке:

— Батюшка, давай старуху схороним.

— А деньги есть?

— Есть, батюшка, есть!

— Собирайся с похоронами.

Тот Кирик купил доски на гроб, собрал копачей и гробачей, купил свечей, забрал иконы и попа выносить свою жену.

Вот тебе, удивляется попадья, где же Кирик деньги взял?

Говорит:

— Батюшка, он ходит к обедне, скажи-ка ему исповедаться.

Тот сказал ему исповедаться. Ну, отчасти и Кирик рад. Выходит поп с крестом исповедывать Кирика. Стал он исповедываться, раскаялся он в грехах. Он говорит:

— Кирик, где ты деньги взял?

— Батюшка, я стал могилу копать, хоронить, а в могиле вырыл котелок.

Вот тебе, приходит к матушке, рассказывает:

— Он вырыл в могиле котелок.

— Ты знаешь, у нас-то бык есть ободратый, со всем, и с рогами, и с хвостом. Вот вечер подойдет, а ты надень-ка кожу-то эту на себя да иди к нему.

Вот надел поп кожу да пошел к нему. Подходит под окошко:

— Кирик, Кирик, отдай мои деньги.

Кирику нет терпенья, запугался, сам не свой — видит перед окошком черт с рогами. Стоит, богу молится. Вот тебе, в двенадцать часов закричали кочета, поп опять ушел.

На третий день поп опять одевается так же, идет. Кирик так испугался — нету ему терпенья. Подает котелок с деньгами — увидел шута с рогами. Так ему страшно было, что покою нет в избе. Приходит поп с деньгами, попадья его встречает. Подхватила на дворе котелок и тащит его в избу, в уголок. Поставили в избу на стол, руки их не отлипают. Они и так и сяк — руки не отлипают никак. Послала работника за Кириком.

— Кирик, прости!

Кирик взял котел и простил их. А кожа с попа не слезает никак, присохла. Вот поп взобрался на печку, лежит день, лежит два, лежит уже шесть недель. А народ все попа требует. Они только отвечают, что он больной. Знакомые к нему идут прощаться, они не допускают. Ну, что делать, сколько ни скрывать, а попа надо объявлять. Вот его объявили и осудили на двенадцать лет: одному водить, другой под хвост подгонять. Проводили его шесть лет по миру, и поп издох. Деньги не нужны стали ему.

110. «СЫН БОЖИЙ»

Пришла мужику нужда в деньгах. Хоть зарежь, так негде копейки достать, и займы не у кого достать. Знал мужичок, что есть у попа деньги, но хоть умри, поп копейки не даст. Решил мужик на хитрость деньги у попа взять. Пошел в церковь, стал на колени и молится. Кладет поклоны, а сам шепчет громким шопотом:

— Господи, пошли мне сто рублей. Сто рублей возьму,

а девяносто девять не возьму. Это деньги нечистые. — И опять молится и шепчет:

— Господи, пошли мне сто рублей.

Увидел поп и думает: «Что так мужик усердно молится? Наверно грех большой на душе. Дай, думает, подойду, послушаю». Услыхал, о чем мужик бога молит и подбросил ему не сто, а девяносто девять рублей. Наклонился мужик очередной поклон положить и видит — деньги лежат. Пересчитал и говорит:

— Господь с тобой, пусть будет рубль за тобой.

Поднялся и пошел домой. Видит поп, провел его мужик. «Дай, думает, пойду ночью отниму у него деньги». Вот настала ночь, поп и стучится у мужика в дверь. А мужик чайку попил и уже спать хотел ложиться. Вдруг слышит, стучит кто-то.

— Кто там? — спрашивает мужик.

— Человек божий, — отвечает поп.

— Иди прочь, неча по ночам шляться.

Видит поп, не пускает мужик его в избу. Подождал и опять стучится. А мужик уже спать лег.

— Кто там? — кричит мужик с палатей.

— Сын божий, — отвечает поп.

— Пошел к черту, — говорит мужик, — твой батька мне еще рубль должен.

111. ЖАДНЫЙ ПОП

Жил-был поп, имел большой приход, а был такой жадный, что великим постом за исповедь меньше гривенника ни с кого не брал; если кто не принесет гривенника, того на исповедь не пустит, а зачнет страмить: «Экая ты рогатая скотина! За целый год не мог набрать гривенника, чтоб духовному отцу за исповедь дать, ведь он за вас, окаянных, богу молится».

Вот один раз пришел к этому попу на исповедь солдат и кладет ему на столик всего медный пятак. Поп просто взбесился.

— Послушай, проклятый, — говорит ему, — откуда ты это выдумал принести духовному отцу медный пятак? Смеешься, что ли?

— Помилуй, батюшка, где я больше возьму? Что есть, то и даю!

— По кабакам носить, небось, есть деньги, а духовному отцу одни грехи тащить! Ты про эдакий случай хоть украдь что да продай, а священнику принеси, что подобает: заодно уж перед ним покаешься и в том, что своровал; так он все тебе грехи отпустит, — и прогнал от себя поп этого солдата без исповеди. — И не приходи ко мне без гривенника!

Солдат пошел прочь и думает: «Что мне с попом делать?». Глядит, а около крылоса стоит поповская палка, а на палке ви-

сит бобровая шапка. «Дай-ка, — говорит сам себе, — попробую эту шапку утащить». Унес шапку и потихоньку вышел из церкви да прямо в кабак; тут солдат продал ее за двадцать рублей, припрятал деньги в карман, а гривенник отложил для попа. Воротился в церковь и опять к попу.

— Ну что, принес гривенник? — спросил поп.

— Принес, батюшка.

— А где взял, свет?

— Грешен, батюшка, украл шапку да продал за гривенник.

Поп взял этот гривенник и говорит:

— Ну, бог тебя простит, и я тебя прощаю и разрешаю.

Солдат ушел, а поп, покончивши исповедывать своих прихожан, стал служить вечерню; отслужил и стал домой собираться. Бросился к крылосу взять свою шапку, а шапки-то нету: так простоволосый и домой пришел. Пришел и сейчас послал за солдатом. Солдат спрашивает:

— Что угодно, батюшка?

— Ну, скажи, свет, по правде, ты мою шапку украл?

— Не знаю, батюшка, вашу ли украл я шапку, а только такие шапки одни попы носят, больше никто не носит.

— А из которого места ты ее стащил?

— Да в нашей церкви висела она на поповской палке у самого крылоса.

— Ах ты сукин сын, такой-сякой! Как смел ты уворовать шапку у своего духовного отца? Ведь это смертный грех!

— Да вы, батюшка, сами меня греха разрешили и простили.

112. ПОП ОДИЧАЛ

Вот жил-был поп. И он жил-то в деревне, а приход был три версты от его деревни.

Ну, а попы завидны; когда захоходил служить заутреню — жене приказал приготовить корзинку, она спросила:

— Куда с корзинкой?

Он ей ответил:

— Я промежду обедней и заутреней пойду в лес — наломаю грибов корзину. — Дала.

Пришел поп в село, а пономарь тамотко звонит заутреню; он отслужил эту заутреню и пошел в лес. И вот в лесе грибы ломал и заблудился; шалел уж не один день — блудил, не мог найти, как ему выйти домой.

И вот, значит, он изнурился — жрать тошно захотел; и вот откуда ни возмись, навстречу попадет ему странничек-прохожий, и вот спрашивает:

— Чего, батюшка, ходишь это-то?

— У, ты, дурак, не видишь, что я заблудился? Веди меня на дорогу.

Странничек сказал ему:

— Ладно, батюшка, утро вечера мудренее. Вот сейчас, — говорит, — закусим, отдохнем, а утречком я тебя приведу на место.

И вот странничек вынимает из сумочки две просфорки — режет на две части: одну побольше, а другу поменьше; и вот он взял маленькую половинку себе, а большую дал: «Батюшка, вот тебе». И вот поп видит, что у его еще одна просфорка в сумочке; повалились отдыхать, странничек притворился, будто спит, а он в то время разрезал у его сумку и достал просфорку — съел. Утром встали и пошли. Странничек одел сумочку — идет позади, у его из сумочки и вытряхнулось там бельишко — сумочка разрезана была. И вот он спросил:

— Батюшко, что это у меня в сумочки-то легко стало?

Поп ему и ответил:

— Ишь, — говорит, — ... на сук-от налетел — из сумки все вывалилось.

И пошли взад: все, что у его было потеряно, все нашли, а просфорки нет.

— Батюшко, где просфорка?

— А я почем знаю, кака просфорка.

Пришли к речке; странник речку перешел — можно сказать ноги не подмочил. Перешел на ту сторону, махнул платочком — река сделалась быстра и глубока. И от поп побрел через эту реку, и у него ноги не хватили, и он заплывал, просто захлебывается. Ну, странник сжалился над попом, махнул платочком — опять сделалась река мелка, и перешел к нему поп.

И вот приходит в город, в одно царство. В царство пришли, там были наколочены афишки: «Кто возьмется вылечить царевну, тому полцарства или же золота, сколько хочешь; кто возьмется вылечить, да не вылечит — у того голова с плеч». Странник прочитал и говорит:

— Батюшко, пойдем — вылечим.

Поп сказал страннику:

— А там видишь, что написано: «Кто возьмется вылечить, да не вылечит — у того голова с плеч»; не дорога твоя-то голова, а дорога моя. — Все-таки согласился с им идти.

Приходят к царскому дворцу, заводят их слуги к царю, и царь спрашивает:

— Чего вам нужно?

Вот странник тут ему и сказал:

— Я хочу вылечить вашу царевну.

Царь, конечно, этому обрадел. Странник приказал вытопить ванну и приказал принести стул и топор — в ванну положить.

Когда все приготовили, странник и поп вошли в помещение, странник потребовал царевну; когда принесли царевну — помещение замкнули. Этот странник посадил эту царевну на стул и треснул топором — разрубил ее пополам; а поп в то время бегаёт по помещению и рвет с головы волосья, думает — пропала евоина голова...

И потом странник разрубил ее на мелкие куски, сбросил эти все куски в ванну, размыл и sprыснул мертвой водой — эти куски все сошлись в одно место; а поп одно знает — волосы до-рывает последни, нечего стало рвать уж...

Потом взял — sprыснул живой водой странник эту царевну, и царевна сразу пришла в чувство. Странник спрашивает:

— Ну, как сама себя чувствуешь?

— Я, — говорит, — не чувствую никакой болезни у себя.

Поп обрадел...

Царевна заколотилась — открыли помещение, и царевна выскакивает навстречу своему отцу...

Тогда царь призвал этого странника и попа к себе и спросил, чего им требуется.

Странничек сказал:

— Мне ничего не надо, только милостыньку дадите — я и за то буду благодарен.

А поп его толкает, ему и шепчет:

— Бери ты золото, бери ты.

Странник сказал:

— А мне, царь, золота дайте немного — сколько сойдется.

И вот царь открыл погреб с золотом; и вот странник спустился в погреб — горсточку взял и вылезает обратно, а поп в то время и пихнул странника опять в погреб:

— Бери ты, в карманы — сумку больше накладывай!

И вот странник наклал, и поп забрался — и до того добрали, что больше класть некуда уж...

Царя поблагодарили за золото, распростились и пошли. И вот опять подходят к той же самой речке, и вот значит странник высыпал золото и приказал попу высыпать тоже, в одну кучу. И вот высыпали это золото, и стал странник делить на три кучки. Вот тут поп сам себе и думает: «Если возьмет странник две кучки себе, то зарежу».

Вот когда разделил странник это золото, сказал:

— Вот, батюшко, бери ты кучку, и я возьму кучку, а та кучка пусть останется тому, кто просфорку съел.

И тут поп третью кучу в свою-то кучу и загребает:

— Я, — говорит, — просфорку съел; я, — говорит, — просфорку съел!

И вот тут так было: когда забрал золото, странник сразу же от него скрылся... И он очутился дома, этот поп, безо всякого золота в рваном подряснике.

113. КАК У ПОМЕЩИКА ПОТЕРЯЛАСЬ КОРОВА

Однажды у помещика потерялась корова. Сколько ее ни искали, а найти не могли. Решил помещик идти к священнику. Стал просить его, чтобы священник отслужил три обедни и после каждой обедни чтобы читал поп проповедь прихожанам. В этой проповеди помещик наказал попу упомянуть его корову — не знает ли кто ее и где она? Если только кто укажет, то сто рублей тому. Поп согласился. Так и делал.

А корову украли поп с псаломщиком. Когда они ее стали делить, поп стал давать псаломщику только третью часть, а псаломщик говорит, что труд наш одинаковый и нужно делить пополам. Поп ему стал доказывать, что по службе из всего заработка в деревне псаломщик берет одну часть, а поп две части, «и при дележке коровы ты тоже должен взять одну, а я две части». Псаломщик с ним в корне не соглашался.

Когда поп отслужил обедню, и стал читать проповедь. Народу было много, и среди них был помещик. После проповеди поп рассказал про потерю помещиковой коровы: «Если кто видел или знает корову, то помещик тому даст сто рублей за работу».

Псаломщик в это время стоял на клиросе, облокотясь о перилку клироса, он сказал:

— Я знаю.

Псаломщик больше ничего не сказал, и помещик не мог у него спросить, надо было ожидать еще две обедни.

Вечером поп прибегает к псаломщику на дом и говорит:

— Ты что, с ума сошел, хочешь открыть тайну нашу с тобой.

А псаломщик говорит попу:

— Раз ты не соглашался корову разделить на пополам, я решил сказать. Меня за это только выгонят, и не буду я псаломщиком, а тебя расстригут и посадят.

Тогда поп говорит псаломщику:

— Не говори, а давай разделим пополам корову.

— Нельзя мне сейчас, — говорит псаломщик, — потому что я сказал, что знаю.

Тогда поп стал усиленно просить псаломщика, чтобы он ничего не говорил. Псаломщик выслушал попа и говорит ему:

— Если ты согласишься дать мне две части, а себе одну, тогда я тебя не выведу.

Попу неохота было отдать две части псаломщику, и ушел от него. Начал поп служить вторую обедню. Народу в церкви было много. Когда он отслужил вторую обедню, и вышел с речью. По окончании религиозной речи он стал говорить о корове помещика.

— Если кто найдет корову помещика или укажет, помещик заплатит сто рублей.

Кроме псаломщика никто ничего не сказал. А псаломщик проговорил:

— Я знаю.

Все разошлись по домам. Псаломщик тоже пришел в свою квартиру. Незадолго прибегает поп к псаломщику и говорит ему:

— Что же ты, с ума сошел, хочешь вывести?

— Я просил с тебя, — говорит псаломщик, — две половины, а ты не даешь, вот поэтому я хочу сказать правду.

Поп стал просить убедительно:

— Возьми две половины.

А псаломщик сказал бате:

— Нет, теперь поздно. Если отдашь всю корову, то на тебя не выведу, а приму на себя.

Но попу было жалко отдать всю корову. Поп убежал домой. Пришло время служить третью обедню. Когда поп отслужил третью и вышел читать проповедь, то по окончании проповеди стал говорить о помещичьей корове:

— Если кто знает, где помещикова корова, то он даст сто рублей.

Никто не ответил, только один псаломщик сказал:

— Я знаю.

Помещик спросил псаломщика:

— Что же ты сейчас расскажешь?

— Нет, я ведь голодный, пожрать хочется, а вот когда наемся, и приду на площадь. Объявите народу, чтобы собрались, и соазу денежки наготовьте сто рублей.

Псаломщик ушел на свою квартиру. Прибегает к нему поп и говорит псаломщику:

— Что же ты это, с ума спятил, хочешь выводить на меня и на себя?

А псаломщик ему и отвечает:

— А что же ты, батюшка, не хочешь отдать коровы, хочешь сам быть чистым.

Тогда поп ему говорит:

— Ну ладно, бери всю корову.

— Нет, теперь мне не надо коровы, раз в третий раз сказал, то надо выполнить свое слово.

Поп стал на колени и начал просить псаломщика:

— Если меня не жалеешь, то пожалей моих малых детей.

Тогда псаломщик говорит попу:

— Ну ладно, если отдашь корову, то сверх ее дай еще сто рублей, тогда я все приму на себя. Иди домой, принеси мясо все и сто рублей, а в долг я ничего не верю.

Прибегает поп домой, берет сто рублей, зовет попадью таскать мясо. Раза за три с попадьёю они стаскали мясо псаломщику и отдали сто рублей. Когда псаломщик взял деньги, то сказал попу:

— Ну, теперь можешь быть спокойным.

А сам стал одеваться, чтобы идти на площадь. Попу тоже не верилось, и тоже пошел на площадь послушать, что будет рассказывать псаломщик. Когда пришел псаломщик на площадь, народу на площади было уйма. Псаломщик подходит к помещику и говорит ему:

— Ну, барин, давайте сто рублей — я в долг не верю.

Помещик вытаскивает псаломщику сто рублей и подает ему. Псаломщик получил деньги, стал на высокое место, прокашлялся, протер платочком свои усы, стал рассказывать. Весь народ притаил дыхание, стали со вниманием слушать. Псаломщик сказал:

— Корову воровали нас двое, я да батюшка, а когда стали делить, разделили корову пополам, осталась одна жирная гузенная кишка, стали ее делить. Поп говорит: «Кишку я должен взять», — а я говорю: «Нет, должны мы с вами поделить». Мы поспорили долго и решили ее не резать, пополам, а придумали тянуться этой кишкой. Сели на пол, ногами оба уперлись, за концы кишки захватились зубами. Кто сильнее перетянет, тому вся кишка достанется. Вот мы и тянулись во всю силу, каждому неохота было уступить, но, наконец, мои зубы сдали и сорвались с кишки. Я так брякнулся головой о пол, что сразу же разбудился.

Тогда помещик спрашивает его:

— Так ты это что говоришь?

— Так это про сон рассказываю, — говорит псаломщик, — как я видел во сне, как мы твою корову воровали.

— Тогда это неверно, — говорит помещик.

— Как неверно, — отвечает псаломщик, — вы же спрашивали, кто видел кражу твоей коровы. Я вам и рассказал, что видел во сне.

Помещик стал просить у него обратно денег. А псаломщик ему не отдал.

114. ПЕТУШОК

Каждый год ходил поп с молебнами по приходу. Вот однажды зашел он в избу бедняка, отслужил молебен и говорит:

— Хозяин, а с должком не собрался?

— Батюшка, с каким?

— За прошлый молебен петушка должен.

— Да ведь я же курочку дал!

— Давал, верно, а все же я хотел петушка.

Бедняк опустил голову, поймал петушка, отдает и говорит:

— Батюшка, последний петушок...

— Да мне одного и надо. А за сей молебен по осени — гусяню.

115. ПОП-САПОЖНИК

Жил-был поп. Очень уж любил деньги. Как-то у него оторвалась от сапога подошва. Зашел поп к сапожнику. Починил сапожник сапоги и взял за работу два рубля. У попа глаза разгорелись: за одну подошву два рубля!

На другой день — а это было в воскресенье — после службы поп объявил: «Православные, у кого есть худые сапоги или новые кто шить думает, несите ко мне — я почию и новые сошью».

Через день приходит мужичок и приносит заказ: сапоги сшить.

Принял поп и сел за работу. Сшил сапоги — ни надеть, ни посмотреть.

Через три дня идет мужик за сапогами. Поп увидел его и говорит жене: «Матушка, я хочу полежать под лавкой полчасика, а ты сапоги отдай и за работу три рубля возьми. Да скажи, батюшки дома нет».

Подошел мужик к окну и спрашивает сапоги.

— Готовы, — отвечает попадья, — плати три рубля.

— Ладно сапоги сшиты, — говорит мужик. — Жаль, батюшки нет. За такую работу пяти рублей не жалко.

Как услышал поп про деньги, вылез из-под лавки и кричит:

— Здесь я, свет, давай пять рублей, — высунулся из окна, а мужик его за волосы! Еле вырвался поп.

С тех пор закаялся поп сапоги шить.

116. ПОПОВСКИЕ ПОТРЕБНОСТИ

Приезжает в село поп: назначен в этот приход был. Кабатчик с ним знакомится:

— Вы, батюшка, выпиваете?

- Употребляю — грешен — по малости.
- А сколько бы вы, к примеру, выпить могли?
- Это, как сказать... при каких условиях.
- Ну, закуска ежели б хорошая была?
- Да нет, не в этом дело.
- А в чем же, батя?
- Ежели б, скажем, угостили или за свой?
- Ну, если б за свой?
- Ну, тогда б выпил — по потребности...
- А ежели б угостили?
- Это, свет, дело другое. Пожалуй бы, сверх того парочку сороковых добавил.
- Все они такие.

117. ПОМИНКИ

Пришли поп с дьяконом на поминки. Сидят, едят да втихомолку со стола в карманы таскают.

Глянул поп — стоит что-то на столе в баночке. «Э-э, — думает, — наверное дорого да вкусно, если так мало поставили».

Взял и вывалил себе все на тарелку. А у дьякона даже в глазах зарябило: никогда за попом не поспеть. Потом заметил другую такую баночку, успокоился и — себе всю тоже.

Хватил поп полную ложку горчицы. Дух захватило, закололо в носу, из глаз — слезы.

— Что ты, отец? — спросил дьякон.

— Да вспомнил, как мои родители преставились, удостоились христианской кончины, вот и умилился.

Глотнул горчицы и дьякон — и тоже заплакал.

— А ты чего? — спрашивает поп.

— Жалею, что ты не преставился вместе с ними!

118. ПОП И РАБОТНИК

Поп с работником спорил. Поп говорит:

— В моем приходе изо ста мужиков найдется ли, нет ли трое не дураков?

А работник говорит:

— Нет, — говорит, — бачко! Изо ста попов найдется ли, нет трое не дураков.

Поп говорит:

— Да неужто, — говорит, — я дурак?

— Не знаю, — говорит, — как, — говорит, — прихожане похвалят тебя?

Разговаривали, разговаривали, потом залог положили по четвертной: мужиков похвалят али попов.

Попу пришло письмо — в другое село [звали] на гости. Поп работнику велит лошадей закладать:

— Запрягай взъёмчату повозку, — говорит.

Едут волоком; увидали выскирь, а сквозь мох месяц светит. Работник туда указывает:

— Бачко, — говорит, — смотри-ко: медведь-то!

Поп взглянул.

— Заворачивай лошадей-то! — говорит.

Работник завернул лошадей обратно домой. Поп говорит:

— Подымай взъёмчату повозку.

Занесет арапник-от, там по коже-то и шоркат.

— Бачко, — говорит, — ведь медведь-то уж на дрогах!

Как поп выскочил изо взъёмчатой повозки да передом лошадей. А работнику смешно.

— Бачко, удирай, удирай! — говорит.

А поп бежит что есть мого!

Приехали в село.

— Давай, работник, отпирай белое крыльцо!

Работник отпер. Поп побежал по лестницам. А у его против дверей-то навёрчено колноворотом, поставлено стекло и скобы прибиты медными гвоздями. Работник схватил попа за подол.

— Гли-ко, бачко, — говорит, — ведь гли-кось, медведь-то ведь на крыльце уж! Гли-ко, — говорит, — медвежьи-то глаза зёют!

Поп завернулся да ко сторожам.

— Бейте, — говорит, — сполохи: у нас, — говорит, — несчастье в селе!

Сторожа ударили бить сполохи. Прихожане собрались. Работник обсказал прихожанам: так и так у нас дело случилось. Прихожане попа называли дураком. Поп и сделался дурак. (Вот тебе и хвастал, что «изо ста мужиков найдется ли, нет ли трое не дураков?»).

119. «ЛЮЛИ»

К одному попу нанялся новый работник. Когда случилось, он докладывал попу, что, мол, в таком-то дворе беда: умер кто-либо, пришли с требой.

— Дурак, это не беда, а люли для нас, так и докладывай впредь об этом, — научил поп работника.

И как ни похороны, работник входит к попу и говорит: «Батюшка, люли сегодня». «Очень хорошо, слава богу!» — торже-

ствуется поп и уже подсчитывает в уме, сколько надо будет содрать за похороны, за «сорокоуст».

Однажды поп служил обедню. Работник прибежал в церковь и прямо в алтарь.

— Батюшка, люли сегодня, — доложил он попу.

— Очень хорошо, господь посылает нам. Кто умер-то? — улыбаясь спросил поп.

— Матушка твоя, — ответил работник.

120. ХИТРЫЙ ПОП И ПАРЕНЬ

Поп был большой охотник до птиц. Молодой парень кается ему на исповеди, что украл пару скворцов.

— Нехорошо, — отвечает батюшка, — отнеси назад. Где ты достал их?

— Да над дверями сарая у Гаврилы под крышей.

— Туда и отнеси.

Послушался парень, а поп не будь глуп, пошел и взял себе скворцов.

На следующий год снова парень на исповеди. Кается: познакомился он с девкой, такая красивая, отстать не может и печалится, что грешит.

— Кто же это такая, где? — спрашивает торопливо батюшка.

— Ишь ты! — отвечает парень. — Это не скворцы.

121. ПОП И МАЛЬЧИК

Приехал мальчик к кузнецу лошадь подковать. И поп тоже приехал свою лошадь подковать. Ясное дело, сначала попу кузнец делает. Сковал подковы, бросил их к порогу, копыто стал подчищать.

— Батюшка, подай вон подковы, мерять буду.

Поп схватил подковы, так и обжег себе пальцы. Ругается. А кузнец тихонько посмеивается и к мальчику:

— Мальчик, подай подковы.

Мальчик плюнул на подкову, зашипело.

— Еще, — говорит, — нельзя, горячие.

Поп все это смекнул:

Вот приехал поп домой.

— Матка, дай обед!

Она дала ему щи. Они не дымят. Батюшка как плюнет в тарелку, а матка на него:

— Да ты с ума сошел, батюшка!

— Нет, — говорит, — это верное средство. Я у мальчика научился, чтоб не обжигаться.

122. «БАТЮШКА, НЕ СЛЫХАЛА»

Умер богатый мужик, пришел поп отпевать. Начинает отпевать:

— Вечный покой, вечный покой, человек-то был какой! Богатый мужик умирал, а мне кобылку отказал! (Знаешь, нажитья хотел).

А жена:

— Батюшка, не слыхала, родной, не слыхала...

— Богатый мужик умирал, а мне коровку отказал.

— Батюшка, не слыхала, кормилец, не слыхала...

— Богатый мужик умирал, а мне свинью с поросятами отказал.

— Батюшка, не слыхала, родной, не слыхала...

— Богатый мужик умирал, а мне жену отказал.

— Батюшка, слыхала, родной, вот это слыхала.

123. ПОПОВСКИЕ УВЕРТКИ

Однажды были именины у одного богатого человека и среди гостей был священник. А дело было в великий пост. Среди разнообразных кушаний был подан хорошо зажаренный поросенок. Хозяева извиняются и говорят попу:

— Уж, извините, батюшка! Вы ведь поросенка-то не будете есть!

Поглядел он на поросенка — «вкусно»! Поправил он рукава рясы, поднял руку с крестом и перекрестил поросенка, говоря:

— Господи, господи! Обрати порося в карася! — и стал спокойно кушать.

124. НЕБЕСНЫЙ ОБЕД

В одном полку в царское время был священник. Однажды перед боем он нам говорит:

— Доблестно павшие в этом сражении удостоятся прощения всех грехов и будут обедать на небе с богом и святителями.

Когда начался бой, священник убежал в тыл.

Один солдат его спросил после:

— Батюшко, что ж вы не захотели пообедать вместе с ангелами?

— А потому, — ответил поп, — что мне еще есть не хотелось. Я привык обедать поздно.

125. КУРОЧКА

Жил-был старик со старушкою, у них была курочка-татарушка, снесла яичко в куте под окошком: нестро, востро, костяно, мудрено! Положила на полочку; мышка шла, хвостиком

тряхнула, полочка упала, яичко разбилось. Старик плачет, старуха возрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась. Идет просвирня, спрашивает: что они так плачут? Старики начали пересказывать:

— Как нам не плакать? Есть у нас курочка-татарушка, снесла яичко в куте под окошком: пестро, остро, костяно, мудро! Положила на полочку; мышка шла, хвостиком тряхнула, полочка упала, яичко и разбилось! Я, старик, плачу, старуха возрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась.

Просвирня как услышала — все просвиры изломала и побросала. Подходит дьячок и спрашивает у просвирни: зачем она просвиры побросала?

Она пересказала ему все горе; дьячок побежал на колокольню и перебил все колокола. Идет поп, спрашивает у дьячка: зачем колокола перебил? Дьячок пересказал все горе попу, а поп побежал, все книги изорвал.

126. «НЕТ ЛУЧШЕ ЖИТЬЯ ПОПУ»

Нет лучше житья попу:
 Весь инструмент у него во рту,
 Не нужно ему ни скобеля, ни топора.
 Как наступила пора,
 В большой колокол зазвонил,
 Старух семьдесят сманил,
 Весь народ сообразил:
 Принесли ему и творога,
 И пирога.

127. «НЕ ПЫЛЬ-ТО В ПОЛЕ ПОДНИМАЕТСЯ»

Не пыль-то в поле поднимается,
 То в Илимск священник отправляется.
 Он поехал совсем пьяный,
 В Шестакове с коня свалился.
 Прибежали его слуги
 Да и стали его стаскивать.
 А в карманах-то поповских
 Серебряные граненые стаканчики.
 Он стаканчиками водку пил,
 А во церкви он из них народ кропил.

128. «МАШЕНЬКА СЧАСТЛИВАЯ БЫЛА»

Машенька счастливая была,
 Ее матушка хорошу родила,
 Счастливую, талантливую,

Плутоватую, догадливую.
 Нельзя Маше к обедне ходить,
 Нельзя богу помолиться мне:
 Попы улыбаются,
 А дьячки рассмежаются.
 Полюбил меня приходский попок,
 Посулил мне гарнитуровый платок.
 Дьякон по церкви пошел,
 Он Машеньке на ножку наступил,
 Решето просвиров посулил.
 Просвир мне хочется,
 Любить дьякона не хочется,
 По могилам он волочится,
 Дьякону плохой доход,
 Через семьдесят могил
 Достается один блин.

129. «АХ ТЫ, МАТЬ МОЯ, МАМОНЬКА»

Ах ты, мать моя, мамонька,
 Государыня, боярыня моя!
 Ты зачем, мати, породила меня,
 Счастливую, талантливую,
 Говорливу да забавливую?
 Мне нельзя, мати, к обеденке ходить,
 Мне нельзя богу молиться:
 Все попы поют, мешаются,
 Дьякона-то запинаются,
 А последняя тварь — пономарь
 Трою-двою он по церкви проходил,
 Ой, младешенькой на ноженьку ступил,
 Он меня, младу, за плечико схватил,
 Трою-двою выговаривал,
 Кудреватенький умаливал.
 А трапезник-от за печку манил,
 Полтора пуда конфет посулил.
 Ой, нельзя мне низко кланяться,
 На меня все люди зарятся.

130. «ХОЖУ Я ПО УЛИЦЕ, ДА НЕ НАХОЖУСЯ»

Хожу я по улице, да не нахожуся;
 Гляжу я на милого, да не нагляжуся.
 Свети, светел месяц, высоко, не низко,
 Не далеко, близко, во всё чисто поле!

Как там в чистом поле девка просу полет,
 Девка просу полет, белы руки колет.
 Жаль красной девицы: снял бы рукавицы,
 Снял бы рукавицы, подарил девице,
 Чтоб просу попола, а рук не колола.
 Красна девка хороша; взял бы, взял бы за себя.
 Пошлю я к ней свата за себя посватать.
 Поп-то не венчает: за сыночка чаает;
 Да и дьякон говорит, что за сына ж норовит;
 Дьячок тож не служит: по девушке тужит;
 Пономарь горюет: сам девушку любит.
 Поедемте, братцы, в лесок за охотой,
 Наловимте, братцы, зверьков разных много:
 Попу-то куницу, дьякону лисицу,
 А дьячку-бедняку белу горностайку, (2)
 Пономарю-горюну хоть серого зайку,
 Просвирие-горюше хоть заячьи уши,
 Чтоб они мне не мешали, с девкой обвенчали!

131. «КАК ВО ПОЛЕ БЫЛО, ПОЛЕ»

Как во поле было, поле,
 Девушка просо полет.
 Белы ручки колет.
 Куплю рукавицы,
 Подарю девице.
 Пущай она полет,
 Белых рук не колет.
 Зашлю к девушке свата,
 Стану за ся сватать.
 Сват-от не сватает,
 Поп-от не венчает —
 Он за сына чаает.
 Дьякон-от не служит —
 По девушке тужит,
 Дьячок не читает —
 По ей причитает.
 Пономарь не поет —
 По девушке воет.
 Поеду я в город,
 Накуплю подарков:
 Попу-то куницу,
 Дьякону-то лисицу,
 Пономарику бедному —
 Ему зайца белого.

Попадье-то матке —
Ей заячьи лапки.
Просвирне-горюше —
Ей заячьи уши.
Попову-то сыну —
Бумажечку синю.
Поповой-то дочке —
Шелковы чулочки,
Дьяконовой дочке —
Ей заячьи почки.

132. «Я РОДИЛАСЬ В НОВОЙ БАНЕ НА ПОЛКЕ»

Я родилась в новой бане на полке,
Пеленалась в огороде в борозде.
Стара бабушка догадлива была:
По три гривенки с родименьки взяла,
А попу-батюшке — десять алтын,
Попадье-матри — коровушку,
Целовальнику — тиковы штаны,
Целовальнице — кукушечки в шары.

133. «ДЕРЕВНЯ ОТ ДЕРЕВНИ»

Деревня от деревни
Не подалече стоит...
Эх, звон-трезвон,
Согласен поп,
Согласна попадья,
Согласилась за попа,
За попова казака,
За дородна молодца.
Поди, сватай у отца,
Сватай у батюшки,
Сватай у матушки!
Будет батюшка отдаст,
Родна матушка отдаст...
Не отстану я от вас,
Ни на малый час;
Буду я за вами,
За вашими пятами,
За толстыми кулаками.
Толстые кулаки
Принамякали бока:
— Ты не ешь молока

Да по постным дням,
Да по пятницам...

134. «ПОП — ГУДИЛО БЕЗБОРОДЫИ»

Поп — гудило безбородый,
Не гордись своей природой,
Всяк знает тебя.
Помни больше свои паки,
Не будь злобнее собаки,
Кобелем не лай.
Твои шуточки не в моде,
Посмирней живи в приходе,
Ни с кем не дерись.
Попу крайне неприлично
Играть в скрипочку публично
И плясать везде.
Я попу-скрипачу
Ни в чем верить не хочу,
Камо во тебе.
Ты почтенный иерей,
Свое имя разумей,
Не ходи в кабак.
Суббота тебя наградила,
Дала с ладаном кадила,
Раздувай его.
Не присваивай таланту,
Дан который музыканту,
Дело не твое.
Все почести и знаки
Поручили тебе паки,
Пой их нараспев.
Поп гудило, поп буйан,
Безобразен, всегда пьян,
В кабаке сидит.
Ты подумай-ко, хмельной,
Что ты сделал на святой,
Или ты забыл?
Народ тому дивился,
Поп с качели как свалился,
Валяясь в грязи.
Куличи-то разбирал
И кадило потерял,
Чем будешь кадить?
Ах, бессовестные глаза,

Куда дел ты образа?
Нет ни одного.
Позабыл, где был, оставил,
Попадью искать заставил,
И та не нашла.

135. «ПОП, ТЫ ГУЛЯН, ПОП БУЯН»

Поп, ты гулян, поп буян,
Безобразно всегда пьян,
Разбессовестны глаза,
Куда дел ты образа?
Образов ты не нашел,
Так домой поп пришел.
Попадью послал искать.
Попадья не нашла,
Так домой опять пришла.
К попу грубо приступила,
Попа за косу рвала.
Поп с досады побежал
Ко Танюшке во терем.
Как увидели попа
Три сержанта из окна.
Они хлопнули окном,
Побежали за попом.
Три сержанта приходили,
С Таней грубо говорили.
Учливо Таня отвечала:
— Вы, сержанты-молодцы,
Вы за чем ко мне пришли?
— Нам не надобно тебя,
А нам выдай лишь попа,
За молебен денег дать.
За молебен заплачу,
С попа рясу сколочу.
Поп увидел, что беда,
Он кидается из окна,
Из третьего этажа.
Поп по улице бежал,
Никто попа не держал.
Поп увидел, что не время,
Ухватил портки в беремья,
Ко заставе подбежал,
Солдат ружьем удержал,
Три онлеухи попу дал.

136. «КАК И ТРОИЦКИЙ ПОП»

Как и троицкий поп
Он до девок был охоч,
Часто ко девушкам ходил,
Он помногу им носил:
Когда рубль, когда два,
Когда пять серебра.
Оставались у попа
Ни копейки, ни гроша.
Поп-от ризу скидает,
Катюшке отдает.
Катюшенька не берет,
За собой попа ведет.
Катюшенька не глупа,
В чулан попа заперла.
Увидали же попа
Фабричные из окна,
Скоро хлопнули окном,
Побежали за попом.
— Вы, фабричны молодцы,
Вы зачем ко мне пришли,
Я во тереме одна.
— Даром, даром, что одна,
Ты повыдай нам попа,
Мы за все ему заплатим,
За молебны отдадим.
Мы за рясу дадим трясу,
За молебен щипача.
Поп-от видит, что беда,
Он бросался из окна,
Большой улицей бежал,
Никто его не удержал.
Ко заставе прибежал,
Солдат ружьем удержал,
Плюхи три-четыре дал,
Путь-дорожку указал:
— Ты беги, беги, попок,
Не рони своих порток.
Поп по улицам бежал,
В зубах гашник держал.

137. «КАК ПОВАДИЛАСЬ АНЮША»

Как повадилась Анюша
Во Покровское ходить, (2)

Ко покровскому попу.
А покровской-от поп
Он ло девок очень добр.
Он почасту к девкам ходят,
Он помногу денег носит:
Когда рубль, когда два,
Когда пять-шесть серебра.
Как случилось у попа
Ни копейки, ни гроша, (2)
Одна ряска хороша.
Он и рясу в перетрясу,
Он и рясу скидает,
Анюшеньке отдает.
Анюшенька не берет,
Попа за руку ведет
Во высокой во терем
С собой спать, ночевать
На тесовую кровать.
Щекатуры-господа
Увидали из окна.
Они хлопнули окном,
Побежали за попом.
Анюшенька не глупа —
Заперла в чулан попа, (2)
Сама стала у крыльца.
— Щекатуры-господа,
Вы зачем пришли сюда,
Чего спрашивати?
Я одна в терему.
— Анюшенька, ты одна,
А ты выдай нам попа,
За молебен заплатить —
Его в шею колотить.
Поп-от видит, что беда,
Он бросался из окна. (2)
Он кидался из окна,
Растрепались волоса.
Вдоль по улице бежал,
Никто его не сдержал.
Как к заставе подбежал,
Солдат ружьем удержал.
Три-четыре плюхи дал,
Путь-дорогу указал.
— Ты беги, беги, понок,
Не срони..... порток!

138. «УЖ ВЫ, СТАРЫ СТАРИКИ»

Уж вы, стары старики,
 Вы, седые бороды,
 Вы не трогайте усами,
 Шевелите бородами,
 Говорите с господами.
 Господа наши, бояре,
 Нерассудливые:
 Не рассудят того дела,
 Чего девка захотела.
 Захотелось девоньке
 На улице поиграть,
 В хороводе поплясать.
 Что комарской-от поп,
 Он до девок ласков, вдов.
 Он ко Машеньке ходил,
 Много денег приносил:
 Когда рубль, когда полтину,
 Когда синеньку бумажку.
 Когда синеньку бумажку,
 Когда ситцу на рубашку.
 Поп последни приходил,
 Маше ризу приносил.
 Маша ризу не примат,
 Во глаза попа ругат:
 — Ты, рассукин сын, попишко,
 Проерыщил весь домишко,
 Не оставил ни гроша,
 Одна Маша хороша.
 Поп туды-сюды метался
 Ко Машеньке во дворец;
 Ко Машеньке во дворец,
 Под крашоный под крылец.
 У Машеньки две снохи,
 По сеням они прошли,
 По сеням они прошли,
 Попа обмочили.
 Еще поп обледенел,
 Побежал, заоченел.

139. СТАРОВЕРСКИЙ ПОП

Во Ергинском во заводе,
 Во Шуртанском во селе
 Живут люди-староверы

Уж с давних лет, (2)
Да народятся, помирают,
А умерших отпевают
Сами без попов. (2)
Приезжат такой мошенник,
Называется священник,
Тот и ихний поп, (2)
Не спрося его породы,
Лишь бы был большебородый,
Староверский поп. (2)
Не спрося его письма,
Попом довольны без ума.
По манешечке ходил
Да много денег приносил:
Когда рубль, когда два,
Когда пять серебра.
Раз случилось у попа
Ни алтыну, ни гроша.
Поп и ризу скидаёт
Да староверке подает.
Староверка не берет
Да все с собой попа ведет.
Да отвели попу фатеру,
Таку славну, в большу меру,
Стал поп поживать. (2)
Стал поп деньги наживать
Да канунники читать, (2)
Во кармашик деньги класть, (2)
Да себе на пропой. (2)
Вот узнали про попа,
Что он деньги пропиват,
Взяли его в суд. (2)
Заковали во костры
Да отослали в монастырь,
Да келью на замок. (2)
Поп по лестовке спасался
Да с кержаками расставался.
Скучно тебе, поп! (2)
Вот увидели попа
Староверы из окна,
Они хлопнули окном,
Побежали за попом.
Поп и видит: вот беда,
Ему деться некуда!
Поп кидался, бросался,

За староверку имался.
 Видит, что одна.
 — Допусти нас до попа, (2)
 До духовного отца. (2)
 Уж мы станем попу
 За молебны давать (2)
 Да кулаками поддавать.
 Уж мы в вязки и тряски
 И в виски его, в тиски,
 Вот в виски его, в тиски,
 Да попа за волоски!

140. «ВО ШАДРИНСКОМ ВО СЕЛЕНЬЕ»

Во Шадринском во селенье
 Живут люди староверы
 С давних уже лет. (2)
 Они пастыря не знают,
 Сами требы исполняют
 Во всем Шарташе.
 Вот родятся, умирают
 И усопших отпевают
 Сами без попа.
 Вдруг является преченник,
 Называется священник
 Старообрядческий.
 Не спросив его письма, —
 Не довольно ведь ума! —
 Приняли его;
 Не спросив его природу,
 Лишь бы был долгобородый,
 Тот у них и поп!
 Отвели попу квартиру
 Пребогату и не сиру;
 Стал поп поживать.
 Ни о чем их поп не тужит,
 Во часовне у них служит,
 Как должно попу.
 Его слишком принимают,
 Что попросит, награждают,
 Все ему дают.
 Еще сведало начальство
 Про лопово постоянство,
 Вяжали попа в суд.
 Вот судить попа не можно,

Посадить-то его должно
 В келью за замок.
 Поп по лестовке спасался,
 С кержачками жить ласкался, —
 Ты с ими простись!
 Они все про то узнали
 И немного толковали —
 Прогнали его.
 — Мы теперь тебе не други,
 У тебя есть новы слуги,
 Ходят за тобой;
 Комедьянты все при лентах,
 Все лакеи в повументах
 Стерегут тебя;
 За серебряны монеты
 Сокуют тебе берлеты
 На ручки твои!
 Об тебе, ерей, псалом!
 Мы тебе кланяемся челом:
 Пой на первый глас!

141. «АХ ГДЕ, ЖЕНА, БЫЛА?»

— Ах где, жена, была, где, сударыня, была?
 — Я была, сударь, была у попа в гостях.
 — Ах что, жена, пила, что, боярыня, пила?
 — Я пила, сударь, пила много пива и вина,
 За твое, сударь, здоровье, бокал меду выпил.
 — Ах спасибо су, жена, не забыла ты меня.
 — Ах как тебя забыть, не могу тебя избыть
 Сударь, ты вить у меня, как бельмо на глазу,
 Как бы вера та была, продала бы я тебя,
 Я купила бы молодчика молодинького,
 Что молодинького и хорошенького.

142. «У ПОПА БЫЛА БЕСЕДА»

У попа была беседа, у дьякона другая,
 У дьякона другая: хвалились два брата,
 Хвалились два брата: «Что есть у нас сестрица,
 Что есть у нас сестрица — из терема не ходит,
 Из терема не ходит, белил с лица не ронит,
 Белил с лица не ронит, бела лица не кажет,
 Бела лица не кажет!». Как выйскался сын по-
 пович.

Как выйскался сын попович: «Не хвалитесь вы, два брата,
Не хвалитесь вы, два брата, я вашу сестру знаю:
Я в вашей сестрицы два ужина ужинал,
Два ужина ужинал, третий завтрак завтракал».

Как брат брату сговорит: «Пойдем, братец, ко двору,
Пойдем, братец, ко двору, свернем снегу по кому,
Свернем снегу по кому, бросим к сестре в окошко,
Бросим к сестре в окошко, что наша сестра сговорит?».
Сговорила им сестрица: «Не дури, сударь-попович,
Не дури, сударь-попович, поди ко мне во терем,
Поди ко мне во высок: моих братьев дома нет,
Мои братьев дома нет, поехали на базар,
Поехали на базар цветно платье покупать,
Цветно платье покупать, меня, сестру, снаряжать».

Как брату брат сговорит: «Пойдем, братец, во кузенку, —
Мы сделаем по ножу, ссекем сестре голову,
Ссекем сестре голову — обесчестила бороду».

143. РЕВНИВЫЙ ПОП

Ой ты, Катя, Катюничка попова,
В огороде морковочку полола.
Она полола и бросала по сторонам,
Наколола рученьку на будяк.
Болит, болит рученька от будяку,
Тужит мое сердечко по дьяку.
Ох, Катя, Катюничка, куда ты идешь,
Расскажи мне всю правденьку, где живешь?
— Будто у меня разума не стало,
Чтоб я тебе всю правду сказала.
Вон там моя хатеночка близ воды
Из премудрого дерева — лебеды.
— Если б это правда все была,
Выростала б выше лесу лебеда.
Ой, что не любит ли попадья попа,
Ой, не иди, поп, в церковь служить,
А то гулять попадья убежит.
А поп стоит, свадебку веичает,
А сам все думает, гадает:
— Где моя попадья гуляет.
Бросил поп свадебку венчать,
Пошел же он попадью шукать.
Да шукал, искал попадью, не напал,
Зацепился рукавами да и упал.
— Чтоб тебя, попадья, черт взял,

Через тебя все рукава оборвал.
 Приходит попадья во ночи,
 А поп лежит, как скаженный, на печи.
 — Засвечу я сальную свечку,
 Полезу я к попу на печку.
 Встань, поп, широкая борода,
 Пусть тебя любят черти, да не я,
 Ты думаешь, что я где-то гуляла?
 Ты венчал, а я сзади стояла.

144. «У ПОПА БЫЛА РАБОТНИЦА»

У попа была работница,
 В решете плясать охотница,
 На сарае заблудилась,
 Во хлеве богу молилася.
 Она думала, что поп с крестом,
 Овернулася, а бык с хвостом.

145. КАК ПОП УГОДИЛ В СОЛДАТЫ

Попадья попу говорила: «Поп,
 Что нам „Северная пчела“ принесет?».
 — Вестимо, не смолу, а мед,
 К нам не прильнет,
 Размешаем мы с кутьею
 Да съедим с тобою, любезною попадьею.
 — Да нет, поп, я тебе говорю не задор,
 Вить нынче с кутейников набор!
 Поп рассердился, попадью в шею сунул,
 Пошел полосьмушки клюнул,
 Не проспится поп ни ночью, ни днем.
 Повезли попа во прием.
 Поп возопиял:
 — Прощай, моя питательная кутья,
 Оставайся, моя горемышная попадья.
 Будешь теперь ты ни матушкой, ни маткой,
 А навеки солдаткой!
 Попал поп в солдаты, говорит себе:
 «Наполню теперь водою манерку,
 Забуду довеку пить горелку,
 Насыплю в ранец сухарей —
 Я солдат, не иерей.
 Может заслужу чин генерала,
 А покамест хоть дойти и до капрала».

146. «У НАС БЫЛО В СЕЛЕ ПОЛИВАНОВЕ»

У нас было в селе Поливанове,
 Боярин-от дурак в решете пиво варил.
 Пойтить было молоденьке, поучить дурака:
 Возьми, дурак, котел — больше пива наваришь!
 А дворецкий дурак в сарафан пиво сливал.
 Возьми, дурак, бочку — больше насливаешь!
 А поп-от дурак косарем сено косил.
 Возьми, дурак, косу — больше сена накосишь!
 А пономарь дурак на свинье сено возил.
 Впряги, дурак, лошадь — больше сена навозишь!
 А попович дурак шилом сено подавал.
 Возьми ты вилы — больше сена подашь!
 А крестьянин дурак косточкой пашню пахал.
 Возьми, дурак, соху — больше пашни напашешь!

147. «СПОМНИ, СДУМАЙ, КОВАЛЬ ВАСЬКА»

Спомни, сдумай, Коваль Васька,
 Под печечкой в рогачах тебе хоронила.
 Мой папаша догадался, стал тебя искати.
 Шукал, шукал по чулану, стал шукать у печки,
 Немножечко не схватил Коваля за плечики,
 А я, молоденька, коня колыхаю.
 — Баю-баюшки-баю, дитятко мое, дочь Васильевна,
 Дочь Васильевна моя, Апросиня Коваля.
 Апросиня Коваля, болит моя голова,
 Болит моя головушка и белые груди.
 Я умру, и помру, и жива не буду.
 Пущай меня не хоронят ни попы, ни дьяки,
 Пускай меня похоронят донские казаки.
 И попы, и дьяки из денежки бьются,
 Молодые казаченьки водочки напьются.

148. «ТАРАКАН ДРОВА РУБИЛ»

Таракан дрова рубил,
 Себе голову срубил.
 Комар воду возил,
 В грязи ноги завязил.
 Вошка парилась,
 Приушмаривалась.
 Мушка подскочила,
 В предбаник утащила.

Вы бегите-ко, ребята,
 По попов, по дьяков,
 По богатых мужиков.
 Зародила попадья,
 Зародила воробья
 Долгоносенького,
 Чернохвостенького,
 Его староста судил,
 Его Филатыч рассудил —
 Не бить его кнутом,
 А остригчи кругом,
 Две косички оставить,
 Воробья в попы поставить.
 Кто не едет, кто нейдет,
 Воробья попом зовет:
 — Что ты, батюшка попок,
 Что ты ходишь без порток?
 Портки строченые,
 Невороченые.
 Портки девушки шили,
 Тараканы источили.
 Девки хлопнули окном —
 Убежали за попом.
 Поп не знает, куда деться.
 Он кадило-то под лавку,
 Аллилую на кровать,
 Сам забрался под кровать.

149. «ДЕВКИ ПОПОВЫ»

Девки поповы
 По воду ходили,
 Голуба убили,
 На пенё посадили.
 Голуб на пню не сидит,
 Хлопоту говорит:
 — Хлопота ль ты моя,
 Да иссушила ты меня.
 Да на горке садок
 Зеленешенек стоит,
 Да у Троицы попок
 Молодешенек поет.
 Да и свечки тоненьки,
 Просвирки мяконьки,
 Кутья сладка.

Попадья гладка,
 Шея и плечо,
 Как гусиное яичко,
 Да и лоб, и лицо,
 Как зеркальцо.

150. «ПОПОВЫ-ТО ДЕТКИ»

Поповы-то детки
 Горох воровали,
 На попа сказали.
 Попа-то связали
 Да в город послали.
 Сидит он в коробу,
 Словно божий раб в гробу.
 Попадья-то ревет,
 Всех за бороду дерет.
 Поповы-то ребята
 Лежат на полатях,
 А им увещает:
 — Грешно, свет, браниться,
 Давай-ка мириться
 Во имя Христово.
 Вينيшка купили,
 Попа напоили,
 А на мировую
 Отдали гнедую,
 Два поросенка
 Да целого теленка,
 Полштоф вина
 Да четыре блина.
 Хошь пей, хошь лей,
 Хошь домой вези,
 Лошадям меси.

151. «ЧУ, ЧУ, ЧУ, Я ГОРОШЕК МОЛОЧУ»

Чу, чу, чу,
 Я горошек молочу,
 На чужом точку.
 Ко мне курочка пришла,
 Я ее цепом.
 Из нее перо
 Под Иваново село.
 Иванушка пишет,

На девицу дышит.
— Девица, девица,
Сходи за водицей!
— Я волка боюся.
— Волк на работе,
Сова на болоте,
Лунь под болотом.
Поповы ребята
Горох молотили,
Цепы переломали,
За овин побросали,
Овин загорелся,
Попу-то сказали,
Поп из казенки
Вытрескал глазенки,
Попадья из печки
Выломала плечки,
Дьякон с лавки
Вышиб пятки,
Дьячок с потолка
Убил телка.

152. «ГОЛОВУШКА БЕДНАЯ»

Головушка бедная
По улице бегала,
Серьгу потеряла,
На попа сказала.
Поп с коровати
Пошел воровати;
Попадья с печи
Сломала все плечи;
Баран из-под печи
С крутыми рогами
Ударил ногами.

153. «ЕХАЛ ПОП НА СВИНЬЕ»

Ехал поп на свинье,
В серебряном седле.
В белом балахоне.
В том-то балахоне
Было три кармана:
Во первом-то кармане —
Бочка квасу

Да на год хлеба запасу;
 В втором-то кармане —
 Полтора пудов некошеного сена,
 А в третьем-то кармане —
 Поп, да кошка, да дьякон Тимошка.
 Обул он берестяные лапти,
 Овертел свои ноги в черные онучи
 И пошел он на удобное место —
 В божью церьков.
 И запел свой любимый стих:
 — Ой ты, сторона, моя сторонushка,
 Незнакомая здешная сторонushка.

154. ЧАСТУШКИ

Как во нашем во селенье
 Безобразие идет:
 Дьякон ризу пропивает,
 Попик песенки поет.

Саночки ореховые,
 Попы гулять поехали.
 Саночки дубовые,
 Попы гулять здоровые.

Посмотрите на попов,
 Как попы дерутся,
 Рукава засучены,
 Волосы трясутся.

Уж как хоженский дьячок
 Потерял подрясничек.
 Кабы голос был не бас,
 Он давно бы свиней пас.

155. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Поп — дерун, дерет и с живого и с мертвого.

Поп да петух и не евши поют.

Не грози попу кадиллом: им же кормится.

Не грози попу церковью: он от нее сыт живет.

Требник — поповский хлебник.

Алтарь дна не имеет.

Родись, крестись, женись, умирай — за все попу деньги подавай.

Один хлеб попу, одна радость — что свадьба, что похороны.
Родится — годится, и умрет — не уйдет (о духовных требах
при крестинах и погребении).

Попы поют над мертвыми, комары над живыми.

Накажет дед, как помрет: без рубля поп не похоронит.

Поп ждет покойника, судья — разбойника.

Кому мертвец, а попу товарец.

Поп хочет большого прихода, а сам ждет не дождется, когда
кто помрет.

От вора отобьюсь, от приказного откуплюсь, а от попа не от-
молюсь.

Чьих ворот минуешь, а поповских не миновать.

Не страшно жениться, страшно к попу приступить.

Мужик плачет, а поп пляшет.

Мужику тошно, а попу в мошну.

Купец торгом, поп горлом, мужик горбом.

Хоть ладаном надымить, только б деньгу добыть.

Поп не устал, что рано к обедне встал.

Не ради Иисуса, а ради хлеба куса (поп служит).

Отзвонил, да и с колокольни долой.

Из колокольных дворян.

Из тех чинов, что дрались из-за блинов.

У нас, что ни поп, то и батько.

Поп в приходе, как вареник в масле.

Такое село, что хоть попа корми.

Каков поп, таков и приход.

У всякого попишки свои делишки.

В попах сидеть — кашу есть, а в сотских — оплеухи.

Каша наша, а щи поповы.

Первую мерлушку попу на опушку.

Сидеть попу на погосте, когда не зовут в гости.

Из ста попов девяносто девять дураков.

Голос труба, да грамота тупа.

Поп толоконный (вар.: толокняный) лоб.

Пьяный Тит псалмы твердит.

Уела попа грамота.

Знают и без попа, что воскресный день свят.

Попа да дурака в передний угол сажают.

Умен, как поп Семен: книги продал, а карты купил.

Узнают попа и в рогоже, дурака и по роже.

Дурова порода, жеребьячья родня.

Каков поп Савва, такова о нем и слава.

Не сердись, попе, а то живот лопнет.

Паки, паки, съели попа собаки; кабы не дьячки, изорвали бы
в клочки.

Скоморох попу не товарищ.

Новое дело: поп с гармонью!

Кто идет? — Черт. — Ладно, лишь бы не поп.

С попом водиться, что в крапиву садиться.

Последняя тварь — пономарь.

Сыт пономарь — и попу подает.

Наш пономарь не ест гусей, а пономариха — так и щипать их не умеет.

Старого пономаря не перепономарить.

Муха святого духа (о младших церковных служителях).

Я не архиерейский зять, с меня нечего взять.

Черная собака, белая собака, а все один пес (про черное и белое духовенство).

Попу и монах враг (о вражде белого и черного духовенства).

Поп — что клоп: тоже людскую кровь пьет.

Клопы — не псы: тело едят, а душу не вредят (староверческая поговорка).

Земля любит навоз, а попы принос.

Карман сух, так и поп глух.

Никто, братья, не знает натуру попову: он три слова скажет — и давай корову.

У попа глаза завидуши, а руки загребуши.

Завистлив, что поповские глаза.

Попу — что сноп, что стог — все равно, все мало.

Утиного зоба не залечишь; поповского брюха не набьешь.

Попу да вору дай хоть золоту гору, им все мало.

Попу да вору — все впору.

У попа глаза шире брюха.

Волчья пасть да поповские глаза — ненасытная яма.

На поповские глаза не наямишься добра.

Поповское брюхо из семи овчин сшито.

Поповского пуза не набьешь, не наполнишь.

В поповский карман с головой спрячешься.

У попа не карман, а мешок.

Поповские карманы — бездонная бочка.

Из поповского рукава семеро штаны выходят.

Колокольного дворянина по ухваткам знать.

Я ведь не из таких, чтобы грабить нагих (в укор попу).

У попа сдачи, у портного отдачи не спрашивай.

Вес — не попова душа, не возьмет барыша.

Безмен не попова душа: не обманет.

Мера — не поповский карман, дно имеет.

Голосом завывает, а сердцем пирога поджидает.
 Где завывали, тут попы были.
 Ряса просит мяса.
 Завистлив, что поп в пост.
 Пиво варить — попа не выкурить.
 Мужик лишь пиво заварил, а уж поп с ведром.
 У каменного попа и железной просвиры не выпросишь.
 Не бери у попа денег взаймы: у завистливого рука тяжела.
 Что поп, что кот — не поворча, не съест.
 Любил поп блин, да и ел бы один.
 Деньга и попа в яму заведет.
 Не все коту масленица, попу — Фомин понедельник.
 Поп попа хает, а глазом мигает.
 Волк волком не травится, поп попом не судится.
 Попы все одним миром мазаны.
 Попов ругать — и слов не подобрать.
 Чем черт попа хуже — оба одному служат.
 Поп с кадилом, а черт с рогатиной.
 Черт попу не товарищ (поп его обманет).
 Поп людей карает, а сам лихо грешит.
 Не тому богу попы наши молятся.
 Не чини того, что поп чинит, и не твори того, что учит.

Наша попадья — что широкая ладья.
 Последняя у попа жена (да и та попадья).
 Попу, раз оженившись, да на век закаяться.
 Что долго нет обедни? — Попадья не устряпалась (пироги в печь не посадила).
 Попадья разодралась, черт треснул пономаря, поп затужил и обедню не служил.
 Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит.
 Среди поста и матушка проста.
 Попадья вмешалась — поп не мешайся.
 Попадья лукавая — змея семиглавая.
 Не надейся, попадья, на попа: держи своего казака (батрака).
 Попадья умрет — поп в игумны; поп умрет — попадья по гумнам.
 Вдовая попадья всему миру надокучит.
 Боек, каналья: весь в поповский род пошел.
 Поповы детки, что голубые кони: редко удаются.
 Поповы кони да вдовьи детки (те и другие разнузданные).
 Не все поповым ребятам Дмитриева суббота.
 Поповский сын — дьявольский внук.

Ты меня не морочь: я тебе не попова дочь.
 Торопится, как поповна замуж.
 У цыгана не купи лошади, у попа не бери дочери.
 Поповна замуж торопилась, но и посейчас сидит.

•

Чин ангельский, да ум дьявольский.
 На глазах преподобен, а за глаза от греха не свободен.
 Наш брат Исаакий бывает всякий, иной человек божий, а за пазухой ножик.
 При церквах проживают, а волю дьявольску совершают.
 Божница домашня, а совесть продажна.
 Святой с полочки снятой.
 Ты его за апостола, а он хуже кобеля пестрого.
 Ладан на вороту (т. е. в ладонке), а черт на шее.
 Читает: «Да будет воля твоя!», — а думает: «Когда б то моя!».
 Заговелась лиса: загоняй гусей.
 Праведно живет: с нищего дерет, да на церковь кладет.
 Иной по две обедни слушает, да по две души кушает.
 Во имя божье Тит икону золотит из грабленого злата, что силой взял у брата.
 Не строй семь церквей, пристрой семь детей.
 Спасается, а кусается.
 Прости, господи, прегрешение мое — да опять за тое.
 Вор слезлив, а плут богомолен.
 Читает божьи страсти, сам глядит по сторонам: нельзя ли чего украсти.
 Украв часослов, да: «Услыши, господи, молитву мою!».
 Голосом завывает, а сердцем кутьи поджидает (плакуша).
 Поползень втихомолочку нашел себе богомолочку.
 Со спаса дерет, да на Николу кладет.
 Церковь грабит, да колокольню кроет.
 Кто много врет, тот много божится.
 Кто без числа божится, на того нельзя положиться.

VI. ПОП И МУЖИК. ПОПОВЫ РАБОТНИКИ

156. ХИТРЫЙ МУЖИК И ЖАДНЫЙ ПОП

Однажды поп заходит к мужичку, а тот на дворе копается, делает грядки и что-то в них сажит.

Поп спрашивает:

— Что, свег, делаешь?

— Да вот золотые сажаю, — отвечает мужик. — Приходи поутру, — посмотришь, сколько буду рвать.

У попа глаза разгорелись. Очень заинтересовался он и раззавидовался. Ночью не спалось, а наутро прибежал проверять.

Мужичок покопался в грядках. Смотрит поп, и вправду — вместо одного золотого вынимает пять.

Поп и говорит:

— Нельзя ли и мне это устроить?

Мужик отвечает:

— Давай тебе посажу.

Поп на это согласился. И пошли они к попу на двор садить золотые.

Наскоро сделали грядки, посадили. А через несколько дней обещался мужик прийти и выкопать золотые...

Приходит он в известное время, начинает землю рыть. Действительно, где был золотой — вынимает пять, где был золотой — вынимает пять.

У попа дыханье сперло, разгорелись глаза, не верит себе от радости и говорит:

— Эх, жалко, мало посадили. Засеяли бы сто — сколько бы уродилось?

Мужик отвечает:

— На один — по пяти, а при хорошем урожае — и по десяти. Тысяча бы уродилась!

— Давай, свет, — говорит поп, — сделай такую милость, посади сто золотых, я буду благодарить и поминать.

Вынес поп несколько пригоршней золотых — только сажай, мол!

Посадил мужик золотые, а ночью пришел на огород да все и повырыл.

Поутру поп призывает проверять урожай. Приходит Иван, начинает землю рыть — ни одного золотого!

Поп и говорит:

— Иван, что ж такое? Золота ведь нет!

— А ты чего же хочешь? — отвечает мужик. — Хлеб на хлеб и то не сеют, дают земле отдыхать. А ты снял хороший урожай, опять посеял и снова хочешь урожай получить? Вот земля-то и не уродила.

157. ХИТРЫЙ МУЖИК

В одной деревне жил бедный мужик; дожил он до того, что у него только и осталась одна овечка да две тыквы.

Лежит он однажды на печи и думает: «Нет у меня ни хлеба, ни муки, продать разве овечку?». Слез с печи, оделся, привязал овечку на веревку и повел ее на рынок продавать.

Идет он мимо своей церкви; попадаетея ему навстречу поп и спрашивает:

— Куда повел овечку?

— Продавать, батюшка.

— Продай мне?

— Купи.

— А что просишь?

— Пятьдесят рублей.

— Что очень дорого?

— Да ведь, батюшка, овечка-то не простая: с десятком волков одна справится.

— Ну, хорошо.

Отдал поп мужику деньги и повел овечку домой. Вдруг овца увидела двух волков, забегала, зарвалась, веревочка и сорвалась, а волки схватили ее и съели. Поп потужил, поохал да и говорит: «Кабы веревочка не порвалась, так бы овечка волкам не поддалась!».

Пришел домой и говорит попадье:

— Ну, матка, я овечку купил!

— Ну хорошо. А много ли дал?

— Пятьдесят рублей.

— Что больно дорого?

— Да овечка-то не простая: с десятком волков одна справится.

— Ладно, мы ее на охоту будем отпускать, она нам волков надавит, а я тебе волчьих шуб нашью.

— Да у меня беда случилась.

— Какая?

— А когда я вел овечку-то, она увидела двух волков, хотела

на них броситься, а веревочка-то и сорвалась, она им и поддалась, волки ее и съели...

— Ох, ох, батюшка!..

Поохали, поохали, да делать было нечего. А мужик, получивши деньги за овечку, накупил муки и напек хлебов, сел на лавку и думает: «Теперь у меня хлеб есть, только соли нет. Пойду-ка я срежу две тыквы, продам их да и куплю себе соли».

Срезал две тыквы, положил в корзину и пошел продавать. Идет мимо церкви, ему навстречу опять поп попадаетея и спрашивает:

— Куда, мужичок, пошел?

— В город.

— Зачем?

— Жеребьячи яйца продавать.

— Продай мне.

— Купи.

— Сколько просишь?

— Десять рублей.

— Что дорого?

— Да жеребята-то высидаются какие!

— А ты научи меня, как их высидеть-то.

— А как придешь домой, положи яйца в пестерь и сядь на них — через месяц они у тебя и вылупятся.

Отдал поп мужику деньги, взял тыквы и пошел домой. Приходит домой и рассказывает попадье, как он купил жеребьячи яйца и что с ними нужно делать, чтобы высидеть жеребят.

Попадья дала ему новый пестерь и велела поставить на полати. Вот поп сел, сидит день, сидит два, сидит и неделю, с пестеря не сходит и думает: «Вот скоро у меня жеребята вылупятся».

Случилось, что в это время у барина родился сын, и посылает барин своего кучера к попу, чтобы тот пришел и дал младенцу имя. Приходит кучер к попу и спрашивает у попадьи:

— Где батюшка?

— А на что тебе?

— У барина сын родился, так надо ему дать имя.

— Он на полатах сидит на яйцах.

Кучер подошел к полатам и говорит:

— Батюшка! У нашего барина родился сын, так иди, дай ему имя.

— Не пойду, — отвечает поп сердито.

— Пожалуйста, батюшка.

— Я сказал тебе: не пойду, так и не пойду! Мне из-за вашего барина не лишаться же жеребят.

Так и не пошел поп к барину.

Приходит кучер к барину и говорит, что поп не идет. Тогда барин взял плеть и пошел сам. Приходит к попу и говорит:

— Батюшка! Дай моему сыну имя!

— Я сказал вам, что не пойду, — отвечал поп.

— Пожалуйста, батюшка!

— Убирайся ты к черту и с твоим сыном! — закричал поп.

Тут барин и давай его хлестать плетью. Поп долго вертелся и ежился, наконец стало ему невтерпеж, соскочил с полатей, схватил свой пестерь и, держа его так, как сидел на нем, бросился бежать в поле, а барин с плетью за ним. Прибежал поп к огороду, а в этом месте подле огорода была навалена куча хворосту, под которым сидели два зайца. И хотел поп перелезть через огород, да задел пестерем за кол; пестерь остался на коле, а поп упал на хворост. Зайцы испугались и выскочили, а поп думал, что это его жеребята и погнался за ними. Бежит за ними и кричит:

— И-го-го-го! жеребятки, я ваша матка!

Зайцы убежали в лес; поп долго бегал по лесу, не мог найти своих жеребят и воротился домой с пустыми руками.

158. КАК ПОП ЛЕТАЛ

Жил в деревне крестьянин, Иваном звали. Любил ахти в карты играть. Один раз до того проигрался, что хоть бы копейка за душой осталась, и взять негде. Вот и надумал он шутить шутку над попом.

Узнав от дьякона, что поп собирается завтра ехать в Петербург, Иван пошел в поле, поймал гуся и обрезал ему крылья. Гуся бросил, а крылья взял с собой. Утром чуть свет отправился на большую дорогу, по которой должен ехать поп с дьяконом. Нашел большой камень около дороги, привязал крылья к рукам, а сам взобрался на камень, сидит и махает крыльями.

Вдруг едет поп с дьяконом. Поп и говорит:

— Стой, дьякон. Что это мужик тут делает?

Слез поп с лошади, подошел к мужику и спрашивает:

— Что ты тут делаешь?

— Отдыхаю, — говорит мужик. — Триста верст летел, да триста лететь надо.

Попа заинтересовало летание мужика, он и говорит.

— А что, парень, не продашь ли крылья?

— Что ж, купи, батька.

— Сколько стоит?

— Триста рублей и пару лошадей.

А поп ехал на паре лошадок. Сговорились. Парень отвязал крылья, сел на поповых лошадей и поехал.

А поп с дьяконом остались около камня. Попу надо было ехать в Петербург. Поп был жирный, залез поп на камень, с помощью дьякона привязал к рукам крылья, сел на корточки и махает крыльями, а подняться никак не может.

Дьякон смотрел, смотрел и говорит попу:

— Батя, тебе с этого камня не слететь, вы очень жирны, а крылья малы.

— Правда, дьякон, мне отседова не подняться. Пойдем за мной, я залезу на шатровку мельницу, а ты мне поможешь слететь. Только не говори матушке.

Вот поп забрался кое-как на шатровку мельницу, махает крыльями и кричит дьякону:

— Толкай!

Дьякон все ждал, а потом как есть толкнул попа. И полетел поп камнем вниз головой и растянулся около мельницы.

Долго он лежал на земле, а потом очнулся и чуть слышно спрашивает:

— Дьякон, а дьякон?

Дьякон подошел и спрашивает:

— Что, батюшка?

— Где я, в Москве аль в Петербурге?

— Нет, батя, около своей мельницы шатровки.

— Так ведь я летел!

— Летел, батюшка, летел, только вниз головой.

159. ШУБА-САМОЛЕТ

Шел мужик по дороге. Пальтишко на ём было худяще. Что он придумал? В смолу засмолить пальтишко это, чтобы крепче оно было. Засмолил он в смолу, идет и видит: у птицы пуху много растреплено. Он взял да закатал пальтишко-то это само в пух. К смолы пух-то и прильнул. И сделалось пальто мохнато. Вот мужиченко-то, этот самый, идет да руками размахивает. Навстречу ему едет поп. Остановил лошадей поп: интересно ему посмотреть на мужичью шубу. Поп мужику и говорит:

— Что у тебя, братец ты мой, за шуба така?

— Это у меня шуба-самолет, — отвечает мужик.

Поп и говорит:

— Как така самолет?

— Така самолет, батюшко, что куды вздумаешь, туды и понесет, — говорит мужик, — хоть в Питер, хоть в Москву. Только на высокой дом выстань, руками замаши — да и будешь в Питере.

Поп и говорит:

— А сколько возьмешь ты за эту самую шубенку?

— Сколько, — отвечает, — триста рублей да с тебя шубу, карету и лошадей.

Поп ему и отдает. Одевает он на себя шубу-самолет, а мужиченко садится в карету и с радостью поезжает домой. Вот поп и приходит в новой шубе домой. Пришел и говорит своей попадье:

— Матушка, грей самовар. Сейчас в Питер полечу.

Попадья смотрит и говорит:

— Как полетишь?

— Да смотри, — отвечает поп, — я шубу-самолет купил.

Вот попадья согрела самоварчик, поп чаю напился, призвал знакомых посмотреть, как он полетит. Вылез он на высокой дом, а знакомы все смотрят на его. Поп руками замахал, ногами задрыгал и полетел...

Пал на землю да убился.

И сказке конец, добрый молодец.

160. КАК АНГЕЛЫ ПОПА УНЕСЛИ

Жил крестьянин с женой, у него было три племянника. Когда племянники достигли взрослых лет, то предложили дяде разделить с ними, дядя тоже согласился. После раздела дядя начал сильно пьянствовать, а племянники живут скромно и все время терпят от бедности, а дядя их, хотя и пьянствует, но все богатеет. Один из племянников, старший, по имени Андрей, решил пойти к дяде и спросить, отчего он так богатеет. Дядя принял его ласково, угостил водкой. Выпивши водки, племянник Андрей сказал:

— Дядя, я к тебе пришел спросить, отчего ты богат?

На это дядя отвечал:

— Как же мне не быть богатому, ведь я день и ночь занимаюсь воровством.

Племянник просит дядю:

— Поучи меня воровать.

Дядя сказал:

— Приходи ко мне вечером.

Наступил вечер, и они отправились в лес. Дядя подвел племянника к большому толстому дубу и спрашивает:

— Что, племянник, если мы этот дуб спилим, куда он годится?

Племянник отвечает: что из него можно сделать большое корыто лошадям для корму. Тогда дядя говорит:

— Не годишься ты, Андрей, воровать, а живи по-прежнему дома и занимайся хозяйством.

На следующий день второй племянник Никита отправляется к дяде. Дядя также принял его ласково, угостил водкой и спросил его, зачем он пришел. Никита ответил:

— Я пришел к тебе, дядя, спросить, отчего ты богат, а мы бедно живем?

На это дядя ответил:

— Ведь я постоянно ворую, оттого я и богат.

— Поучи, дядя, и меня воровать.

— Ну, приходи ко мне вечером.

Наступил вечер и Никита отправляется к дяде, и вдвоем с ним приходят в лес к дубу толщиной в аршин.

— Ну, если мы, Никита, этот дуб спилим, что из него можно сделать?

Никита ответил:

— Это дерево очень удобно на клепку — много боченов можно сделать.

Тогда дядя говорит:

— Иди-ка ты, Никита, по-прежнему работай бочки, а воровать ты не годишься.

На третий день идет младший брат, Герасим, дядя также принял его ласково и угостил его водкой. Выпивши водки, Герасим спрашивает:

— Отчего ты, дядя, богат?

Дядя отвечает ему то же, что и старшим двум братьям.

— Так научи же и меня воровать.

— Ну, приходи вечерком ко мне.

Наступил вечер, и они отправились в лес. Подходят к маленькому дубочку, так, в оглоблю толщиной. Дядя спрашивает Герасима:

— Что, если мы срубим этот дубочек, куда он годится?

Племянник ответил:

— Его не стоит рубить, а стоит выкопать с корнем и оправить топором — славная будет дубина, хоть кого можно сразу убить.

Тогда дядя понял, что Герасим может воровать и разбойничать.

— Ну, племянник, ты можешь воровать, но все-таки тебя надо испытать, как ты будешь аккуратен в этом. Вот в тростнике сидит дикая утка на яйцах, вытащи из-под нее хоть одно яйцо, чтобы она не услышала.

— Да ведь учиться у тебя хочу, прежде ты, дядя, вытащи, а потом уж и я.

— Ну смотри, Герасим, — и пополз дядя на брюхе, осторожно, чтобы не спугнуть утку с гнезда. Когда он полез, то предполагал, что его сапоги цепляются за тростник, и когда

вытащил из-под утки яйцо, только тогда заметил, что на его ногах нет сапог, тут он и говорит племяннику:

— Ты лучше моего можешь воровать, я вытащил из-под спящей утки яйцо, я же не спал, а ты с меня так сапоги стащил, что и не почувал.

— Ну, дядь, пойдем куда-нибудь и украдем что-нибудь.

— Да я, Герасим, тут всю округу обобрал.

— Пойдем, дядя, у нашего барина кладовую оберем.

— Нет, Герас, там собаки очень лихи, я уж не раз думал это устроить.

— Пойдем, дядь, я устрою, что ни одна собака не брехнет.

Взяли они веревку и отправились к барскому двору, связали вязанку соломы и принесли к барскому забору, где помещалась кладовая. Племянник влез на забор, вытащил за собою солому, зарылся в нее, и дядя опустил его по веревке через забор. Собаки побрехали, побрехали на солому да и перестали. Тогда наш Герасим сломал замок на кладовой, набросал собакам говядины. Собаки начали говядину глотать, а Герасим вещи за веревку вяжет из кладовой, а дядя веревку таскает за забор. Когда втаскали что можно, дядя вытащил и Герасима. Приходят они в дом дяди и начинают делить вещи. Дядя берет себе вещи больше: «Я тебя учил, за это мне и следует больше». А Герасим оспаривает: «Мне, мол, больше следует, потому что я лазил в кладовую, а ты стоял за забором: если б заметили, то меня б, мол, скорее поймали, а ты бы ушел». Так они и не поделили. Тогда Герасим говорит:

— Пойдем, дядя, спросим у барина у этого, кому он скажет следует больше получить.

— Что ты, Герас, аль удурманил? Ведь нас с тобой тут же поймают и отправят, куда Макар телят не гонял.

— Не твое дело, дядь, я сам пойду к барину в дом, а ты стой под окном и слушай, кому барин прикажет больше получить.

Подходят к барскому двору, дядя стал под окном около барской спальни, а Герасим пошел в дом. Барин в это время уже лег спать. Герасим переменял голос и начал говорить как лакей баринов, окликает барина.

— Барин, я сегодня во сне видел, что у одного барина обобрали кладовую дядя с племянником, племянник лазил в кладовую, а дядя стоял у забора: кому из них следует большую часть получить, дяде или племяннику?

— Конечно племяннику, — сказал барин, — так как он трудился больше.

Тогда Герасимка отправился из дому и говорит дяде:

— Слышал, дядь, кому барин сказал получить больше?

Тогда дядя выдал ему часть побольше, как барин сказал. Утром барин узнал, что кладовая его обобрана и припомнил, как вор был у него в доме и говорил с ним. Приезжает к барину поп в гости. Поп этот был барину кум. Барин рассказал попу, как у него кладовую обобрали и даже вор был в доме и говорил с ним. Поп стал смеяться барину, что он не мог поймать вора. Несколько раз поп подсмеивался над баринном перед гостями. Барину эта насмешка не нравилась. Призвал барин к себе старосту с деревни и говорит ему:

— Скажи-ка ты своим мужикам, кто может отсмеять попу за меня насмешки, я тому заплачу пятьсот рублей. Если кто согласится, то пришли его ко мне.

Староста пришел домой, собрал сходку около кабака и объявил просьбу барина — мужики никто не соглашались на это. Герасим, узнавши, приходит к дяде и говорит:

— Дядь, сейчас на сходе староста объявил: барин даст полтысячи, кто отсмеет попу насмешки, пойдем к барину и возьмемся отсмеять попу насмешки.

— Нет, Герась, ни за что не возьмусь, если мы не угодим барину, то нам с тобой достанется на орехи.

— Не твое дело, дядь, я возьмусь и все обделаю как следует.

Уговорил дядю, приходят к барину.

— К вашей милости, ваше благородие, мы слышали, что вы нанимаете отсмеять попу насмешки, мы это можем делать.

— Хорошо, — сказал барин, — делайте, я вам заплачу за это пятьсот рублей, а если не сделаете, то вам от меня достанется как следует.

— Есть воля ваша, тогда сажайте нас в острог, — сказал Герасим, — пожалуйста нам на расходы задаточку две сотенки рубликов.

Барин достал двести рублей, а дядя с племянником отправились в кабак. Пробывши в кабаке до вечера, изрядно выпивши, приходят домой. Взяли два белых полотна и поздним вечером отправились к дому попа, посмотрели в окошко — поп ложится уже на постель. Тогда они обернулись этими белыми полотнами (ночь октябрьская очень темная была), и стучит племянник в окошко рукой. Поп глянул в окошко и, увидя такую белизну, спрашивает:

— Кто это там стучит?

— Это мы, батюшка, с небес святые ангелы.

— Зачем же вы, святые ангелы, пожаловали ко мне?

— Нас господь послал за вами, батюшка, так как у нас на небе все попы поумерли, то некому обедню служить. Бог говорит: «Нам без попа не быть, ступайте, ангелы, в село Во-

робьевку, притащите отца Андрея, он достоин служить на небе». Мы вот по приказанию господа и прилетели за вами, батюшка.

— Ах, святые ангелы, неужели никого нельзя взять, кроме меня, туда, у меня и тут приход хороший, прихожане хорошие, богатые, за требы платят хорошо.

— Мы этого, батюшка, ничего не знаем. А вы, батюшка, что бог приказывает, то и должны исполнять, а то на вас бог рассердится за ослушание.

— Но вот что, святые ангелы, попросите, пожалуйста, господа, чтобы он денек обождет, я распродам лишний скот и лишние постройки, а то — что тут попадье делать со скотом? Она и продать за цену не сумеет.

— Ну хорошо, батюшка, мы попросим...

— Пожалуйста, святые ангелы, попросите, я вас за это поблагодарю.

— Ну до свиданья, батюшка, да уж готовьтесь к завтраму.

— Хорошо, скажите богу, буду готов.

И отправились наши племянник с дядей к себе по домам. Поп всю ночь не спал, все думал, за какую лошадь сколько просить, сколько за коров и овец и сколько за сарай с амбаром, и мечтает поп, как он на небе будет поживать и как он оттуда будет деньги присылать своей матушке. Рано утром поп рассказал это своей попадье, та тоже очень рада, что такая благодать пала на их семейство:

— Распродавай-ка, отец, все лишнее. Это лучше, чем с мужиками тут возиться, там скорее пойдешь на повышение. Глядь, пробудешь года два попом, смотришь — в ахриерен сюда назначат.

И начал поп распродавать скот, все распродал, только остался один амбар не продан. Наступил вечер, дядя с племянником опять отправились к дому попа, приходят к окошку, видят — сидит поп, посматривает в окошко. Они стукнули в окошко.

— Это вы, святые ангелы?

— Мы, батюшка. Что же вы совсем собрались или нет?

— Нет, святые ангелы, попросите бога отсрочить, а то я не успел амбар продать.

— Ах, батюшка, и за вчерашний-то день бог обиделся.

— Ах, святые ангелы, уж попросите бога, к завтраму необходимо буду готов.

— Да вот что, батюшка, не забудьте, возьмите полное облачение, крест, евангелие и кадило, а то у нас обычай таков: как помрет поп, все это кладется с ним, — да захватите рублей семьсот деньжонок, там придется вам кой-кому сделать пода-

рочки, да и себе на расход, покуда устроитесь. Да берите звонкой монеты, бумажки у нас не ходят.

— Хорошо, святые ангелы, все будет готово.

Ангелы отправились по домам. Наутро поп продал амбар, начал ездить по кабакам и по лавкам и менять кредитки на серебро, а вечером уж сидел в облаченье и держал в руках крест и евангелие, кадило и мешок с деньгами. Дядя взял большой мешок, а племянник веревку и оглоблю из саней. Накрылись белыми полотнами, пришли к окну, где сидел поп, постучали в окошко.

— Сейчас иду, святые ангелы, — простился поп с попадьей и вышел на улицу.

Батюшка отправляется в путь.

— Только вам неудобно будет, как станем на небесную высоту подниматься, вы можете испугаться в упасть.

— А как же с этим быть?

— У нас есть мешок, нам уже не в первый раз доставлять на небо батюшек, так вы полезайте в мешок, вам и не видно будет высоты.

Поп полез в мешок, а один из ангелов спросил:

— А это что у вас, батюшка, в мешечке?

— Это я деньжонок взял.

— Давай их сюда, а там на небе мы их вам отдадим.

Поп подал мешок с деньгами. Дядя с племянником завязали мешок, зацепили на оглоблю и понесли на плечах на барский двор. Около барского дома была поставлена лестница, с тех пор как дня два тому назад были трубочисты. Ангелы потащили попа по лестнице на крышу. Поп спрашивает:

— Скоро ли, святые ангелы, долетим до неба?

— Сейчас, батюшка, да вам придется еще подождать, бог еще спит, а проснется — тогда вас позовут.

Взошли на крышу, опустили мешок с попом в трубу и пошли домой. Утром, когда начали топить печи, полны комнаты набрались дымом. Барин проснулся и спрашивает:

— Почему это дым в комнатах, или галка гнезда натаскала в трубу?

Барин вышел на крыльцо, а кучер с дворником полезли на крышу посмотреть в трубу, не забилась ли сажей. Видят, в трубе мешок, кричат:

— Барин, тут какой-то мешок.

— Какой мешок, тащите и бросайте.

Вытащили мешок и бросили по крыши, вдарился оземь поп и крикнул:

— Ой!

Лакей, слыша это, сказал барину:

— Барин, тут что-то есть в мешке живое.

— Развязывай.

Развязали мешок, а из него вылезает поп в облаченье, держа у руках крест, евангелие и кадило. Тогда барин понял, в чем дело и сказал:

— Кум, ведь сегодня не праздник, что ты? Или у меня молебен служишь?

Поп взошел в дом к барину и рассказал, как его обманули, как он по дешевой цене продал свое имущество, и как у него ангелы взяли семьсот рублей денег, и какую с ним проделку сделали.

Барин за это племяннику доплатил договоренную плату и дал десять рублей на водку.

161. ПОРТНОЙ

Один поп купил себе на рясу двадцать аршин бархату и позвал к себе портного. Портной пришел. Но так как дело было под вечер, то портной сказал попу:

— Теперь уж, батюшка, темно, еще неладно скроишь, так я лучше завтра поутру, как только встану, примусь за дело.

Поп согласился и спросил портного, как его зовут.

— Какофием, — отвечал портной.

Вскоре все улеглись спать; лег спать и портной, но ему не спалось. Когда все крепко уснули, то портной встал, нашел где-то толокна и воды, высыпал толокно в поповскую шляпу и налил туда воды, так что сделалась тяпушка, а сам взял бархатную матерью и пошел домой.

Поп, вставши утром и не найдя портного, надел свою шляпу и выбежал на улицу искать его. Попадается ему навстречу баба.

— Не видала, тетка, Какофья?

— Вижу, вижу, батюшка, куда как хорош, что и говорить! — отвечала баба.

У попа в это время тяпушка текла по бороде и по шляпе. Поп ничего не сказал бабе и пошел дальше. Попадается ему попадья.

— Не видала ли, мать, Какофья? — спросил у нее поп.

— Вижу, вижу, больно хорош! Где тебя, черт-то, так выкатали? Поди, дурак, умойся!

Поп провел по лицу рукой и тут только заметил, что по нем течет тяпушка.

162. КАК КУЗНЕЦ ПОПА ПРОУЧИЛ

Жил поп жадный. Чем больше давай ему, тем больше просит. Требы собирать всегда ездил с подводой. И взялся кузнец проучить попа.

Однажды поп возвращался из соседней деревни, всякого добра накладал полную бричку. Как на грех, расковалась лошадь, отлетели все четыре подковы, обратился тогда поп к кузнецу. Тот запросил сходную цену — три рубля.

— Что ты! — говорит поп. — Разве можно с пастыря такие деньги брать?

— Вот что, — сказал тогда кузнец. — Давай, подкую по такому условию: за первый гвоздь возьму копейку, за второй — две, за третий — четыре, за четвертый — восемь, и все будем умножать по два, потом сложим общую сумму — и плати.

Поп видит, что дешево, и согласился.

Кузнец управился быстро, забил двадцать четыре гвоздя. Стали расплачиваться.

За первые шесть гвоздей попу пришлось платить всего шестьдесят три копейки. А потом начались рубли, да десятки, да сотни, да тысячи — у него волосы дыбом встали.

А кузнец все подсчитывает.

— Ну, плати, батя, сто шестьдесят семь тысяч семьсот семьдесят два рубля пятнадцать копеек.

Как вскочил поп, да как пустился бежать! Оставил и коня, и подводу с добром. И больше той дорогой, где кузница стоит, никуда не ездил.

163. КУЗНЕЦ И ПОП

Приходит поп к кузнецу.

— Здравствуй, — говорит, — кузнец!

— Здравствуй, батюшка!

— Ты бы мне, кузнец, вот такую штучку сделал. Сумеешь али нет?

Кузнец и отвечает ему:

— Да мы, батюшка, век живем и куем, с малых лет, и все учишься. Что ни дадут в руки, все сделаем. Это вас раз учили одного дела, вот кричать в церкви, и кричишь: «Мужики, несите пятаки». Мужики идут, по гривеннику несут, а вы все сказываете: «На святой собор», а сами забираете в широкой рукав да в длинный карман пихаете. Да и брюхо свое растите, а мы, видишь, в какой грязи живем. Вот наша и наука.

Батюшка и говорит ему:

— Да, мужичок, я все-таки четыре года учился.

— А мы, батюшка, не четыре года учимся. Мне уже сорок лет, и я пошел десяти лет учиться, и вот уже тридцать лет учусь. Да и вам, пожалуй, годов не больше, как и мне, то вы уже много денег собрали и в свой глубокий карман поклади.

Батюшке делать нечего. Он и говорит:

— Ну, так берися, сделай мне.

Он ему сделал. Батюшка и спрашивает:

— Сколько тебе?

Кузнец говорит:

— Пятьдесят копеек.

Батюшка:

— Это дороговато. Два раза в горно всадил — пятьдесят копеек получишь.

А кузнец говорит:

— Да, батюшка, я получаю пятьдесят, а тебя позовут куда, то ты свою рясу оденешь, кадьльницу возьмешь и шара-барá, и кричишь: «Давай-ка, мужик, рубля полтора», вы берете не только с живого, а и с мертвого.

Батюшка и закусил язык. И сказать нечего. Он и пошел домой.

164. ПОП И МОРДВИН-КОЛЕСНИК

Поп начинает служить:

— Премудрость!..

А мордвин стоит и говорит:

— Э, батюшка, что это за «премудрость», ты вот сделай колесо!

165. О ЖАДНЫХ ПОПАХ И УМНОМ ИВАНЕ

Иван с большой семьей жил бедно. На столе не каждый день и хлеб бывал. Вот и говорит жена Ивану:

— Надо что-нибудь придумывать, а так жить — только мучиться. Сходи, помирись с попом, может быть, потому и счастья нет, что ссоришься с попом. Чай, лет десять в церкви не был?

— Нет, жена, в церковь не пойду, нечего там делать, а подумать — подумаю, как бедность избыть.

Отыскал Иван отресья конопли и сплел треххвостую плеть. Потом добыл воловий пузырь да фунт спелой вишни. Размял вишню, смешал с водой и вылил все в воловий пузырь.

— Ну, жена, будем дело делать. Надумал я помириться с попом. Если он придет к нам в гости, буду я сажать его за стол, угощать, ты говори: «Самим нечего есть, а ты гостей приглашаешь». А пузырь спрячь под правую подмышку. Будто бы со злости я ударю тебя ножом, упадешь ты и будешь лежать, до тех пор, пока не ударю три раза плеткой, тогда вставай и угощай нас.

Приходит Иван к попу:

— Прости меня, батюшка, за леность к церкви и благослови в путь-дорогу. Уезжаю я на работу. Заодно прошу тебя пожаловать на стаканчик чайку.

Очень обрадовался поп! любил он покушать за чужой счет. Пришли к Ивану.

— Ну, жена, угости нас с батюшкой.

— Чем угощать-то? Чуть-чуть собрала тебе на дорогу, все дворы соседей обегала.

— Ладно, жена, собирай! — приказывает Иван.

— Нечего ладить, и так обойдетесь!

— А... ты разговаривать!

Ударил Иван жену ножом. Упала она на пол, а из подмышки вишневый сок потек.

— Ох, чадо, что ты наделал? — завопил поп. — Убил жену.

Снял Иван плетку с гвоздя, стегнул ею три раза жену, — вздохнула жена, потянулась и встала. Быстро собрала на стол, да еще и бутылку водки поставила.

— Угощайтесь, кушайте, — говорит.

Позавидовал поп ножу и чудесной плетке. А Иван расхваливает плетку:

— Я, — говорит, — всегда так делаю, когда баба свой нрав показывает, ударю ее ножом, потом постегая плеткой — живо послушной станет.

Стал просить поп:

— Продай мне нож и плетку!

А жена говорит Ивану:

— Ваня, не продавай плетку! Как же мы без нее жить будем?

— Опять лезешь! — рассердился Иван. Кто хозяин — ты или я? Назло тебе продам. Бери, батюшка, уступаю тебе. Мириться, так мириться.

Заплатил поп деньги, забрал нож и плетку и пошел домой. Попадье про плетку ни гугу.

Собрал самых богатых мужиков да дьякона пригласил к себе. Когда гости присели за стол, крикнул поп:

— Ну-ка, матушка, угости моих гостей. Да поживее поворачивайся!

— Что ты, отец, надумал! Ничего у меня не готово... Хоть предупредил бы, — просила попадья.

— А... Ты еще разговаривать! — Схватил поп нож и ударил попадью в бок. Упала попадья и не охнула — померла. Испугались гости и побежали из поповского дома.

— Вы куда, мужички? Испугались? Да я могу и оживить ее! — кричит поп. — Вот живительная плетка.

Размахнулся поп и с сердцем три раза ударил убитую попадью плеткой. Не встает попадья. Хлестал, хлестал ее поп — лежит попадья. Понял, что обманул его Иван, и решил поп отомстить.

— Пойдем, отец дьякон, и убьем Ивана за обман, — приглашает он дьякона.

Вечером пришли они к Ивану.

— Пойдем, Иван, поговорим, куда тебе путь держать, — говорит поп Ивану.

Пошел Иван. Только вышли они за село, к реке, поп с дьяконом сбили Ивана с ног, втокнули в мешок и завязали.

— Ну, обманщик, готовься к смерти. Утопим тебя.

Подтащили к берегу. Дьякон и говорит:

— Надо бы камень привязать, а то беды наживешь, если выплывет и выберется.

— Твоя правда, отец дьякон, — согласился поп. — Рук марасть тоже не будем, а спихнем его жердью в реку, и все.

Так как вблизи не было ни камня, ни жерди, то поп пошел за жердью, а дьякон за камнем.

Около реки проходила большая дорога. Когда поп с дьяконом скрылись — показалась тройка, на которой ехал архиерей.

Увидел он мешок и подумал, что рыбак спит.

— Попрошу свежей рыбки на ужин у рыбака, — и приказал остановить лошадей. Слез он с повозки и видит: лежит мешок, а в нем кто-то шевелится.

— Кто в мешке? — спрашивает архиерей.

— Я, великий грешник, ожидающий искупления, — отвечает Иван. — Мне было во сне указание, что в этот день может всякий попасть в рай. Попросил добрых людей завязать меня в мешок и теперь жду прихода двух ангелов, которые столкнут мешок в реку, чтобы оттуда направить в рай.

Задумался архиерей: «Сколько лет молюсь, а уверенности нет, что попаду в царство небесное. Стар я, попрошу-ка сего грешника уступить мне место в мешке и отправлюсь вместо него в рай. Такого случая ждать — не дожидаться. Отдам все, а уговорю».

— Грешный человек, молод ты, и торопиться тебе нечего, успеешь в рай всегда. Уступи мне место в мешке, тройку тебе отдам, — просит архиерей.

— Нет, лучше и не проси!.. Разве можно на тройку лошадей променять райскую жизнь? — отвечает из мешка Иван.

— Дам тебе еще 300 рублей, — говорит архиерей.

Иван согласился.

— Ладно, — говорит, — помучаюсь на земле еще один год. Развяжи меня.

Развязал мешок архиерей, отсчитал деньги и передал Ивану.

— Ну, отец, полезай в мешок, да не забудь и меня помянуть там, — сказал Иван и завязал мешок.

— Сидеть надо тихо, — приказывает он архиерею. — Придут два ангела и столкнут тебя в реку.

Сел Иван на тройку и уехал.

Пришли поп с дьяконом, привязали камень и столкнули мешок в реку.

Утром поп с дьяконом пошли в церковь и очень удивились, когда встретили Ивана на тройке хороших лошадей.

— Спасибо вам, отцы духовные, за лошадей. Хороши, ведь? — кричит Иван.

— Скажи, где ты лошадей взял? — спрашивают поп и дьякон.

— В реке. Там их сколько угодно, только выбирай, не плошай!

— Всем их там дают?

— Всем.

— А ты не укажешь нам место?

— Пожалуй, за деньги и укажу. По двести рублей с каждого заплатите?

— Согласны мы. Когда поведешь нас?

— В полночь приходите к речке да захватите мешки и деньги, — говорит Иван.

Как только смерклось, пошел Иван к реке. Смотрит — а поп с дьяконом уже дожидаются.

— Ну, Иван, получай деньги да только делай скорее, — говорит поп.

Пересчитал Иван деньги.

— Залезайте в мешки.

Когда влезли они в мешки, завязал их Иван. Привязал по камню к мешкам, толкнул мешок с дьяконом в реку: вода забулькала:

Услышал бульканье поп и спрашивает:

— Что это такое?

— Это лошадей выбирает отец дьякон, да все бурых, — отвечает Иван.

— Так чего же ты ждешь? Толкай и меня скорее, а то он жадный, пожалуй, самых лучших себе и захватит, — забеспокоился поп.

Иван столкнул и попу. Послушал, да и побрел домой. Стал жить, поживать да добра наживать.

166. ПРО НАЗАРКА

Жил бедный Назарка. Домёнка у него был худой, скотины не было. Потом он решил продать и домик. За десять рублей продал и пошел к Чёбсару к Калякину в кабак.

Отдал все десять рублей Калякину и сказал: «Ты мне подавай, а когда деньги кончатся, мигни мне». А на десять рублей сколько можно было выпить — по две копейки бутылка. Заказал бутылочку водки, рыбник и всех поит.

Приходят три попа, потом из извозу приехало мужиков двадцать.

— Хозяин, дай им чаю, я заплачу.

Вот попы глядят: шикает Назарка.

Хозяин мигнул: кончается, мол. Назарка подошел к хозяину, шляпой помахал:

— Хозяин, в шляпе квито! — и к выходу.

Попы переглянулись: шляпа-то какая у Назарки!

— Эй, Назарка, погоди!

— Чего вам?

— Продай шляпу.

— Что вы! Видели, как я рассчитался?

Не отстают попы:

— Продай шляпу!

— Ой, не знаю, сколько за нее и взять. Ну, ладно — по двести рублей с брата!

Шестьсот рублей заплатили. Назарка деньги в кошелек. Пришел, домик купил, лошаденку купил, живет себе припеваючи.

Попы не пошли в Чёбсару, приезжают в Вологду, пошли в «Золотой якорь», шикарный ресторан.

Всем трем нельзя идти сразу.

Один поп пошел. Он набрал всего рублей на сто. Помахал шляпой:

— Хозяин, в шляпе квито!

Тут его схватили:

— Что ты, дьявол долгогривый, не платил ни копейки!

Схватили его, оттрепали и книзу головой спустили под лестницу.

А те два попа ждут.

— Ну, как?

— Ой, добро, ребята! (Ему обидно, что этим-то не досталось).

Другой пошел. Набрал вина и закуски рублей на двести.

— Хозяин, в шляпе квито!

— Да что это! И другой нашелся!

И этому наподавали. Выкатывается, а первый-то хохочет. Такая шляпа изладилась!

— Ну, что, как, брат?

— Добро нагулялся!

Двое нагулялись, надо и третьему.

Третий еще больше набрал всего. Подходит к прилавку:

— Хозяин, в шляпе квито!

— Да что, — говорит, — конец-то будет?!

И этого оттрепали, вниз головой под лестницу спустили.

Поддали им, хорошо попало. Все трое собрались:

— Пойдем, убьем Назарку.

Приехали домой, собрались Назарку бить.

Назарка видит: идут попы.

А он клячу купил. На навоз серебра набросал. Сидит, выбирает серебряшки.

— Бог помощь, Назарушка! (Про шляпу и не спрашивают).

— Чего делаешь?

— А вот, купил лошадь, а она серебром оправляется. Вот уж три рубля набрал.

— Продай нам!

— Да как я продам, вот сидя триста рублей наберешь.

— Продай!

— Да что вы! В жерёбе лошадь.

Ну, сговорились за восемьсот рублей.

Тот, кому первую ночь коня держать, дал ему меру пшеницы, зерна насыпал.

Поп сидит в углу, ждет. Вот лошадь хвост оттянула — поп полу подставил, повалилось. Потом и шляпу подставил. Прибежал в избу — прямо на стол:

— Иди, попадья, ищи.

Как они ни рылись, ничего не нашли, кроме зерен.

Все три попа попробовали и решили убить Назарку.

А Назарка женился за это время и знал, что его бить придут попы. Надул пузырь, налил крови и привязал его бабе под левую руку. Плетку достал, что на стене висела.

— Я буду заставляю самовар ставить, ты не хоти, в тебя ножиком шаркну, ты свались.

Попы идут:

— Садитесь, садитесь, дорогие гости, ну-ка, давай, ставь самовар.

— Неохота, ну тебя!

— Ой, такая-секая, я тебя!

Ножиком ее в пузырь, она — на пол.

Упала, кровь потекла. Попы глаза вытаращили: заколол бабу.

— Ничего, ничего, сейчас шелковая будет.

Схватил плетку и давай стегать бабу, а она как закричит:

— Сейчас поставлю, сейчас самовар поставлю!

Попы глядят: что такое, баба как шелковая бегаёт!

И попам захотелось выучить своих матушек.

— Продай плетку!

— Нет.

— Продай, по пятисот рублей дадим.

Назарка согласился. Вот один поп приходит домой в непоказанное время. Кондратьевский ножик, хороший такой, лежит.

Он рычит:

— Напеки-ка блинов.

— Да что ты, уж девять часов!

— А, еще не слушаешься. Ты у меня не станешь?

Как саданул ножиком, а потом плеткой стегать, но так она и не встала.

Тут и заревел:

— Ох, бабу зарезал.

Выучил! Ему обидно стало, он другим и не сказал.

И все три попа зарезали своих матушек.

А Назарка не мог больше придумать ничего. Взял дубинку и всех трех попов убил. Одного попа в угол посадил, а других в подпол.

Кричит соседу:

— Филька, зайди ко мне вечером.

Зазвал Фильку.

— Давай, Филя, я угощу. Попа я убил, стащи его в Вологду в реку.

Схватил тот, брякнул его туда в прорубь.

Пока он ходил, Назарка вытащил другого, в угол посадил.

Филька является:

— Ну, как, стащил? На, выпей.

Тот выпил много.

— Парень, ты его утащил, а он вот стоит!

— Да как он, дьявол!

Царапнул этого и стащил.

Прибегает бегом, чтобы успеть быстрее. Дверь отворяет, а он сидит в углу.

— Слушай, да ты камень привяжи.

Филька царапнул этого, камень привязал да жердью под лед и пихал всю ночь.

Смотрит утром — священник идет заутреню служить.

— Ах, ты опять здесь?

Он и живого попа цап и потащил.

Тот верещит, насилу народ отнял.

Все-таки этого спасли.

167. КАК ПАСТУХ ПОПА И ДЬЯКОНА УТОПИЛ

Жили-были в одном селе поп да дьякон. Скупые — каких свет не видывал. С прихожан — живых и мертвых — драли, пастуха и то прижимали.

Ходит пастух от зари до зари за стадом, а вечером поп ему на стол несколько картошек да хлеба зеленого от плесени бросит — и все. Обозлился пастух на попов и решил с попом да дьяконом посчитаться.

Как-то в полдень пригнал пастух стадо к пруду. Видит, идут поп и дьякон купаться и разговаривают: к кому после купанья чай пить идти. Попу хочется за дьяконовым столом наесться, а дьякон норовит к попу в гости. А пастух и говорит:

— Батюшка, полезайте в воду да нырните. Кто больше в воде высидит, тот на чай к другому и пойдет. А я у вас свидетелем буду.

Поп и дьякон послушались — и бух в воду!

Долго в воде пропадали, каждому хотелось к другому в гости попасть, однако поп первый не выдержал, показался над водой.

— Батюшка! — закричал пастух. — Ведь отец дьякон в омуте!

— Молчи! — крикнул поп, а сам опять в воду.

Глядь — дьякон показался.

— Ну, отец дьякон, — кричит пастух, — пропал твой чай, поп не показывался.

Шарахнулся дьякон опять в омут. Вынырнул поп еще — и опять в воду. Дьякон тоже отставать не хочет. Под конец одни только пузыри по воде пошли. Так и утонули поп с дьяконом. Вот жадность-то поповская до чего довела!

168. КАК ПОПЫ КУПАЛИСЬ

Одни раз летом поп, дьякон и дьячок пошли купаться на реку. Купались, купались, поп и говорит:

— Давайте, нырнем все вместе зараз. Кто первый вынырнет, к тому пойдем обедать и по три чарки вина выпьем.

Все согласились. Нырнули они и сидят под водой, каждый боится вынырнуть. Сперва вынырнул дьякон. Видит он — никого нет, и снова нырнул. Потом дьячок голову показал. Видит — никого нет, и опять в воду.

После них вынырнул поп. Он долго сидел под водой и думал: «Сейчас пойду к дьякону или к дьячку обедать и водку пить». Глядь — никого нет. Испугался поп и снова нырнул.

Потом вынырнул дьячок — и опять в воду. За ним дьякон и тоже так. Потом поп.

Долго они ныряли так. Наконец стали захлебываться.

Шел по берегу мужичок. Видит — люди тонут. Сбросил он с себя одежду и прыгнул в речку. Вытащил утопленников за волосы. Глядь, а это поповский причт. Испугался бедняк, стал просить их:

— Не говорите никому, что я вас вытащил.

— Почему? — удивился поп.

— А то меня мужики за это убьют.

169. СОСТЯЗАНИЕ ВО ЛЖИ

Ехал поп к благочинному, и застала его гроза. В поле — ни дерева, спрятаться негде. Сел поп под шарабан, а батрака на дожде оставил за лошадьми присматривать. Долго сидел поп, крестясь при каждом ударе грома, и проголодался (а еды с собой не захватил).

— Эх, — говорит, — родной бы жены не пожалел за черствый кусок хлеба.

Только он это сказал, видит — на борозде под кустом лежит сумка холщевая, чем-то битком набитая. «Верно нищий какой забыл свою суму с сухарями», — подумал поп и потянулся к суме. Только он схватился за нее, а с другой стороны уж батрак держится. Тянули, тянули, никто не пускает, и перетянуть друг друга не могут. Вот и решил поп перехитрить.

— Давай, Ваня, — говорит он, — рассказывать небылицы. Кто лучше расскажет, того и сума. Хорошо?

— Согласен, — отвечает батрак, — только такой уговор: кто кого перебьет, хоть слово скажет, тот проиграл.

Согласился поп. Бросили жребий, кому первому начинать. Выпал жребий на попа. Подумал он и стал говорить:

— Есть, — рассказывает, — страны далекие, на самом краю света божьего, и живут там люди о двух головах, а третью в руках носят. Девки там с рыбьими хвостами, с волосами зелеными, а бабы золотых ребят рожают, в серебряной воде купают.

Батрак молча сидит, головой кивает: «Верно, мол, всякое бывает».

Стал поп про чудеса плести, как святой черта в бутылку загнал, как мученица на сатане верхом катилась. А батрак сидит, цыгарку покуривает да помалкивает. Рассердился поп:

— А ну-ка, попробуй сам лучше рассказать.

— Ты, батя, не сердись, печенка болеть будет. Все, что ты тут врал, я с детства от дедов слышал и сам на картинках видел. Вот послушай меня. Я в своей жизни батрацкой прошел сквозь

огонь, и воду, и медные трубы, и чертовы зубы. Все видал, все слышал. Был я раз в одной стране за высокими горами, за широкими долами. Там, на острове Буяне, стоит церковь без крестов, дверями на восток, и служит в ней безголовый поп.

Поп головой качает, соглашается, а сам думает: «Зачем попу голова — все в требнике написано, выдумывать нечего».

— Вместо свечей, — продолжает батрак, — горят смоляные плашки, вместо ладана навоз курят.

Молчит поп, а сам думает: «Верно, поп жадный. Надо будет и себе попробовать».

— А что меня больше всего удивило, — продолжает батрак, — так народ попа любит: поп там очень хороший, ни копейки за требы не берет...

— Ну, это врешь! — закричал поп. — Нет таких попов-дураков, чтоб за требы не брали!

Так и проиграл поп суму. Развязал ее батрак, а в ней золота кусок не меньше сахарной головы. Увидал поп золото, от злости закрутился и упал. Тут его паралич разбил.

170. ЧЕГО НА СВЕТЕ НЕ БЫВАЕТ

Жил-был поп богатый-требогатый. Не знал, куда деньги девать. Ел, пил сладко, одевался нарядно, гостей у него каждый день столько было, что у иных и по праздникам того не бывало. А все у него денег не убавлялось, еще прибывали.

И захотелось раз попу пошутить над мужиком, себе и гостям на потеху. Призывает он самого бедного мужика и говорит:

— Слушай, мужик, дам я тебе денег целый четверик, только скажи мне, чего на свете не бывает. Нынче люди до всего дошли — и на черте ездят, и по небу летают, и в Питер по проволоке лапти послать можно. Скажи же, чего на свете не бывает?

Почесал мужик затылок.

— Не знаю, — говорит, — батюшка, кажись, и вправду все бывает.

— Ну, поди, подумай, — говорит поп, — а завтра приходи, ответ приноси.

Мужик до петухов не спал, поповскую загадку отгадывал. Раздумывает — может, и то и это бывает, только я не знаю, ну, да ладно, скажу наудачу, авось чего и не бывает.

На другой день пришел к попу.

— Ну что, мужик, теперь знаешь, чего на свете не бывает?

— Однако, батюшка, не бывает, топором не подпояшешься, ног за топориче не заткнешь.

Усмехнулся поп, усмехнулись и гости. Видят, мужик-то сер, да ум у него волк не съел. Надо четверик отмеривать. А известно — поп-то жаден, он и говорит:

— Нашел, брат, что сказать. У нас, подлинно, этого не делают, а в чужих землях — сплошь да рядом. Ступай с богом, да завтра, коли придумаешь, ответ принеси.

Приходит опять на утро к попу.

— Ну, мужичок, все ли на свете бывает?

— Не все, батюшка, баба попом не бывает, красная девка обедни не служит.

Усмехнулись все, только поп опять ему денег не дал.

— Нет, — говорит, — это бывает за границей. Поди, подумай последний раз. Скажешь — бери деньги, а то не прогневайся.

Плюнул с досады мужик, идучи домой, и думает: «Видно одному только не бывать, — чтобы у меня деньги водились»

Все-таки через ночь опять идет к попу. «Покажу, — думает, — ему всякой всячины, может что и небывальщина будет».

— Ну, что хорошенького скажешь? — спрашивает поп. — Не узнал ли, чего на свете не бывает?

— Все, батюшка, бывает, — говорит мужик. — Думал я, что люди на небо не попадают. А вот сам побывал, теперь поверил, что и это бывает.

— Как же ты на небо попал?

— Покойница жена побывать наказывала и подводу за мной выслала, двух журавлей в упряжке. Повидался с ней да с ребятишками и к твоей милости воротился.

— И назад с журавлями?

— Нет, назад я соскочил.

— Как же ты, мужик, не убился?

— А так, что по уши в земле завяз, не жестка земля попалась.

— Из земли же как вылез?

— Заходил домой, принес лопатку, выкопался, да и вылез.

— Не видал ли ты на небе покойного батюшку, моего родителя?

— Как же, видел, к руке допустить изволили.

— Ну, что он там делает? — допрашивает поп.

А мужик-то, не будь плох, догадался и говорит:

— Что покойный батюшка делает? Да после моих ребят постилки моет.

— Врешь, мужик-дурак! — закричал поп. — Того на свете не бывает, чтобы поп у мужика нянчился. Бери деньги, да не мели окоlesiцы.

171. ПРО ПОПА

Жил-был поп. У этого попа была жена-красавица. Поп и говорит:

— Баба, я тебя запру в подземелье, а то неравно кто-нибудь тебя утащит еще.

Поп запер ее в подземелье. Приехал в этот город корабельщик и пристал к старухе на квартиру. Корабельщик и говорит:

— Где бы мне невесту выбрать, старушка?

Старуха и говорит:

— У попа есть хорошая жена.

Корабельщик и говорит:

— Как бы ее достать?

— А вот завтра, как батюшко уйдет в церковь, я пойду к ней.

На другой день старуха пошла к попу. Пришла. Поп и говорит:

— Остайся с моей женой — ей скучно.

Старуха согласилась, а поп запер их вместе, а сам ушел.

Старуха и говорит:

— Матка, на тебе жених сватается.

Матка и говорит:

— Какой?

— Корабельщик.

Матка сказала:

— Ладно.

Пришел поп и отпустил старуху домой. Вот старуха сказала корабельщику:

— Прикажи своим работникам, чтобы они выкопали подземельный ров: из моего подпола прямо к попадье под кровать.

Корабельщик приказал своим работникам — те живо выкопали. Вот старуха пошла и зовет попа к себе «на свидание».

— Я в лесу Машеньку нашла, походит на твою матку; корабельщик женится на ней.

Поп и говорит:

— Я один себе приду, а матку не приведу: у меня, пожалуйста, кто-нибудь ее сглазит.

Поп пошел со старухой на свиданье, а матка переоделась и вперед его ушла. Поп пришел и видит, что его жена, он и говорит:

— Господа! Это моя матка!

А те и говорят:

— Что ты, батюшка, какая твоя матка!

Он побежал скорей домой. А матка по рву убежала вперед его, переоделась. Поп пришел и кричит:

— Матка, ты дома?

— А я куда уйду? Ты че с ума сошел? Я спала, ты меня испугал.

На другой день старуха опять приходит.

— Батюшка, свенчайте Машеньку с корабельщиком.

Поп сказал:

— Ладно, свенчаю, — и пошел, а матка по подземельному рву вперед его убежала. Оделась и пошла в церковь. Поп стал венчать и говорит:

— Господа, это моя матка!

Корабельщик и говорит:

— Какая твоя?

Свенчал поп их, они сели в карету и уехали на корабль. Поп побежал бегом домой и стал кричать жене. Ее уж нету. Он побежал к кораблю, но корабль уж поехал. Старуха стоит на берегу и раскланивается с новобрачными. Поп прибежал и давай лупить старуху, потом бросил старуху в воду, а старуха и его с собой потащила, и оба утонули.

172. БОГОРОДИЦЫНА ТРАВКА

Были в одном селе поп с попадьей. Был у них работник Иван. Попадья часто прихварывала и в то время, когда поп ездил за лекарством в город, гуляла с своим любовником — их же дьяконом.

Вот узнала попадья от своей просвирни, что есть где-то богородицына травка, исцеляющая ото всех болезней, и совсем в постель слегла. Поп было опять в город за лекарством, а попадья ему кричит:

— Не надо. Все равно не поможет. Вот если бы ты достал богородицыну травку, я бы тогда сразу выздоровела. — А сама мечется по кровати, стонет и охает.

Жаль стало попу жену, собирается он за богородицыной травкой. Не вытерпел работник Иван такого притворства и рассказал, чем больна его попадья.

Не верит поп работнику. Уж очень обидно, что жена его так обманывает. Вот Иван и говорит:

— Вот что, батюшка. Не веришь, так посмотри сам.

— Как же я посмотрю?

— Пусть матушка думает, что ты ушел за богородицыной травкой. А вечером я тебя завяжу в вязанку соломы и принесу домой. Вот тогда сам увидишь.

Так и сделал Иван.

Попадья, ничего не подозревая, лишь только ушел поп, повзвала своего друга дьякона, и началась у них гульба. А когда

стали навеселе, пригласили к себе и Ивана поиграть на бала-лайке. Иван играет, а попадья пошла плясать и прибасает:

Муж, муж, муженек
По травушку ушел,
Чтоб он туда не дошел
И оттуда не пришел.

Не выдержал Иван, пустился сам в пляс да так же попадье с прибаской:

Гляди, гляди, солома,
Твоя жена здорова,
Безмен висит на стене,
Он походит по спине.

Узнал теперь поп, чем больна его попадья, выскочил из соломы, схватил безмен, да и давай им угощать и попадью, и дьякона. С тех пор всю болезнь с попадья как рукой сняло.

173. БАТРАК

Жил в селе поп с женой. Нанял он себе батрака и уговорились: «Если поп будет батрака ссылат, то чтобы ему двойное жалованье отдать; если батрак сам сойдет, то жалованья ему ничего не брать». Вот живет батрак у попа и месяц и два. Пришло лето, стал его поп на луга посылать овец стеречь.

Вот батрак купил себе два пуда ладану, вышел на луг, зажег его и начал богу молиться. Вдруг и услышал он голос:

— Батрак, о чем ты молишься?

Батрак и говорит:

— А вот о чем я молюсь, чтоб господь сослал такую дудку: когда я заиграю, чтоб кругом меня все плясали.

Не успел он выговорить, вдруг дудка летит с неба и упала подле него. Взял батрак дудку и заиграл на ней, и вдруг все овцы заплясали; играл, играл батрак, а овцы все пляшут. Перестал батрак играть, и овцы перестали. И раз так сделал батрак, и другой раз сделал. Стал поп замечать, что овцы худеть стали, и вздумал он посмотреть, что с ними батрак делает в поле.

Стал батрак рано утром овец выгонять, а поп присел между ними и идет среди их. Батрак будто не замечает, гонит овец; нет, нет, да и стегнет их кнутом, да все норовит прямо попу в голову. Выгнал батрак овец в поле, вынул дудку и заиграл на ней, овцы заплясали, вскочил поп из середины и начал плясать вприсядку; умучился бедный поп; пот градом течет с него,

а батрак все играет. Стал поп просить батрака, чтобы перестал играть, а он и не слушает. Перестал батрак играть, поп выскочил из стада, пустился бегом бежать домой.

Прибегает, рассказал жене.

— Вот, — говорит, — жена, у нашего батрака какая есть дудка! Заиграет, так всё запляшет!

Стала попадья бранить попа, что он дурак, что плясал нарочно.

— А вот, — говорит, — он придет с поля, я попрошу его сыграть.

Стал поп просить попадью:

— Посади меня в короб, привяжи на чердаке за перекладину, чтоб не слышно было.

Попадья так и сделала. Пришел вечер; пригнал батрак овец с поля; стала его попадья просить, чтоб он на дудке сыграл. Батрак вынул дудку, заиграл. Дело-то было под праздник; попадья в это время пироги месила, да как было у ней на руках тесто, так и пошла плясать, переваливает тесто с руки на руку. Услыхал поп на чердаке; тесно ему там плясать в коробе; вот он нет-нет да стук об крышку головой, сорвался с перекладины со всем коробом, убился больно, прошиб головой крышу, выскочил из короба и начал на чердаке в присядку плясать. Устала попадья плясать и тесто вывалилось у ней из рук, а батрак не перестает играть. Бросил батрак играть, пошел на двор. Повалилась попадья среди полу, охает от усталости. Пришел поп с чердака; от усталости духу не переведет; повалился тоже на пол, и отдыхали они до самого свету.

Утром рано они стали совет держать, куда бы им батрака девать. Была у попа на болоте мельница; лет тридцать уж не молола она; черти поселились в ней, не дают никому ни проезду, ни пропуску. Поп и вздумал на эту мельницу батрака послать с чертей оброк собрать. «Авось, — говорит, — они его там задушат». Встал батрак; поп стал его посылать на мельницу. Батрак отнекивается; однако нечего делать, стал просить лошадь. Попу и лошади не жаль, дал ему. Запряг батрак лошадь в телегу и поехал.

Ехал, ехал батрак и приехал к мельнице; отрезал веревку от вожжей, сплел ее конец с концом, сел на берегу, дожидается чертей, вертит в руках веревку. Вдруг выскочил из болота чертенок и говорит батраку:

— Что ты здесь делаешь?

Батрак и говорит ему:

— Отдайте мне оброк за все года, сколько вы здесь прожили! А то вот я свил веревку без конца, без начала, всех вас из болота повытаскаю!

Чудно стало чертенку; не видал он таких веревок.

— Покажи, — говорит, — мне эту веревку.

Подавал ему батрак веревку; чертенок взял в руки; вертел вертел и удивился: нет ни начала, ни конца; отдал назад.

— Постой, — говорит, — я пойду дедушке скажу.

Шмыгнув хвостом, скочил в воду. Остался батрак один на берегу; сидел, сидел, скучно ему стало; стал он чертей бранить, что долго нейдут к нему с деньгами.

Вдруг ползет из воды чертенок, кряхтит, тащит. Батрак обрадовался, думает, что он пудов двадцать волокет ему. Выползает чертенок из воды и тащит за собой железную палку в тридцать пудов.

Стал чертенок говорить батраку:

— Вот дедушка прислал эту палку: кто выше из нас ее закинет кверху, тот и прав.

— Ну, кидай!

Черт кинул палку кверху так, что чуть видно ее стало, слетела вниз, ударилась о землю так шибко: земля затряслась.

Ухватил батрак палку и не подымет ее. Приподнял кое-как на колени да и глядит кверху. Черт его и спрашивает:

— Что ты глядишь? Кидай!

Батрак и говорит:

— Постой! Дай вот зайдет облако, я ее на облако закину, там она и останется.

Испугался чертенок: палка была у деда любимая. Строго было приказано не потерять ее, а то в омут не пустят. Схватил чертенок палку да в воду скорее.

Недолго он там был, выходит опять и говорит:

— Дедушка приказал: кто из нас кого поборет, тот и будет прав.

Усмехнулся батрак да и говорит черту:

— Где уж, — говорит, — тебе меня побороть! У меня есть дед во сто лет, ты и его не поборешь.

Стал черт просить показать ему деда, а чертенок был очень силен: он одной рукой поборол самого сильного богатыря. Привел батрак черта к медвежьей берлоге и говорит ему, чтобы он слазил туда посмотрел его. Полез черт в берлогу и начал манить медведя, чтоб вышел, поборолся с ним. Осерчал медведь, вышел из берлоги, ухватил черта поперек да и ну его ломать: все кости ему переломал. Кричал, кричал черт, чтобы дед погодил, дал ему ухватиться хорошенько. Нет, дед-медведь не слушает; энай ломает его, в бараний рог согнул. Вырвался чертенок из медвежьих лап да поскорее в воду.

Опять сел батрак на берегу, поджидает чертенка; недолго ждал; выходит опять чертенок и говорит батраку:

— Вот, дедушка приказал: кто из нас кого перегонит, тот прав будет.

Усмехнулся батрак и говорит черту:

— Где уж, — говорит, — тебе меня перегнать; у меня есть племянник без году семь недель, да и тот перегонит тебя.

Стал черт просить показать ему племянника; а черт был резов: всегда сапоги-скороходы перегонял. Привел батрак черта к заячей норе, свистнул. Выскочил оттуда заяц и пустился бежать. Черт кричит:

— Погоди, погоди! Дай вровень встать!

Заяц не слушает, знай бежит. Юркнул черт опять в воду.

Сел батрак на берегу, ждет, чем дело кончится. Выскочил опять чертенок и говорит:

— Дедушка приказал: кто из нас свистнет сильнее, тот и прав будет.

А черт шибко свистал; когда сидел он у Ильи Муромца, свистом с ног людей сбивал за сто верст. Осерчал батрак.

— Что, — говорит, — я в насмешку что ли дался?

Испугался чертенок.

— Это, — говорит, — последнее; больше и беспокоить не будем.

Велел батрак черту свистнуть. Свистнул черт так шибко, что листья с деревьев посыпались, а батрак насили на ногах устоял. Пришло время батраку свистеть. Сметил батрак, что ему так не свистнуть, и говорит черту:

— Жаль, — говорит, — мне тебя: не выдержишь ты моего свиста. А вот лучше сядь на пригорок, закрой глаза да зажми уши. тебе все-таки легче будет.

Уселся черт на пригорке, закрыл глаза, заткнул уши да ждет, как свистнет батрак. А батрак подошел к телеге, вынул оттуда дубинку да как свистнет ей черта по уху: у того искры из глаз посыпались. Скатился кубарем черт в омут, а батрак сел на берегу да поджидает, когда черт выйдет к нему.

Недолго он его ждал. Выходит чертенок из воды и спрашивает его, сколько ему надо денег за выкуп.

Батрак и говорит:

— Мне немного надобно; вот всего эту шляпу насыпать золотом.

Черт хлопнул хвостом, прыгнул в воду да про себя и смеется: экой дурак этот батрак! Старался, старался, а все из шляпы золота; я бы на его месте и целой бочки не взял. А батрак отошел немного от берега, вырыл глубокую яму и сделал кверху уже; выбил дно у шляпы да и поставил ее над ямой. Стало смеркаться; глядь, черт тащит большой мешок зо-

лота; думал, что много будет; высыпал, не достало. Сбегал за другим мешком — и этого мало. Пять мешков принес, все мало. Прибил водяной чертенка, что много денег перетаскал, а делать нечего, давать надо по уговору. Стащил чертенок еще три мешка и насыпал полную шляпу. Лишь только ушел чертенок в воду, батрак насыпал полную телегу золота, а что осталось, землей прикрыл и поехал к хозяину.

Поп был в это время в поле; увидал издалека, что едет батрак. Приехал батрак домой; поп с попадьей обрадовались, что он столько золота привез. Вот поп велел ссыпать золото в амбар и велел батраку остаться его караулить. Сидит батрак, караулит золото, не отходит от амбара. На другой день приходят, зовут попа на поминки; поп рад зову, уходит да и приказывает батраку:

— Смотри, — говорит, — батрак; я пойду на поминки, ты все смотри на дверь; от ней никуда не уходи, а то у нас унесут золото.

Ушел поп. Вдруг вспомнил батрак, что он не сказал попу, что ведь золото надо с ним пополам делить; взял снял с петли дверь, идет по улице и все смотрит на нее. Приходит в тот дом, где был поп на поминках, а с двери и глаз не спускает. Увидал поп батрака, выскочил из обеда, стал бранить его. Батрак и говорит ему:

— Ты, — говорит, — велел мне на дверь смотреть; вот я все смотрю на нее.

Пошли домой посмотреть, цело ли в амбаре золото, а его унесли.

В этом царстве, в котором жил поп, был царь, и у него была дочь — красавица собой. И разослал царь весть по всему своему царству, что если кто скажет, какая у его дочери на теле примета, за того ее и замуж отдаст. Услыхал это батрак и начал проситься у попа к царю. Поп отпустил его. А батрак знал, какая у царевны на теле примета. Раз гуляла она в поле, а батрак на дудке играл, а овечки плясали; царевна и попросила у него себе парочку маленьких овечек, чтоб они ее пляской забавляли. Батрак согласился дать ей пару овечек, но с таким уговором, чтобы она сказала ему: какая у нее на теле примета есть; она и сказала, что у нее под мышкой золотой волосок растет.

В этот день, когда царь назначил всем собратся отгадывать, пришло во дворец множество министров, князей, генералов и батрак с ними — не умытый, взъерошенный, сел на золотое кресло. Стал царь обходить всех, спрашивать: никто не знает, какая есть у царевны примета. А подле батрака сидел генерал. Подходит царь к батраку и говорит:

— Зачем ты, мужик неотесанный, явился в царские палаты?

Батрак отвечал, что «я, — говорит, — знаю, какая есть у царицны примета».

— Какая?

— У нее, — говорит, — золотой волосок под мышкой растет.

Вдруг и генерал за ним проговорит:

— У нее золотой волосок под мышкой растет.

А генерал вовсе не знал; так уж за батраком проговорил. Царь и задумался: за кого дочь замуж отдать? Оба проговорили вместе. Велел составить совет. Совет и присудил положить их всех вместе спать; царевну в середину — к кому она утром лицом обернется, за того и отдать замуж.

Вот подали разных закусок, фруктов: угощают и министров, и князей, и генералов; и батрака угощают. Батрак ничего не ест, а возьмет горсть изюму и черносливу да положит в карман; и набрал он полный карман. Потом подошел ужин; батрак и за ужином ничего не ел, а тот генерал ничему спуску не дает, так и убирает во все лопатки. После ужина увели царевну, генерала и батрака спать и положили всех рядом; царевну в середку... Поутру приходит царь в их комнату и видит, что царевна обратилась лицом к батраку, подумал, что ей батрак полюбился, и отдал ее за него замуж, а генералу отказал. Стал жить да поживать батрак с молодой женой; выкопал свое золото, что получил от чертей на мельнице; после сделался царем и стал править своим царством.

174. ПРО ПОПА И ЕВЛАШКУ

Жил-был поп. Пошел осенью в лес за грибами и заблудился. Бродил-бродил и набрел на медведицу. Медведица поймала его, не отпускает, к себе тянет. В берлоге затащила. Стали жить с медведицей в берлоге. Медведица лапу сосет и попу дает. Зиму так и прожили.

Весной медведица сына родила. Совсем человек, только уши медвежьи. Дали ему имя Евлашка, по прозвищу — Медвежье Ушко.

Медведица по лесу ходит, ягоды сырые да жолуди собирает — питается. А попу да Евлашке есть совсем нечего. Сговорились они от медведицы убежать в деревню, где поп жил.

Когда медведицы дома не было — убежали. Пришла медведица к берлоге — нет попа и Евлашки. Догонять их побежала. Догнала. Попа обратно в лес утащила. Тогда Евлашка схватил медведицу за уши, хлопнул о землю, она из своей кожи вы-

летела. Евлашка голый был, шкуру медведицы на себя надел и пошел с попом деревню искать.

Сколько ни ходили, в свое селенье вышли. Попадья попа уже ждать перестала. А как увидела — обрадовалась.

— Откуда ты взялся, батюшка? А с тобой-то кто еще?

— Это работника я нанял, — говорит поп.

Поп сам в новое платье оделся. Евлашке тоже одежду дал, а потом есть стали.

Евлашка сразу двенадцать чашек щей да шесть караваев хлеба съел. Ночь пришла. Наутро пахать поехали. Лошадку запрягли. Немного попахали, лошадь ходить не стала. Тогда Евлашка сам стал соху таскать вместо лошади. А поп за сохой ходит. Земли у попа много. Все вспахали. Поп устал очень. Зовет Евлашку домой, а Евлашка говорит:

— Рядом-то чья земля?

— Дьяконова, — говорит поп.

А Евлашка говорит:

— Давай, заодно и дьяконову вспашем.

У дьякона земли немало было. Все вспахали. У попа ноги дрожат, руки трясутся, чуть-чуть за соху держится.

А Евлашка говорит:

— Рядом-то чья земля?

— Дьячкова.

— Ну, давай, заодно и эту вспашем.

Поп взмолился, домой уговаривает ехать. А Евлашка таскает да таскает соху, не останавливается.

У дьячка земли немало было — все вспахали.

— А это чья земля, за межей-то?

— Крестьянская.

— Ну, заодно и эту вспашем.

Поп чуть-чуть на ногах держится. Устал. Домой просится. А Евлашка таскает да таскает соху. У крестьян земли немного было, быстро перепахали. Всю пашню в один раз перепахали.

Домой приехали. Попадья спрашивает:

— Что поздно, батюшка?

— Евлашка лошадь бросил, сам соху таскал. Свое вспахали, дьяконово, дьячково, да и крестьянское, — говорит поп, а сам чуть не плачет.

Попадья и говорит попу:

— Такого работника надо сбыть куда-нибудь. Он нас совсем замучит.

— А куда девать?

— Пошлем за реку, там медведь ходит. Теленок у нас девался куда-то, пусть найдет. Может, медведь его слопает.

Так и сделали. Послали Евлашку за реку.

Пошел Евлашка за реку, там медведя встретил, думал, что это — теленок.

Поймал его и домой потащил. Медведь упрямится, ногами упирается, а Евлашка тянет, на земле две борозды делаются.

Притащил на двор поповский, спрашивает:

— Куда теленка-то, матушка?

Испугалась попадья, кричит:

— Тащи в стаю. Батюшка, он ведь медведя домой притащил!

Стали вновь придумывать, как Евлашку с рук сбыть. Страшно обоим — заест еще. Решили послать на мельницу — деньги с мельника получить. А мельником там черт был. Наутро поп говорит Евлашке:

— Пойди, сходи на мельницу. Мельник три года муку мелет, все не отдает. Пусть хлеб отдаст, или денег рублей триста получи.

Пошел Евлашка на мельницу. Подошел к мельнице, а черт навстречу выходит.

— Давно я не обедал, обед хороший пришел.

— Какой тебе обед? Отдай хлеб или деньги, которые у попа взял!

Черт не отдает. Долго спорили. Не отдает черт ничего. Тогда Евлашка схватил черта:

— Пойдем тогда сам к полу. Сами, как хотите, рассчитывайтесь. Притащил черта за рога домой. Спрашивает попа:

— Куда черта девать? Он ни денег, ни хлеба не отдает.

— Тащи в стаю, там разберемся.

Бросил Евлашка черта в стаю к медведю. Медведь да черт недолго смирно сидели. Драку затеяли. Гром на весь дом. Евлашка разгоняет их. Они все дерутся. А потом одного в хлев, а другого в овечник запер. Там коровы да овцы были. Там опять возня поднялась. Медведь коров дерет, а черт овец гоняет.

Поп с попадьею в страхе. Послали Евлашку порядок навести в хлеве да в овечнике. Прибежал Евлашка в хлев. Давай медведя бить, а затем хватил его об угол — убил.

Стал с чертом расправляться. И черта убил.

«Что теперь делать с ним будем? Черта убил, медведя убил. Этак и нас убьет», — думают поп с попадьею.

В эти времена у царя дочь взбесилась. Каждый день человека съедает. Дьявол в нее зашел. Царь народ кличет.

— Кто с моей дочкой ночь проспиг, дам тому полжитья, пол-имения. А после — на царство.

Поп с попадьею сговорились Евлашку послать.

Пришли из города солдаты, Евлашку к царю требуют. Евлашка пошел. На ночь Евлашку к царевне в комнату заперли. Заря замкнулась. Черт в эту комнату пришел.

— А кто это к моей девке пришел? Ладно. Сытно я обедаю. Обед хороший будет.

Евлашка с собой три колоды карт игральных принес, молоток да щипцы приготовил. Евлашка говорит черту:

— Я не ссориться пришел. Давай в карты играть. Кто проиграет, тому в бок — щипок, в лоб — щелчок.

Черт охотник до карт был. Согласился. Играли-играли, Евлашка черта обыграл. Схватил молоток, по лбу черта хлопнул — глаза выскочили, в бок щипцами щипнул — кишки вытащил. Утром приходят смотреть. Молитвы за упокой читают. Открыли двери. А Евлашка жив и здоров, с царевной обнимается.

Царя известили. Царь обрадовался: дочку вылечили. Повели Евлашку в царские палаты.

Тут не пиво варить, не вино курить, веселым пирком да и за свадебку. Я тут был, пиво пил, пиво тепло, по усу текло, в рот не попало. Евлашка на царевне женился, полцарства получил, а царь умер — на царство сел.

Так поп с попадьею сбыли Евлашку Медвежье Ушко.

175. ПОП И РАБОТНИК

Поп любил дармовых работников и с ними договаривался так: если ты осердился, то ты идешь у меня без расчета. Вот там работник придет, работает неделю, две. Батюшка видит, что этот работник проработал у его, — он его и сердит и отправляет без расчета домой. Ну, вот поп и нарвался на такого работника, который знал, что он без расчета всех отправляет. Работник приходит:

— Батюшка, нельзя ль у вас поработать?

Батюшка ему и говорит:

— Можно. Только с таким договором, что если осердишься, то пойдешь без расчета.

Работник говорит:

— Я, батюшка, несердитый человек.

— Ну, вот это мне и хорошо.

— А если вы, батюшка, осердитесь, тогда что будет?

— Тогда с меня сто рублей.

— Ну, ладно, батюшка.

У батюшки была такая сука, что когда посылает работника на работу, тогда батюшка [ей] говорит:

— Заведи его и покажи ему работу.

Батюшка и говорит:

— Поезжай пахать.

Тот запрягает пару быков и выезжает. Сука впереди. Сука прибегла на поле, оббегла кругом, где поповское поле. Работник стал пахать. А дома не позавтракал. Поп сказал, что матушка тебе принесет обед.

Работнику захотелось жрать уже здорово. Он и думает: «Что ж матушка так долго не несет? А у нас же уговор был такой, чтоб мы не сердились друг на друга».

Работник берет нож, кусок мяса отрезает у ляжки быка, наклаал огонек, мясо поджарил (ну, как бы не поджарил, лишь бы на огне побыло). Поел и пашет. А у быка кровь идет. Вдруг падья идет. Несет ему графин воды и говорит ему:

— Ванюшка, вот я воды принесла. Водички напьешься, а потом принесу обед.

Он и говорит:

— Вот спасибо, матушка! Я давно пить хочу, да воды здесь нету.

— А что ж ты, Ванюшка, съел?

— Да, матушка, вон от быка ляжку отпорол да и поджарил и поел. Дак вот я и пить захотел.

— Так, Ванюшка, нехорошо!

— Так что вы, матушка, сердитесь?

— Нет, нет, батюшка, зачем сердиться? (Рассердился — сто рублей надо огдать).

Матушка пришла, батюшке рассказала. В скором времени и Ванька приезжает домой. И едет, подъезжает:

— Батюшка, куда мне быков поставить?

— Иди, покажи, сука, — батюшка посылает.

Сука прибегла в сарай, Ванька и давай суку дуть в сарае. Сука из сарая вырвалась, да в сени. Ванька идет за сукой в сени. Сука под печь побегла. Ванька берет ломок и начал печь ломать. Поп приходит:

— Ванька, что ты делаешь?

— Да как же, батюшка? Раз она под печь залезла, так сюда быков не заведешь, пока не сломаешь печь.

— Дак быков надо бы было в сарай.

— А чего ж она под печь полезла? Так вы что? Верно, батюшка, осердились?

— Нет, нет, за что сердиться?

Потом батюшка видит, что «этот работник изведет меня». Поп и приходит к ему:

— Ты, Ванька, загони быков на сарай!

Он загоняет быков на сарай, берет обух и убил быков. Приходит.

— Батюшка, я загнал на сарай быков и убил, а сниму кожу, куда кожу прикажете?

Батюшка прибегает на сарай: верно, быки убиты.

— Ах, Ванька, что ты сделал?

— Да что вы, батюшка, осердились?

— Да поневоле осердишься.

— А я, батюшка, не сержуся. Ну, так давай сто рублей!

Батюшка выкидает ему сто рублей.

— И месячное жалованье давай!

Он ему месячное жалованье дал. Работник деньги получил, приходит на сарай:

— Один, батюшка, бык тебе, а другой будет мне.

Батюшка и говорит:

— За что ж тебе второй бык?

— А я, батюшка, трудился, убивал, то за работу надо взять одного.

Берет быка и берет телегу, поклял на телегу и повез на себе. Батюшка тут и остался, а Иван не вернулся. Так у них и разошлось по-своему.

176. ПОПОВ РАБОТНИК

В некотором селе поп нанял себе батрака и послал его на сучонке пахать, и дал ему целую ковригу хлеба, и гуторя ему:

— На, батрак, будь сам сыт, и сучонка чтобы была сыта, да чтобы и коврига была цела.

Во батрак, взявши, поехал в поле, а приехавши, зачал пахать. Во пахал, пахал, уж время бы, кажись, и червячка заморить: животики ему так и подвело; да что станешь делать с поповым-то приказом? Но голод не тетка, уму-разуму научит. Во и вздумал думу батрак, кажись бы гожа! Ну, быть делу так. Взял верхнюю корку с хлебушка тихохонько снял, мякиш все повытаскивал, сам досыта наелся и сучонку накормил, а корки опять сложил по-прежнему, как было, да и попахивает себе до вечера как будто ни в чем не был, горя мало ему! Во уж начало смеркаться. Он и поехал домой. Приезжает, а поп его уж у ворот встречает и спрашивает его:

— Что, мол, батрак, сыт?

Он кажа:

— Сыт.

Поп опять спрашивает:

— А сучонка сыта?

Батрак кажа:

— Сыта.

Поп опять гуторя:

— А коврига цела?

Батрак кажа:

— Цела! На вот, батюшка, целехонька.

Вот как разглядел поп-от, да и рассмеялся, и гуторя:

— Хитрец ты окаянный! Как на тя погляжу, из тебя прок будет. Люблю за обычай и за твою догадливость! Ухитрился, молодец! Оставайся у меня, живи; мне такой и надобен.

И оставил его у себя, прибавил еще сверх договорной цены за то, что парень-то попался ему ухарский и разухабистый да больно догадливый. Тут-то батраку пошло житье, что твоя ма-слена, и умирать не надо.

177. МЕНА ЛОШАДЬМИ

У попа жил работник, звали его Титом. Пятнадцать лет работал у попа Тит. Однажды говорит он попу:

— Батюшка, давай расчет, хочу своим хозяйством обзаводиться.

— Рано тебе обзаводиться-то, поднакопил бы ума-разума, тогда бы и обзаводился хозяйством, — сказал поп.

— Мне, батюшка, уже тридцать лет. И я боюсь, что на твоей работе из меня весь толк выйдет. Давай расчет, и баста!

Делать нечего, стал поп рассчитывать работника:

— Тит, пятнадцать лет хлеб мой ел?

— Ел.

— Мои сапоги, шапки, одежду донашивал?

— Донашивал.

— В люди я тебя вывел?

— Вывел.

Подогнул поп три пальца на руке, задумался: чем же еще два пальца засчитать. Больше засчитывать нечем. Тогда поднял поп глаза к потолку и говорит:

— Тит, приходится тебе еще и деньгами: целых пятнадцать рублей! На, получи!

— Мало, батюшка, — говорит Тит.

— Видит бог, Тит, не мало. Я и так не считаю, сколько ги новых лаптей износил. Не могу дать ни гроша больше. Сгоряча я и так переплатил тебе.

Нечего было делать. Взял Тит деньги и ушел.

Купил Тит за пятнадцать рублей трехлетка — вороного жеребчика и стал собираться на ярмарку.

Приходит поп к Титу и говорит:

— Тит, не поедешь ли ты на ярмарку?

— Собираюсь, батюшка.

— Тогда едем вместе, веселее будет.

— Что ж, едем вместе.

И поехали — Тит на вороном жеребчике, а поп на сивой кобыле. До города было далеко. Решили они заночевать в поле. Травы сколько хочешь для лошадей, да и за ночлег заплатить. Отпрягли лошадей и пустили их пастись.

Вдали показался обоз. Поп посмотрел из-под руки: нет ли знакомых. Когда обоз поровнялся с попом, Тит встал сзади попа и махнул обозникам. Они тоже махнули. Поп и говорит:

— Никак меня зовут. Надо узнать зачем, — и побежал к обозникам.

— Чем могу служить, братья? — спрашивает он обозников. Засмеялся один обозник и говорит:

— Батюшка, у меня лошадь устала, останавливается, я не знаю, что с ней делать. Уж не подрезать ли ей хвост? Говорят, если подрежешь хвост, лошадь дышит свободней и ходит легче.

Обиделся поп:

— А ты не скажешь, свет, сколько у вас в селе дураков?

— Если ты, батюшка, приедешь к нам, то первый будешь, — ответил обозник.

Поднял поп рясу и побежал обратно к своей телеге. «Вот дураки, — думает он, — сами звали, да сами же и насмех подняли».

— Это меня они звали, а не тебя, батюшка, — говорит Тит попу. — Я и пойду.

Догнал Тит обозников и попросил закурить.

Поговорил с обозниками и вернулся к своей телеге.

— Что, Тит, али и тебя обидели? — спросил поп.

— Нет, батюшка, не обидели, да вот говорят: много конокрадов в здешней местности. Боюсь я, как бы не украли наших лошадей.

Испугался поп. Когда пришла ночь, он и говорит Титу:

— Тит, давай поочередно лошадей караулить.

— Не буду, батюшка, — моя лошадь черная, ее воры не увидят, а твою сивуху, наверное, сведут.

Посмотрел поп — и правда: жеребчика не видно, а сивая кобыла, как бельмо на глазу, белеет — пожалуй, и украдут.

Поскреб поп в затылке, да и говорит:

— Тит, давай лошадьми меняться? Моя кобыла сильная, хорошая. Твой жеребчик, надо сказать, еще жеребенок. Работать на нем нельзя. А без лошади тебе не прожить.

Подумал, подумал Тит и отвечает:

— Ухо-на-ухо меняться не буду. Дашь в придачу двадцать пять рублей, тогда и по рукам.

— Многонько просишь, Титушка, да ладно, уважу тебя.

Отсчитал поп двадцать пять рублей:

— На, Тит, получи!

Отдал деньги и засмеялся:

— Ну, Тит, теперь карауль свою сивуху, а я спать лягу. Ловко провел я тебя?

— Как бы не так, — сказал Тит, — спать-то буду я. Погляжу на сивуху и опять спать. Мне и ходить нечего, ее отсюда видно. Твоего же жеребчика уведут, ты и не заметишь.

Посмотрел поп — сивуха бродит, а жеребчика не видно.

Забеспокоился поп:

— Ах, Тит, Тит! Обманул-то, кажется, ты меня, а не я тебя. — Стал придумывать поп, как разменяться лошадьми.

— Тит, а Тит?

— Что, батюшка?

— Давай, разменяемся лошадьми?

— Не хочется, батюшка, жалко сивуху.

— Эх, Тит! Ты еще неопытен. Кобыла старая, ленивая. Пропадешь ты с ней. То ли дело жеребчик, через год сильная лошадь будет.

— Что ж, батюшка, если ты меня жалеешь, то я, пожалуй, и согласен, только за размен приплати двадцать пять рублей.

— Ладно, Титушка, возьми деньги.

Пересчитал Тит деньги и лег спать. Завалился спать и поп.

Проснувшись утром, глядь: вороной жеребчик пасется, а сивухи и след простыл. Хлопнул руками о рясу поп и сел на телегу.

— Тит, отвези меня домой — раздумал я на ярмарку ехать.

— Не могу, батюшка, мой жеребчик все равно что жеребенок, двоих нас не увезет. На ярмарку я тоже не поеду. Поеду в село избушку покупать.

Запряг Тит жеребчика и поехал. Взял поп свою тележку за оглобли — и за ним. И так они поехали в село. Еле-еле дотащил поп тележку.

Купил себе Тит избушку, женился да стал жить-поживать. А поп на сивых лошадях после этого смотреть не мог.

178. Я, НИКОГО, КАРАУЛ

Жил-был поп только двое с попадьей, а скота было много, управляться некому. Пошел поп казаков нанимать, встречу мужик:

— Куда пошел?

— А куда глаза глядят.

— А ко мне нейдешь?

— Отчего, можно.

— А сколько жалованья в год?

— Пятьдесят рублей.

— А как зовут тебя?

— Меня зовут Я.

Дал ему задатку десять рублей, работник отправился домой, сам пошел дальше. Мужик обежал кругом, опять и валит настречу.

— Куда пошел?

— А куда глаза глядят.

— А ко мне нейдешь?

— Отчего, можно. А сколько жалованья в год?

— Пятьдесят рублей.

Дал тридцать рублей задатку.

— А как тебя зовут?

— А Никого.

— Ну иди, карауль дома моего.

Опять мужик обежал и идет настречу. Поп думает: «Что это все мне мужики-то рыжи попадают?».

— Здравствуй, батюшка.

— Куда пошел?

— А куда глаза глядят.

— Ко мне нейдешь?

— Отчего, можно. А сколько жалованья?

— Пятьдесят рублей.

Дал задаток.

— Как тебя зовут?

— Караул.

Казака отправил домой, сам пошел вперед. Мужик шел с деньгами и ушел совсем. Мало, поп домой вернулся, подошел и кричит:

— Ей! Я, Никого, Караул, встречайте.

Матушка вышла, встречает:

— Что ты, батюшка, ведь никого нету.

— Где же казаки мои?

— Нет, не бывали.

Поп разгорячился, побежал настигать. Бежал, бежал, услышал, мужик дрова в лесе рубит. Поп кричит:

— Ей! Бог на помочь.

— Спасибо.

— Что делаешь?

— Дрова рублю.

— А кто тут?

— А я.

А поп обрадовался:

— А, это ты и есть. А еще кто есть?

— А никого!

— Никого. Вас двое тут.

Взял рябиновый батог и побежал за мужиком. Мужик бежит и кричит: «Караул, караул!».

Поп настиг мужика и давай дубцом бить: «Вас и все трое тут!». Мужики ехали, их розняли, а то бы поп мужика до смерти забил.

179. БОЖЬЯ БЛАГОДАТЬ

У попа было много земли. Придет жниво, хлеб осыпается, а попу не управиться одному. А нанять на уборку — поп денег жалел. Раньше крестьяне убирали, но поп им ничего не платил.

Не пошел на этот раз никто к попу. Что делать: хлеб надо убирать, а за деньги не хочет поп нанимать.

Остановился в деревне служивый. Поп к нему.

— Братец-служивый, наймись хлеб убирать!

— А что дашь?

— Харчи, так и быть, мои, табачок твой, а деньги за богом.

— Ладно, — говорит служивый, — пойду за харчи.

Дал ему поп хлебину, сала кусок да пшеница на кулеш. Приходит солдат в поле, кулешу наварил, поел, спать улегся. Проснулся, а солнышко высоко, пшеница не кошена. Покосил малость и к попу.

— Ну как, братец, много скосил?

— Да почитай всю, батюшка, — отвечает солдат, — да на тебе, видно, благодать божья: я кошу, а пшеница следом встает, и впрямь мои деньги за богом.

— А колос-то тяжелый, зерно-то крупное?

— О, и не говори, батюшка, колос тяжелее того, что был, зерно крупнее прежнего.

Обрадовался поп. Вот, думает, благодать ко мне пришла. Объявил он всем о чуде и решил недельку переждать. Все ему хотелось собрать больше.

Ждал поп, что зерно еще крупнее станет, а хлеб осыпался. Поп с того слег, недельку похворал и умер.

180. ПЕРЕХИТРИЛ

Жил в нашем селе поп, да такой скупой, что среди зимы куска льда не выпросишь. Работников у него перебивало — не перечесть. Кормил их плохо, а работать заставлял много. Наконец, нанялся Вавила. Был он дотошный и любого попа мог перехитрить.

Раз задумал поп продать сено в городе. Перед тем, как ехать, Вавила зашел в чулан, взял две буханки хлеба, обер-

нул клевером и спрятал в воз: знал, что до города в день не добраться, а поп ни крошки в дорогу не возьмет.

Едут они, и Вавила есть захотел. Вынул буханку в клевере, отщипывает и ест. Поп заметил, спрашивает:

— Что ты там, Вавилушка, в рот-то кладешь?

— Да что же, батюшка, хлеба-то в дорогу не взяли, вот и жую клеверок.

— А вкусно?

— Очень даже.

А попа давно голод мучит: «Дай, — думает, — и я попробую». Набрал охапку, жует, а сам думает: «Вот работничка-то бог послал невзыскательного! Нет хлеба — и не просит».

Жует, давится, вида не показывает. А Вавила хлебушек уминает:

— Ладно, батя, еще не так проучу!

181. ПРО ХИТРОГО РАБОТНИКА

Был такой Иван. Иван ищет работу. Поглядел — поп идет:

— Куда, прохожий человек, идешь?

— Да надо бы работы найти, деньжонок заработать.

— Наймись ко мне работать.

— Отчего, можно!

Нанялся за сто рублей там к нему в работники. Послал его поп косить. Косит, косит, поп приходит, говорит:

— Как, казаня, что, плохо косит коса?

— Да что! Я пришел, спрашиваю: «Что коса ела?». Говорит: «Хлеб». А я говорю: «Бери по самый цвет», а она и машет по цветам.

Поп взял его домой, накормил селедкой с хлебом. Через недолго время приходит Иван на покос и говорит:

— Что, коса, ела?

— Селедку.

— Ну, коса, посередке!

Она и косит, а поп смотрит.

Поп взял работника опять домой, накормил все белым пирогом. Работник работает и спрашивает косу:

— Что коса ела?

— Пирожки!

— Ну, коса, по самые корешки!

Поп пришел:

— Ну, что, как дела?

— Да вот, по самые корешки!

Поп научился, чем кормить работника: пирогами да вином. Вот каков хитер работник.

182. ПОП И БАТРАК

Жил поп жадный, работника своего кормил только хлебом и водой. Однажды оба они сгребали на лугу сено. Пришло время обедать. Попадья принесла попу бутылку молока, а работнику — воды.

Пообедали и пошли снова сгребать. Поп гребет в копну, а работник — в речку.

— Что ты делаешь, разбойник? Куда гребешь? — завопил поп.

— Вы, батюшка, гребете своей коровке, а я — своей, чтобы и мне молоко давала, — ответил батрак.

183. ЛЕТОМ ДРОВА, ЗИМОЙ ТРАВА

У одного попа жил работник. Однажды во время сенокоса поп подозвал его и говорит:

— Вот, свет, трава, коси ее для своей буренки, как уговорились!

Посмотрел работник на бурьян и взвыл:

— Батюшка, да ведь это дрова, а не трава!

Поп сказал:

— Летом дрова — зимой будет трава.

«Ладно», — подумал работник.

Скосил он свою делянку и поповский луг, высушил сено и перетаскал к своей избушке, а попу привез из лесу дров.

Увидал поп, что вместо сена работник дров привез, и давай ругаться.

— Зря ругаешься, — говорит работник, — летом дрова, а зимой трава!

Попу и сказать нечего.

184. НА СЕНОКОСЕ

Однажды поп с работником косили траву, а по соседству на лугу было много крестьян. Попадья принесла блинов попу. Сел он есть и говорит работнику:

— Присядь, свет, пусть православные думают, что и ты завтракаешь.

Присел работник. Потом начали косить. Работник сломал косу и машет одним черенком. Увидел поп, покраснел от злости и закричал:

— Что машешь впустую?

— А пусть, батюшка, народ думает, что и я кошу с тобой, — ответил работник.

С тех пор стал поп лучше кормить работника.

VII. МОНАСТЫРЬ. МОНАСТЫРСКИЕ ПРАВА

185. БЕЗЗАБОТНЫЙ МОНАСТЫРЬ

Однажды Петр Великий, проезжая далеко за городом мимо одного монастыря, видит надпись на воротах: «Беззаботный монастырь».

Петр Великий минутку постоял, подумал и сказал кучеру:
— А ну-ка, заезжай в монастырь.

Игумен увидел, что едет царь, моментом оделся и выбежал во двор встретить. Подбегает к карете, низко кланяясь, и сказал Петру:

— Милости просим, царь-батюшка, зачем пожаловали?

А царь и говорит:

— Меня заинтересовала ваша вывеска, как же понять, что «Беззаботный монастырь»?

Игумен и говорит:

— Да так, царь-батюшка.

Петр Великий и говорит:

— Так значит, у вас нет ни работы, ни заботы?

А игумен и говорит:

— А какая работа и забота? Утром встанем — чайку попьем, пойдем в церковь, помолимся немного. Оттуда придем, позавтракаем. Потом опять идем ненадолго молиться, и вот так живем. (Значит, целый день пьют, едят и так далее — все в порядке).

Тогда Петр Великий сказал:

— Вот тебе будет работа и забота. Я останусь на ночь, а ты к утру реши три задачи.

Игумен и говорит:

— Какие же задачи?

— А вот какие: первая — сосчитай, сколько звезд на небе, да верней, вторая — сколько я стою, оцени, третья задача — о чем я думаю?

Игумен вышел от царя. Идя по двору, сильно ругался:

— Черт его принес! Ну как мне тут решить эти задачи?

Навстречу игумену шел монах-мельник (он молот на руч-

ном жернове — работа нелегкая) и услышал, что игумен ругается, и спросил его:

— О чем, отче игумене, ругаешься?

Игумен и говорит:

— Черт вас подсобил поладить эту надпись, — и рассказал ему, что Петр Великий велел решить три задачи.

Мельник-монах услышал, какие задачи, сказал игумену:

— Не робей, отче игумене, если ты согласишься за меня муку помолоть, так я решу эти задачи.

Игумен, конечно, обрадовался и с полным удовольствием согласился на это: лучше муку молоть и головы ломать не надо (причем, нужно сказать, что этот монах был сильно похож на игумена).

Утром, переодевшись в игуменскую одежду, монах-мельник пришел к царю и говорит:

— Ну, царь-батюшка, я задачи решил.

Петр Великий и говорит:

— Ну, сколько звезд на небе?

Монах-мельник достает большой лист бумаги, решительно весь истыканный острым карандашом, а в середине нарисована большая звезда, и показывает этот лист бумаги и говорит царю:

— Вот, царь-батюшка, девятьсот девяносто девять миллионов и еще вот эта звезда.

А Петр Великий и говорит:

— А ты правильно сосчитал?

— А если не верите — пересчитайте сами.

Петр Великий улыбнулся и пересчитывать не стал (кто же согласится считать?).

— Ну, а сколько, — говорит, — я стою?

Тогда мельник этот и говорит:

— Ваше императорское величество, Иуда Искаротский царя небесного продал за тридцать серебрянников, ну, а вы, как царь земной, — на один подшевле: двадцать девять серебрянников.

Петр Великий засмеялся и сказал:

— А о чем я думаю?

Мельник и говорит:

— Вы, наверное, царь-батюшка, думаете, что перед вами стоит игумен?

Петр:

— А то кто же?

Мельник говорит:

— Нет, игумен вместо меня муку мелет, а я вместо него решил задачи.

Петр Великий засмеялся и сказал:

— Ну, молодец, коли ты мог сделать так, будь же с этия пор ты игуменом, а тот в наказание мельником.

186. МОНАХ И ПРИСЛУЖНИК

Жил однажды в монастыре монах, и был у него прислужник из крестьянских сынов. В одно прекрасное время монах и говорит прислужнику:

— Пойдем-ка в Киево-Печерский монастырь, оставим там грехи наши.

— Ладно, пойдем, — отвечает прислужник.

Сказали — пошли. Дело идет ладно: сухари кушают, воду пьют, о грехах говорят. Только вот монах на пути притомился и говорит прислужнику:

— Давай друг дружку нести поочереди: сначала ты меня, потом я тебя.

Что делать прислужнику? Согласился он. Только уговор у монаха такой:

— Сперва ты меня неси, покуда я песни пою. А как кончится песня — я тебя нести стану.

— Ладно, — соглашается прислужник.

А монах думает: «Тебе длинней моей песни не спеть».

Едет монах на прислужнике, тянет песню. Однако сколько ни пел, кончилась его песня. Пришлось ему с прислужника слезать.

Садится прислужник на монаха, да как затянет: «Тин-ти-ли» да «тин-ти-ли».

Так и тянет без конца.

Монах нес, нес, из сил выбился, насилу прислужника тащит. А прислужник знай свое тянет. Тащил монах прислужника и упал.

Только и смог сказать:

— Твой «тин-ти-ли» меня с ног свинтили.

Ну, ладно, идут они дальше, наступает ночь, монах и говорит:

— Надо отдохнуть, что-то я притомился.

— Ну что ж, — говорит прислужник.

А монах приказывает:

— Дай-ка, я сперва отдохну.

Делать нечего, прислужник соглашается. А монах опять говорит:

— Только уговор: я сплю, покуда луна зайдет, уж там твой черед настанет.

— Ладно.

Залег монах, луна ему в лицо светит. А прислужник не спит, монаха сторожит. Надоело прислужнику сидеть, взял он монаха и повернул ногами к луне. Будит его:

— Вставай, твоя ночь прошла.

Встал монах, видит — луна на другом конце. Делать нечего, надо ему сторожить теперь. Залег прислужник и проспал до утра. А монах увидел — прислужник опять его обманул. Да делать нечего.

После монах и говорит:

— У нас с тобой грехов много, на сухарях мы не дойдем. Давай чего пожирней найдем, курочку, что ли, поедим.

Согласился прислужник. Посылает монах прислужника за курицей в деревню. Приносит прислужник курицу, затеребил ее, зажарил, а монах и говорит:

— Нам с тобой курицы не хватит, давай жребий кидать. Кто лучше сон увидит, того и курица будет.

Соглашается прислужник. Полегли спать. Монах скоро захрапел, а прислужнику не спится: все думает, как лучше сон увидеть. Думал, думал, ничего не придумал, а есть хочется.

— Ну-ка, съем курицу, а там будь, что будет!

Съел курицу и залег спать. Чуть утро, просыпается монах и кричит прислужнику:

— Ты знаешь, какой я сон видел? Будто прилетели ангелы и унесли меня на небо!

А сам думает: «Ну, курица моя».

А прислужник отвечает:

— А я увидел, полетели вы на небо, подумал, не вернетесь уж больше — и съел курицу за ваше здоровье!

187. В ДЕРЕВНЕ МОНАХ, В МОНАСТЫРЕ БЫК

Жил мужичок, работал работу. Детей у него было людно, жил он бедно. Старается, работает изо всех сил. Пойдет он в лес за дровами, и кричит в стороне ему:

— Здорово, — говорит, — монах.

Он умом-то и думает: «В монахах не бывал, а кричит „монах“; каково, говорит, мне, идти в монахи, в монастырь?».

Детей он оставил, жену. Ушел в монастырь. Был сам неграмотный. Тут его хлебом кормят, заботы у него никакой не стало. Тут ему дали работу (тоже из лесу дрова возить). Он поехал в лес по дрова, и кричит ему в стороне:

— Здорово, — говорит, — бык.

Он умом и думает: «Чё в деревне жил не монахом, да меня в лесу называло монахом, а теперь ведь я, говорит, монах, а называет меня быком». В стороне ему отвечает:

— Ты в деревне жил вроде монаха: у ты много детей, и ты жил все в заботе, а ты теперь живешь в монастыре, у ты заботы никакой нету: того не думаешь, что как детей прокормить, напьешься, наешься досыта и ходишь как бык.

188. ЧУДО

Монахи — они ловкачи были. И вот однажды монах бабу в плетенке в монастырь понес. Несет, кряхтит. Думает: «Только бы донести».

Доходит до игумновой кельи. Глядь, у окна сам игумен сидит. «Авось донесу», — надеется монах.

Понатужился, несет.

А постромка в плетенке против самого игуменова окна и оборвалась! Баба и вылетит! А игумен во все глаза смотрит. Что тут делать монаху? Не растерялся он, хлопнул себя руками по бокам и говорит:

— Чудны дела твои, господи! Нес грибы, а очутилась дева!

Тем и оправдался.

189. ХИТРЕЕ БЕСА

Жил-был в одном монастыре старец Яков. Монахи пускали про него слухи, что он святой. Говорили даже, что он питается только сухими грибами и для самого себя гроб сделал, о смерти думает.

Вот раз и задумал бес его смутить: залез в укромный уголок и подсматривает. А старец с какой-то любовницей сидит пьяный и хвалится:

— Я кого хошь перехитрю. Это еще что, что я тебя в корзине под грибами приношу. А кто догадается, что я вино в иконе хороню, а в гробу сплю?

Выскочил бес, да поскорее к своим товарищам.

— Не перехитрить мне, братцы, Якова — он смышленей беса всякого.

190. КАЗАК ЧИГУША И МОНАХ

(Действие происходит на дороге, ведущей в монастырь. Входит монах с большим мешком за плечами. Осторожно опускает свою ношу на землю. С противоположной стороны появляется казак Чигуша).

Казак Чигуша. Эх, и большой мешок у тебя, святой отец! И, должно, тяжело тебе. Ишь, вспотел, бедняга: со лба

пот ключом бежит и ряса вся измокла. Чего ты понапихал сюда?

Монах. Да тут в мешке у меня провизия для нашей монастырской братии убогой...

Казак Чигуша. А что ж это за провизия такая?

Монах. А известно какая наша монастырская провизия — все больше овощь: тыква да свекла, редька да картошка, хрен да петрушка — вся огородная благодать, чего прихожане не пожалели нам дать. *(В мешке что-то шевелится)*.

Казак Чигуша. А чего-то там, святой отец, трепыхается? А ну, попытаем... *(Вытаскивает из кармана шило)*. Не закричит ли твоя овощь на разные голоса — по-свиному, по-овечьему, по-утиному, по-гусиному? Я вас, постников, божьих угодников, знаю. *(Ширяет шилом в мешок. Оттуда раздается женский крик)*.

Да тут не то, что по-овечьи, а по-человечьи кричат, а ну попробую еще... *(Из мешка с криком выскакивает ввлохмаченная вдова Фекла и, подобрав юбки, убегает)*. Э-э, святой отец, да у тебя в куле не тыква, не свекла, а целая вдова Фекла! Хорошая провизия для смиренной братии!

Монах. Ой, сын мой, грех тебе говорить так. Ведь это я, верно, по старости лет не разглядел и ненароком на огороде ее вместе с овощами прихватил. *(В мешке снова что-то шевелится)*.

Казак Чигуша. Да у тебя, святой отец, и еще живность есть. А ну, пощупаем, что там. *(Ширяет шилом в мешок. Оттуда выскакивает разгульная девка Матрешка. Подобрав юбки, она с криком убегает)*. Э-э, святой отец, да у тебя в куле не редька, не картошка, а целая разгульная девка Матрешка! Хорошая провизия для смиренной братии!

Монах. Ой, сын мой, грех тебе говорить так. Ведь это я, верно, по старости лет не разглядел и ненароком на огороде вместе с овощами прихватил. *(В мешке снова что-то шевелится)*.

Казак Чигуша. Да там и еще есть. *(Ширяет шилом в мешок. Оттуда выскакивает беспутная жалмерка Грушка. Подобрав юбки, она с криком убегает)*. Эге, святой отец, да у тебя в куле не хрен, не петрушка, а беспутная жалмерка Грушка. Хорошая провизия для смиренной братии.

Монах *(рассердившись, кричит)*. Что же ты, казак Чигуша-Чига, наделал, всю мою провизию разогнал? Чем же я теперь монастырскую братию буду потчевать? Ой-ой горе мне, — теперь в монастырь не заявляйся! *(Подобрав рясу, убегает. Казак Чигуша хохочет ему вслед)*.

Казак Чигуша. Ха-ха-ха, ну и чудеса! До чего же смиренные монахи в наших краях живут!

191. ВЕЛИКИЙ ГРЕХ ВОДКУ ПИТЬ

Действующие лица:

Настоятель монастыря. Важный, толстый старик, с большой бородой, одетый в длинный балахон с широкими рукавами, подпоясанный веревкой; на голове остроугольный колпак.

Первый монах. Также мужчина с длинной бородой, одетый как и настоятель.

Второй монах. Во всем похожий на первого.

Первая девка. Одета в деревенский костюм.

Вторая девка. Во всем похожая на первую.

Сцена устроена так. В передней части продолговатой комнаты у стены, неплотно к ней, стоят козлы. На них накинут полог таким образом, что он образует как бы заднюю стену сцены, а с боков загибается не внутрь сцены, а внутрь кулис, но немного не доходит до стены как справа, так и слева. В образующиеся благодаря этому отверстия с той и другой стороны выходят действующие лица.

Действие начинается тем, что с той и с другой стороны из-за кулис выходит по монаху. Оба идут, стараясь держаться по возможности чинно, ступая такт в такт друг другу, и держат в руках каждый по раскрытой книге огромной величины (намек на церковную книгу). Появляясь на сцене, смотрят сперва в книгу, а потом, подняв глаза, к потолку, произносят оба в раз:

— Великий грех водку пить.

Тихо, тихо ступая, монахи подвигаются к середине, время от времени поднимая глаза кверху и опять опуская их. Ступают все время в такт друг другу.

Не успели они дойти до середины, как с обеих сторон из-за кулис выбегают по девке. Они ставят каждому монаху по табурету и тотчас же убегают.

Монахи, не обращая внимания на девок, медленно садятся на табуреты, продолжая смотреть то в книгу, то на потолок.

Вновь выбегают те же девки, ненадолго останавливаются на границе сцены и кулис, потом подбегают к монахам, ставят возле каждого по бутылке водки и убегают прочь за кулисы.

Монахи продолжают смотреть то в книги, то в потолок, а потом осторожно посматривать на пол, где поставлены бутылки с водкой. Смотрят таким образом несколько раз. По-

том глядят друг на друга, но так, что, когда смотрит один, другой как бы не замечает этого (лицемерие!).

Потом точно по команде сразу берутся за бутылки и отпивают из горлышка, вновь ставят на пол и принимаются опять благочестиво смотреть то в книги, то на потолок.

Повторяется это еще один-два раза, после чего появляются те же девки, заскакивают монахам на колени и начинают трястись на них. Монахи стараются обнять и поцеловать девок.

Не успели они поцеловаться, как за кулисами слышатся шаги.

Медленно, опять с такой же книгой и глубокомысленным видом выходит настоятель. Шагнув два раза, важно и наставительно говорит:

— Великий грех водку пить...

В это время оба монаха с девками успевают скрыться за кулисы. Настоятель медленно, медленно, посматривая то в книгу, то на потолок, доходит до середины сцены. Вдруг он замечает стоящие на полу бутылки с водкой. Некоторое время находится в нерешительности, а потом опять начинает смотреть то в книгу, то на потолок.

Снова взгляд настоятеля падает на бутылки. И настоятель боязливо оглядывается по сторонам, а потом быстро, быстро нагибается, берет одну бутылку и отпивает из горлышка.

Не успел он поставить бутылку на пол, как выбегают из-за кулис оба монаха с девками и начинают крутиться возле настоятеля. Тот тоже не остается на одном месте, и поднимается общий бег и скажание.

192. ИГРА В ИГУМЕНЫ

Выбирают одного из играющих в игумены, сажают посреди горницы, а остальные, взявшись за руки, ходят, кругом и поют:

А идти было в обедни,

Лило да полило. (2)

А зайти было к игумну,

Лило да полило. (2)

Стук, стук у кельи,

Лило да полило. (2)

— Еще дома ли игумен?

Лило да полило. (2)

— А игумна дома нету,

Лило да полило. (2)

— А что у нас за черт за игумен,

Лило да полило. (2)

Как к нему не придешь,
 Лило да полило.
 Дома не застанешь,
 Лило да полило.

Потом опять сначала:

А идти было в вечерни,
 Лило да полило. (2)
 А зайти было к игумену,
 Лило да полило. (2)
 Стук, стук у кельи,
 Лило да полило. (2)
 — Еще дома ли игумен?
 Лило да полило. (2)
 — Игумен-то дома,
 Лило да полило. (2)
 — Уж ты, батюшка игумен,
 Лило да полило. (2)
 Постриги, сударь, пожалуй.
 Лило да полило. (2)
 — За пострижение полтину,
 Лило да полило. (2)
 За полтиною холстину,
 Лило да полило. (2)
 За холстиною теленка,
 Лило да полило. (2)
 За теленком постреленка,
 Лило да полило. (2)

После этого все садятся по местам и по очереди подходят к игумену, прося его постричь их в чернецы. Игумен с приличною важностию спрашивает причину такого желания, уговаривает оставить это намерение и, наконец, видя упорство просителя, постригает его.

Теперь опять все поют:

Как во городе да во Казани (2)
 Среди торгу да на базаре (2)
 Молодохонек чернечушка постригся, (2)
 Во чернецкое во платье снарядился. (2)
 Захотелось чернечищу погуляти (2)
 Что за те ли за святые за ворота. (2)
 За воротами беседушка сидела, (2)
 Во беседушке все старушки, — (2)
 Чернечище каблучище принахлучил. (2)

Потом поют опять сначала эту песню, в том же порядке, до слов:

За воротами беседушка сидела, (2)
 Во беседушке все молодушки, — (2)
 Чернечище каблучище приподымет. (2)

Потом опять то же самое, только вместо последнего слова поют:

За воротами беседушка сидела. (2)
 Во беседушке все красны девушки, — (2)
 Чернечище каблучище долой сбросил. (2)

После этого каждый опять подходит к игумену, прося его расстричь. Тот делает приличные наставления, упреки, а чернец в оправдание свое приводит, конечно, всевозможные доводы; причем с обеих сторон сыплется обильный поток остроумия.

Есть еще похожая игра, когда один из играющих, взяв в руку лучинку, покрытую платком, расхаживает по горнице, между тем как все поют:

Ах не спасибо игумну тому,
 Да не спасибо бессовестному,
 Да молодехоньку в чернечки постриг,
 Зеленехоньку посхимливает.
 Да не мое дело богу молиться,
 Да не мое дело в обедни ходить,
 Да монахинючку на стол положу,
 Да подожечек под лавку брошу.
 Не мое дело богу молиться,
 Да не мое дело в обедни ходить,
 Да только мое дело скакать да плясать,
 Да только мое дело по игрищам ходить.

193. «А ПОЙТИ БЫЛО К ОБЕДНЕ»

А пойти было к обедне,
 Лелё да полелё²
 А зайти было к игумну.
 Еще стук, стук у кельи:
 — Дома ль батюшка игумен?
 — А игумна дома нету.
 — Что за батюшка игумен?
 Как не придешь, дома нету!

² Припев после каждой строки.

При этой песне один молодец среди круга сидит на стуле — он разыгрывает роль игумена, а другой молодец как бы ищет пострижения, он подходит к стулу — келье игумена и на вопрос: «Дома ль?» — получает отрицательный ответ, опять начинает ходить по кругу и запекает:

А пойти было к вечерне,
 А зайти было к игумну.
 Еще стук, стук у кельи:
 — Дома ль батюшка игумен?
 — А игумен сидит дома.
 — Постриги, сударь игумен!
 — За постриженье полтину,
 За полтиною холстину,
 За холстиною корову,
 За коровою теленка,
 За теленком постреленка!

На этот раз молодец-игумен оказывается дома и на просьбу с разными посулами другого молодца говорит: «Ты еще молод, не снесешь монашеских обетов». Молодец, ищущий пострижения, отвечает: «И послушение, и целомудрие — все снесу». После этого игумен молодца постригает, т. е. в руки дает ему палку-посох, а на голову надевает шапку-клобук. Тут вновь постриженный вдруг начинает плясать и скакать, и, раскаявшись в том, что постригся, опять идет к игумену просить расстриженья. Песня «А пойти было к обедне» и другая половина ее «А пойти было к вечерне» поются во второй раз. Здесь молодой расстриженец, застав игумена дома, поет уже:

— Расстриги, сударь игумен!
 — За расстриженье полтину,
 Лелё да полелё, и т. д.

Молодец-игумен постриженца своего бьет и приговаривает: «Зачем пляшешь, зачем скачешь, зачем постригался, зачем хочешь расстригаться?». Молодой постриженец отвечает: «Бесы смутили, расстриги, пожалуйста, не могу быть монахом!». Молодец-игумен расстригает.

194. «ОХ, ХО, ХО, Я ПО КЕЛЕЙКЕ ХОЖУ»

Ох, хо, хо!
 Я по келейке хожу,
 Черничку бужу:
 — Черничка, встань!

Молодая, встань!
 — Не могу я встать,
 Головы поднять...
 Уже и встать было,
 Поплясать было —
 Для милых гостей,
 Поломать костей.
 — Ты, святой отец игумен,
 Постриги меня, пожалуй!

Опять сначала и на этот раз уже поют:

Расстриги меня, пожалуй!
 Мой батюшка расстригся,
 Так и мне захотелось.

В этом игрище участвуют и девушки, и парни. Играется так: избирается из среды играющих парень или девушка в игумены. Ей или ему дают в руки жгут, и все поочередно в игре подходят к игумену поодиночке, и когда хор поет: «Ты, святой отец игумен, постриги меня, пожалуй!», — то игумен наклоняется и дает просящей или просящему легкий удар жгутом по спине. Она, или он, отходит прочь, и поочередно начинают подходить и другие, с которыми проделывается то же самое, пока не перейдут мимо него все. Затем все, схватясь руками, поют снова «ох, хо, хо!» и так далее и вдруг, прерывая пенье, начинают спрашивать: «Приехал ли игумен?». — «Еще далеко!» — отвечает кто-нибудь из играющих. Тогда хор продолжает песню до конца и затем снова спрашивает. «Далеко ли игумен?» — «Близко!». Хор снова повторяет всю песню до конца, пока не услышит на свой вопрос ответ: «Приехал!». Тогда к игумену подходят все поочередно, наклоняются перед ним. Между тем хор поет:

Расстриги меня, пожалуй!
 Мой батюшка расстригся,
 Так и мне захотелось.

Игумен в ответ на это дает ему сильный удар жгутом. Тем игра и кончается.

195. «ЧЕРНИЧКИ МОИ, СЕСТРИЧКИ МОИ»

Один из играющих избирается игуменом и садится посреди горницы, а остальные, сцепляясь руками, составляют круг, ходят и поют:

Чернички мои,
Сестрички мои!
Попляшемте,
Поскачемте!
Мы без игумена своего,
Без канальи его.
Уж игумен-то
Меня молодую стрижет,
В черну рясу кладет.

По окончании этой песни останавливаются и спрашивают у стоящего за стулом или скамейкой участника игры, изображающего привратника: «Дома ли отец игумен?».

— Уехал в город!

Круг продолжает вертеться и несколько раз останавливается перед привратником с тем же вопросом, пока тот не ответит:

— Приехал.

— Что он делает?

— В баню пошел.

Далее следует ответ:

— Лег отдыхать.

Тут играющие поют уж очень тихо и, кончивши песню, опять возобновляют свой вопрос:

— Что делает игумен?

— Встал и зовет на расправу.

При этом все разбегаются, однако вскоре потом подходят к нему поодиночке. Игумен спрашивает:

— Ну, мать (или сестра), что делала?

— Молилась, постилась, душой смирилась.

— А где четки?

— Ахти, плясала да потеряла!

Игумен до тех пор бьет жгутом играющую, пока она не успеет встать и убежать.

196. «ОИ, ДЕВУШКИ, ВЫ ГОЛУБУШКИ»

Играющие становятся в круг, взявшись за руки, а один становится посередине круга. Хор поет, приплясывая:

Ой, девушки,
Вы голубушки!
Поскачемте, попляшемте!
— Не велел нам игумен
Ни скакать, ни плясать,
Велел богу молиться,
Свиньям корму давать.

Пропев песню, хор спрашивает стоящего в кругу: «Далеко ли наш игумен?» — тот называет какой-нибудь город. Круг опять поет и приплясывает, по окончании песни спрашивает опять: «Далеко ли наш игумен?» — стоящий в круге называет какой-нибудь город поближе. Затем опять поют и предлагают тот же вопрос, игумен оказывается еще ближе и, наконец, у ворот, а на новый вопрос хора отвечает, что игумен приехал; все кланяются, а игумен спрашивает: «Живы ли мои лошади?». Хор отвечает: «Наши живы, а ваши подохли». Таким образом он спрашивает обо всех домашних животных и получает тот же ответ. Наконец он спрашивает: «Живы ли мои свиньи?». Хор отвечает: «Наши живы, ваши подохли» — и вмиг разбегается, а рассерженный игумен хватает кого-нибудь и ставит в круг. Затем игра продолжается тем же порядком.

197. «ОЙ, СТАРЕЦ ЛИХ, ЛИХОМАНЕЦ ЛИХ»

Ой, старец лих, лихоманец лих!
 Не велит мне белиться, румяниться,
 Велит в келейке сидеть, богу молиться!
 Мне ли, молодешеньке, не хочется;
 Что хотелось молодешеньке
 Попить, погулять да попраздновать.
 А я все-таки до старца наскачусь, напляшусь,
 Наиграюсь, набелюся, нарумянюсь!
 Ой, старец лих, лихоманец лих...

198. «КАК ПОД ГРУШИЦЕЮ»

Как под грушицею,
 Тут и келейка стоит,
 В келейке старец лежит,
 Перед ним девица стоит,
 Тиху речь говорит.
 — Уж ты, старче, встань,
 Спасеничка, встань,
 Чу! К обедни-то звонят,
 Чу! Часы-то говорят,
 Люди сходятся,
 Богу молятся.

При этой песне среди круга, будто в келье, лежит молодец — старый монах, перед ним стоит девица и вместе с другими поет «Уж ты, старче, встань...». Молодец — старый монах на слова девицы поет:

— Право, право, не могу,
Права рученька болит,
Перекститься не дает.

После этого песня запеваётся во второй раз и изменяется таким образом:

· · · · ·
— Уж ты, старче, встань!
Спасеничка, встань!
Чу! Гудки-то у ворот,
С балалаечками.

Молодец — старый монах на слова девицы отвечает:

— Да-ка встать, поплясать,
И для добрых-ти людей.

Тут девица молодца — старого монаха за то, что он в церковь богу молиться не шел, а про гудки, как только услышал, вздумал плясать, бьет жгутом.

199. «ВОКРУГ Я КЕЛЕЙКИ ХОЖУ»

Кто-нибудь из парней садится на стул среди избы, девушки же составляют кружок, ходят вокруг сидящего и поют:

Вокруг я келейки хожу,
Вокруг я новенькия,
Вкруг сосновенькия,
Уж я старца бужу,
Я спасенную душу:
— Уж ты, старец, встань,
Ты спасенная душа,
К заутрени звонят,
К обеду зовут!
— Уж ты прочь, пономарь,
Пустозвон, не мешай!
Не могу я встать,
Головы поднять;
Голова моя болит,
Ретиво сердце щемит.
Уж и встать было мне,
Поплясать было мне.
Для милый гостей
Растрясти костей.

При этом парень подымается со стула и пляшет. Песня продолжается:

Моя милая идет,
Графин водочки несет, (2)
Распростится да уйдет.

Парень целует одну из девушек; она садится вместо него на стул, и песня начинается снова. Девушка сменяется опять парнем, и так далее, пока все играющие не пересидят в келейке.

200. СТАРИЦА

В кружок садится одна из девушек, перед ней становится мужчина, оба накрытые черным. Девушки ходят вокруг их и поют самым печальным голосом:

Люли, как под яблонью,
Люли, под кудрявою,
Люли, туто келейка стоит,
Люли, в келье старица сидит,
Люли, перед ней чернец стоит,
Люли, таки речи говорит:
«Люли, ах ты душа, встань,
Люли, спасенная встань,
Люли, чу! К обедне звонят,
Люли, чу! Часы говорят!».

На этот призыв отвечает старица со слезами:

Люли, уж я, право, не могу,
Люли, я, ей-богу, не могу:
Люли, права рученька болит,
Люли, лева ножка отнялась.

Потом начинают петь самым веселым голосом ту же песню со следующим окончанием:

Люли, что во гусли-то играют,
Люли, во свирели говорят.

Девушка встает, бросает с головы черный покров и пляшет, а девушки поют:

Люли, уж как встать было мне,
Люли, поплясать было мне:
Люли, права ручка не болит,
Люли, лева ножка зажила,
Люли, я здорова молода!

201. «КАК ПОД ГРУШИЦЕЮ ПОД КУДРЯВОЮ.»

Как под грушицею, под кудрявою,
 Как под яблонею под зелененькою.
 Тут и келейка стоит,
 В келье старица лежит.
 Перед ней слуга стоит,
 Таки речи говорит:
 — Уж ты, старица, встань,
 Спасеная душа, встань!
 Чу, к обеденке звонят,
 Чу, часы говорят!
 — Уж я встать не мсгу:
 Права ноженька болит,
 Переступить не могу;
 Права рученька болит,
 Перекреститься не могу!

Как под грушицею под кудрявою,
 Как под яблонею под зелененькою,
 Тут и келейка стоит,
 В келье старица лежит.
 Перед ней слуга стоит,
 Таки речи говорит:
 — Уж ты, старица, встань,
 Спасенная душа, встань!
 Скоморохи вон идут,
 Всяки игры несут!
 — Уж и встать-то бы мне,
 Поплясать-то бы мне,
 Стары ноги поразмять!

202. «Я ПО КЕЛЕЙКЕ ХОЖУ.»

Я по келейке хожу,
 Я черничку бужу:
 — Ты, черничка, встань,
 Спасеничка, встань!
 Ведь к обедне звонят
 И часы говорят,
 Люди сходятся,
 Богу молятся!
 — Не могу я встать,
 Головы поднять;
 У меня спина болит,

Наклониться не дает.
 Я по келейке хожу,
 Я черничку бужу:
 — Ты, черничка, встань,
 Спасеничка, встань!
 Музыки пришли
 И скрипицы принесли! —
 — Ах, встати было,
 Поплясати было,
 Поломать костей,
 Взвеселить гостей!
 — Ты, черница, — грех!
 Спасеница, — грех!
 — Я голик возьму
 И грехи подмету:
 И под лавкой грехи,
 И на лавке грехи,
 По всей келье грехи!

203 «ОЙ ВЫ, МАТЕРИ-КЕЛЕЙНИЦЫ»

Ой вы, матери-келейницы,
 Сухопарые сидидомицы!
 К вам старик во двор,
 А и где вы?
 — В часовне часы читаем.
 Ой вы, матери-келейницы,
 Сухопарые сидидомицы!
 К вам молодчик во двор,
 А и где вы?
 — По кельям лежим.

204. «НЕ СПАСИБО МОНАХУ ТОМУ»

Не спасибо монаху тому,
 Не спасибо братцу моему:
 Меня, молодую, в монашки берут,
 Меня, молодую, к спасенью ведут.
 Не мое бы дело в монашках быть,
 Не мое бы дело в келью идти;
 Мое бы дело в горнице сидеть,
 Женихов смотреть.
 Брошу ль я пастушеньку свою,
 Камилавку на стул положу,
 А сама, млада, по келье пройдуся.

Подыму ли я пастушку свою,
И возьму я камилавку со стола,
Подарю я братцу своему.

Не спасибо монашке такой,
Не спасибо сестрице моей:
Меня, молодца, в монахи берут,
Меня, молодца, в келью ведут.
Не мое бы дело в монахах быть,
Не мое бы дело к спасенью идти;
Мое бы дело в лавочке сидеть,
Мое бы дело торгом торговать.
Брошу ль я пастушеньку свою,
Камилавку на стол положу,
А сам, молодец, по келье пройдусь.
Подыму ль я пастушеньку свою
И возьму камилавку со стола,
Подарю сестрице своей.

205. «НЕ СПАСИБО ИГУМЕНУ ТОМУ»

Не спасибо игумену тому,
Не спасибо всей братье его:
За что молодцу в черницы стригут,
Молодешеньку посхимливают?
Не мое дело в черницах сидеть,
Не мое дело к обедне ходить,
Не мое дело молебны служить;
Как мое дело в беседе сидеть,
Как мое дело пивцо-винцо пить.
Посошельце под лавку брошу,
Камилавку на стол положу;
А сама, млада, по келье пройду,
Молодешенька, погуливаю.
Подниму ль я посошельце свое,
Надену ль я камилавку свою,
Подарю ль я сестрице своей.

206. ВДОВА ОТКАЗЫВАЕТСЯ ИДТИ В МОНАСТЫРЬ

Шила-вышивала тонки белы рукава;
Вышила рукавчика, к батюшку пошла.
— Батюшка сударь, ты подумай-погадай:
Замуж ли идти, во вдовах ли мне сидеть?
— Дитятко, дитя, чадо мило, дочь моя,

Замуж не ходи и во вдовах не сиди,
 Пойди, дятя милое в девичий монастырь!
 — Батюшка сударь, я — черничка молода:
 Келью раскачу, монастырь весь разорю,
 Старых старушек вон повыгоняю,
 Молодых молодушек понапущаю,
 Посиденки соберу и веселье заведу!
 Сватов посылает ко вдовушке жених,
 Ко вдовушке жених — богатый дворянин.
 Хвастал он, нахвастывал богатством своим:
 — Есть у меня, вдовушка, пятьсот ведь душ крестьян
 — Думаю-подумаю: «За этого нейду!».
 Сватался-посватался ко вдовушке жених —
 Из Питера купец.
 Хвастал он житьем-бытьем, богатством своим:
 — Есть у меня, вдовушка, пятьсот кораблей.
 — Думаю-подумаю: «За этого нейду!».
 Сватался-посватался ко вдовушке жених —
 С дороги скоморох.
 Хвастал он, похвастывал богатством своим:
 — Есть у меня, вдовушка, волынка да гудок
 — Думаю-подумаю: «За этого пойду!
 Сыта ли, не сыта ли — всегда весела;
 Пьяна ли, не пьяна ли — всегда плясея!».

207. «У БАТЮШКИ У ВОРОТ»

У батюшки у ворот
 Да три садика стоят,
 Три зеленые цветут.
 В первом саде соловей,
 В другом саду кукушка,
 В третьем саде вдова,
 Вдовушка молода,
 Нет ни брата, ни сестры;
 Слезно плакала одна.
 Вот приходит ко вдове
 Сударь батюшка родной.
 — Уж ты, батюшка родной,
 Говори со мной одной.
 Ты придумай-пригадай,
 Как мне, молодой, быть:
 Либо замуж идтить,
 Али вдовушкой сидеть?
 — Уж ты, дочь моя, дочь,

Дочь возлюбленная,
 Возлебяная!
 Уж ты замуж не ходи,
 Вдовою не сиди!
 Возьми, дочь, ты костыль
 Да ступай в монастырь,
 Во черницы запишись!
 — Сударь батюшка родной,
 Я — черничка молода,
 Игреливая была.
 Уж я песенку заиграю —
 Вся келья зазвенит,
 В щелчки я защелкаю —
 На весь город слух подам,
 И боярам, и купцам,
 Всем добрым молодцам
 В ладонюшки привдарю.
 С кельи верх полетит;
 Я плясать-скакать пойду, —
 Всех черничек разгоню;
 К чернецу млада уйду,
 Чернеца полюблю
 Я молоденького, расхорошенького.

208. «БАТЮШКА С МАТУШКОЙ СПОР ЗАВЕЛИ»

Три года девица строй строилась,
 Два года красавица богу молилась,
 Батюшков грех умолила,
 Матушкин грех не могла умолить.
 Батюшка с матушкой спор завели,
 Батюшка говорит: «Дочку замуж отдавать»,
 Матушка говорит: «В стары старицы писать».
 Батюшке идти тридцать пять верст,
 А матушке — шестьдесят пять верст.
 Погляжу в окошечко — нету никого,
 Погляжу в другое — не видно никого,
 Погляжу в третье — родна матушка идет,
 Родна матушка идет да стару старицу ведет.
 — Садись, садись, дитятко, во дубовый стул.
 — погоди, родимая, дай на реченьку сходить
 Да мне бело личко посмыть.
 — Смоешь, смоешь, дитятко, горячим слезам,
 Садись, садись, дитятко, на дубовый стул.
 — погоди, родимая, дай к подруженьке сходить

Да на подружек поглядеть.

-- Наглядишься, дитятко, наглядишься, милое, во стуле
седучи,

Садись, садись, дитятко, на дубовый стул.

— Погоди, родимая, дай во горенку сходить,

Да мне в окошко поглядеть.

Погляжу в окошечко — нету никого,

Погляжу в другое — не видно никого,

Погляжу в третье — родной батюшка идет

Да молода князя ведет.

— Князь молодой, отправляйся взад домой.

Где были пяты, там и носки.

— Чья же келейка во саду стоит,

Не мое ли дитятко в келейке сидит?

209. ЧЕРНЕЦ

Во время этой игры девушки становятся по одну сторону, а мужчины — по другую, и подходят одни к другим попеременно.

Как во городе было во Казани,

Сдунинай, най, най, во Казани!

Среди торгу да на базаре,

Туту новый монастырь заводился,

Молодой чернец постригся.

Что три годы чернец богу молился,

На четвертый год взвеселился:

Захотелось чернецу погуляти

Что по улочке да по широкой,

По лазоревым цветочкам — василечкам.

Встречу, встречу чернецу да три толпицы,

Три толпицы, три толпицы — все старухи;

Те старухи чернецу да поклонились;

Чернечище клобучище нахлобучил.

Потом начинают ту же песню, но вместо старух поминают
молодиц:

Три толпицы, три толпицы — молодницы;

Чернечище клобучище мало приснял.

Наконец — три девицы:

Чернечище клобучище о пол бросил:

— Мне-ка полно, чернецу, богу молиться!

Не пора ли добру молодцу жениться,

Мне-ка на душечке на красной девице
 Свет на (имя).
 Ты сгори же да сгори же, моя келья,
 Изотлей ты, изотлей ты, черно платье,
 Разорись, разорись, монастырь наш,
 Разойдись, разойдись, схожа братья!

210. «КАК ВО ГОРОДЕ БЫЛО ВО КАЗАНИ»

Как во городе было во Казани,
 Молодой чернец постригся.
 Захотелось чернецу погуляти,
 Что за те ли за святые за ворота.
 За воротами беседушка сидела.
 Как во той ли во беседе стары бабы,
 Уж как тут чернец не взглянет,
 Чернечище клобучище принахлупил.

Как во городе было во Казани,
 Молодой чернец постригся.
 Захотелось чернецу погуляти,
 Что за те ли за святые за ворота.
 За воротами беседушка сидела.
 Как во той ли во беседе молодицы.
 Уж как тут чернец привзглянет,
 Чернечище клобучище приподнимет.

Как во городе было во Казани,
 Молодой чернец постригся.
 Захотелось чернецу погуляти,
 Что за те ли за святые за ворота.
 За воротами беседушка сидела.
 Как во той ли во беседе красны девки.
 Уж как тут чернец привзглянет,
 Чернечище клобучище долой сбросит:
 «Ты сгори, моя скучная келья,
 Пропади ты, мое черное платье!
 Уж как полно мне, добру молодцу, спасаться
 Не пора ль мне, добру молодцу, жениться
 Что на душечке на красной на девице?».

211. «УЖ И ШЕЛ ЧЕРНЕЦ ПО ПРОУЛКУ»

Уж я шел и чернец по проулку,
 По проулку, по проулку, по заулку.
 Как навстречу чернецу да три толпицы,

Три толпицы, три толпицы — стары бабы,
 Стары бабы, стары бабы старобразы.
 Чернечина колпачину понадвинул.
 Уж и шел и чернец по проулку,
 По проулку, по проулку, по заулку.
 Как навстречу чернецу да три толпицы,
 Три толпицы, три толпицы — молодежи.
 Чернечина колпачину посодвинул.
 Уж и шел и чернец по проулку,
 По проулку, по проулку, по заулку.
 Как навстречу чернецу да три толпицы,
 Три толпицы, три толпицы — молодежи.
 Чернечина колпачину посодвинул.
 Уж и шел и чернец по проулку,
 По проулку, по проулку, по заулку.
 Как навстречу чернецу да три толпицы,
 Три толпицы, три толпицы — красны девки.
 Чернечина колпачину долой сбросил.
 «Да не полно ль чернецу богу молиться,
 Не пора ли добру молодцу жениться?
 Мне дворовую взять — белоножка;
 Мне и горничну взять — белоручка;
 А поповскую дочь — богомольна;
 Деревенскую взять — работяца;
 А мне взять-то и взять красну девку!»

212. ЧУРИЛЬЯ-ИГУМЕНЬЯ

Да много было в Киеве божьих церквей,
 А больше того почестных монастырей;
 А и не было чуднее Благовещения Христова.
 А у всякой церкви по два попа,
 Кабы по два попа, по два дьякона
 И по малому певчому по дьячку;
 А у нашего Христова Благовещенья честного,
 А был у нас-де Иван-пономарь,
 А горазд-де, Иванушка, он к заутрени звонить.
 Как бы русая лиса голову клонила,
 Пошла-то Чурилья к заутрени:
 Будто галицы летят, за ней старицы идут,
 По правую руку идут сорок девиц
 Да по левую руку друга сорок,
 Позади ее девиц и сметы нет;
 Девицы становилися по крылосам,
 Честна Чурилья в алтарь пошла.

Запевали тут девицы четью петь,
 Запевали тут девицы стихи верхние;
 А поют они на крылосах, мешаются,
 Не по-старому поют, усмеваются;
 Проговорит Чурилья-игуменья:
 — А и Федор-дьяк, девей староста!
 А скоро походи ты по крылосам,
 Ты спроси, что поют девицы, мешаются,
 А мешаются девицы, усмеваются?
 А и Федор-дьяк стал их спрашивать:
 — А и, старицы-черницы, души красные девицы!
 А что вы поете, сами мешаетесь,
 Промежу собой, девицы, усмешаетесь?
 Ответ держат черницы, души красные девицы:
 — А и Федор-дьяк, девей староста!
 А сором сказать, грех утаить,
 А и то поем, девицы, мешаемся,
 Промежу собой, девицы, усмехаемся:
 У нас нету дьяка запевальщика,
 А и молодой Стафиды Давыдьевны,
 А Иванушки-пономаря zde же нет.
 А сказал он, девей староста,
 А сказал Чурилье-игуменья:
 — То девицы поют, мешаются,
 Промежу собой девицы усмежаются:
 Нет у них дьяка запевальщика,
 Стафиды Давыдьевны, пономаря Иванушки.
 И сказала Чурилья-игуменья:
 — А ты Федор-дьяк, девей староста!
 А скоро ты побегни по монастырю,
 Скоро обойди триста келей,
 Поищи ты Стафиды Давыдьевны.
 Али Стафиде ей мало можется?
 Али стоит она перед богом, молится?
 А Федор-дьяк заскакал, забежал,
 А скоро побежал по монастырю,
 А скоро обходил триста келей,
 Дошел до Стафидины келейки:
 Под окошечком огонек горит,
 Огонек горит, караул стоит.
 А Федор-дьяк караул скрал,
 Караул скрал, он в келью зашел,
 Он двери отворил и в келью зашел:
 — А и гой еси ты, Стафида Давыдьевна,
 А и царская ты богомольщица,

А и ты же княженецка племянница!
Не твое-то дело тонцы водить,
А твое-бо дело богу молитися,
К заутрени ийти.
Бросалася Стафида Давыдьевна,
Наливала стакан винца, водки добрыя,
И другой медку сладкого,
И пала ему, старосте, во резвы ноги:
— Выпей стакан зелена вина,
Другой меду сладкого
И скажи Чурилье-игуменье,
Что мало Стафиде можется,
Едва душа в теле полуднует.
А и тот-то Федор, девей староста,
Он скоро пошел ко заутрени
И сказал Чурилье-игуменье,
Что той-де старицы,
Стафиды Давыдьевне, мало можется
Едва ее душа полуднует,
А и та-то Чурилья-игуменья,
Отпевши заутрени,
Скоро поезжала по монастырю,
Испроехала триста келей
И доехала ко Стафидины кельицы,
И взяла с собою питья добрыя,
И стала ее лечить, поить.

213. СТАРЕЦ ИГРЕНИЩО

Из монастыря да из Боголюбова
Идет старец Игренищо,
Игренищо, Кологренищо.
А и ходит он по монастырю,
Просил честныя милостыни,
А чем бы старцу душа спасти,
Душа спасти, ее в рай спусти.
Пришел-то старец под окошечко
Человеку к тому богатому,
Просил честную он милостыню:
Просил редечки горькия,
Просил он капусты белыя,
А третьи — свеклы красныя.
А тот удалой господин добре сослал
Редечки горькия,

И той капусты он белыя,
А и той свеклы красныя
А с тою ли девушкой поваренною.
Сошла та девка со двора она —
И за те ворота за широкие.
Посмотрит старец Игренищо-Кологренищо
Во все четыре он во стороны,
Не увидел старец он, Игренищо
Во всех четырех он сторонешках
Никаких людей не шатаются, не мотаются.
А не рад-то старец Игренищо
А и тоя ли редечки горькия,
А и той капусты белыя,
А третьи — свеклы красныя,
А и рад-то девушке-чернавушке.
Ухватил он девушку-чернавушку,
Ухватил он, посадил в мешок
Со тою-то редькою горькою,
И со той капустой белою
И со той со свеклой со красною.
Пошел он, старец, по монастырю,
И увидели его ребята десятильниковы,
И бросалися ребята они ко старцу,
Хватали они шилья сапожные
А и тыкали у старца во шелковый мешок:
Горька редька рыхнула,
Белая капуста крикнула,
Из красной свеклы рассол пошел.
А и тута ребята десятильниковы,
Они тута со старцем заздорили.
А и молится старец Игренищо,
А Игренищо-Кологренищо:
— А и гой вы еси, ребята десятильниковы!
К чему старца меня обидите!
А меня вам обидеть — не корысть получить.
Будьте-тка вы ко мне в Боголюбов монастырь,
А и я молодцов вас пожалую:
А и первому дам я пухов колпак,
А и век-то носить, да не износить;
А другому дам камчат кафтан,
Он весь-то во тетивочку повыстеган;
А третьему дам сапожки зелен сафьян
Со темя подковами немецкими.
А и тут ему ребята свободу дают.
И ушел он, старец Игренищо,

А Игренищо-Кологренищо,
Во убогие он свои во келейки.
А поутру раненько, ранешенько
Не изребели ребята десятильниковы,
Промежду обедни-заутрени
Пришли они, ребята десятильниковы,
Ходят они по монастырю
А и спрашивают старца Игренища,
Игренища-Кологренища.
А увидел сам старец Игренищо,
Он тем-то ребятам поклоняется,
А слово сказал им ласковое:
— Вы-то, ребята, разумные,
Пойдем ко мне в келью, идите.
Всем рассказал им подробно всё.
— А четверть пройдет, другой приди.
А всем рассказал, по часам рассказал.
Монастырски часы были верные.
А который побыстрее их, ребят, наперед пошел
Ко тому старцу ко Игренищу.
Первому дал он пухов колпак:
А брал булаву в полтретья пуда,
Бил молодца по буйной голове:
— Вот молодцу пухов колпак,
Век носить, да не износить,
Поминать старца Игренища!
И по тем часам монастырским
А и четверть прошла, другой пришел.
А втапору старец Игренищо
Другому дает кафтан камчатной:
Взял он плетку шелковую,
Разболок его, детину, донага,
Полтораства ударов ему в спину вlepил.
А и тех-то часов монастырских
Верно та их четверть прошла,
И третий молодец в монастырь пошел
Ко тому старцу ко Игренищу.
Допрошался старца Игренища.
И завидел его старец Игренищо,
Игренищо-Кологренищо.
А скоро удобрил и в келью взял,
Берет он полено березовое,
Дает ему сапожки зелен сафьян:
А и ногу перешиб и другую подломил.
— А вот вы, ребята десятильниковы!

Всех я вас, ребят, пожаловал:
 Первому дал пухов колпак,
 А и тот ведь за кельей валяется;
 А другому наделил я камчат кафтан,
 А и тот не ушел из монастыря;
 А последнему — сапожки зелен сафьян,
 А и век ему носить, да не износить.

214. «ЧТО ВО КИЕВЕ ВО МОНАСТЫРЕ.»

Что ко Киеве во монастыре,
 Тут стоит келья малешенька.
 Что во той келье чернушечка,
 Что во той келье моя душечка.
 Что пришел в келью отче Демид,
 Что пришел в келью сын Макарьевич:
 — Тебе бог в помощь, чернушечка,
 Тебе бог в помощь, моя душечка!
 Ах, ты что делаешь, чернушечка,
 Ах, ты что делаешь, моя душечка?
 — Я муку сею, отче Демид,
 Я муку сею, сын Макарьевич!
 — Тебе на что мука, чернушечка,
 Тебе на что мука, моя душечка?
 — Мне квашенка творить, отче Демид,
 Мне квашенка творить, сын Макарьевич!
 — Тебе на что квашня, чернушечка,
 Тебе на что квашня, моя душечка?
 — Мне просвирки печи, отче Демид,
 Мне просвирки печи, сын Макарьевич!
 — Тебе на что просвиры, чернушечка,
 Тебе на что просвиры, моя душечка?
 — Мне обедня служить, отче Демид,
 Мне обедня служить, сын Макарьевич!

215. «КАК ПРОХОДИТ ДОРОГАЯ МИМО КЕЛЬИ.»

Монах:

Как проходит дорогая мимо кельи.
 Ты зайди, зайди, милая, ко мне в келью.
 Ты сними с меня, милая, черну ряску,
 Приложи ты свои руки к моей груди,
 Ты почувствуй, как мое сердце трепещет.

Л не старческое сердце ведь имею,
Я имею в себе сердце молодёцко.
Ты скажи, скажи в отраду одно слово,
Ты скажи мне: я люблю тебя нелестно.
Я повергну камилавку тебе в ноги.
И тогда, душа, из старцев расстригуся,
На тебе же, моя милая, женюся.

Монахиня:

Как проходит мой любезный мимо кельи.
Ты зайди, зайди во келейку погреться,
Принеси мне цветно платье одеться.
Я оставила бы мрачную пустыню
И притворную смиренства благостыню,
Я сняла бы с себя рубище простое,
Имя ангела в грехах нося пустое.

216. «КАК ЗАДУМАЛ ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ СПАСАТЬСЯ»

Как задумал добрый молодец спасаться,
Он построил себе келью в чистом поле,
В чистом поле, при долине.
Как по той ли по широкой по дорожке,
Мимо кельицы драгая проходила,
Потихонечку в окошечко стучала.
— Ты взойди, взойди, драгая, в мою келью,
Посети меня, монаха, бедна старца,
Бедна старца — черноризца;
Ты сними ль с моей шеи черную рясу.
Ах, монах-то в кельице горюет,
Он горюет, он горюет, слезно плачет:
— Если б ты меня, драгая, любила,
Ты почаще в кельицу ходила;
Ты взойди, взойди, драгая, в мою келью,
Ты сыми ли с буйной с головы камилавку,
Уж ты брось камилавку под лавку,
А сама ложись, драгая, на кроватку.
И я все священны книги пербалую,
А тебя, драгая, поцелую.

217. «ЗА СВЯТЫМИ ЗА ВОРОТАМИ ЧЕРНИЧКА ГУЛЯЛА»

За святыми за воротами черничка гуляла,
Ой люди, люли, люли, черничка гуляла,
Черничка гуляла, младая плясала,

Ой люли, люли, люли, молодая плясала.
 А сказали черничке, что поп Матвей едет,
 Ой люли, люли, люли, что поп Матвей едет;
 Она таки скачет, она таки пляшет,
 Ой люли, люли, люля, она таки пляшет.
 А сказали черничке, что игуменья едет,
 Ой люли, люли, люли, что игуменья едет.
 Черничка заметалась, молодая взбросалась,
 Ой люли, люли, люли, молодая взбросалась.
 — Ах куда ж мне деваться да куда ж скорониться,
 Ой люли, люли, люли, да куда ж скорониться,
 Али мне утопиться, али мне удавиться,
 Ой люли, люли, люли, али мне удавиться?
 — Не давися, черничка, не топись, молодая,
 Ой люли, люли, люли, не топись, молодая,
 Иди в свою келью, спасай свою душу,
 Ой люли, люли, люли, спасай свою душу.
 Черничка-голубка залилася слезами,
 Ой люли, люли, люли, залилася слезами.
 Камилавку под лавку, черну рясу на грядку,
 Ой люли, люли, люли, черну рясу на грядку.
 — Загорись, моя келья, святая обитель,
 Ой люли, люли, люли, святая обитель.
 Спаси, спаси, боже, святые ворота,
 Ой люли, люли, люли, святые ворота,
 За которыми гуляла, за которыми плясала,
 Ой люли, люли, люли, за которыми плясала,
 За которыми плясала, свой чин забывала,
 Ой люли, люли, люли, свой чин забывала,
 Свой чин забывала, прежнюю волю вспоминала,
 Ой люли, люли, люли, прежнюю волю вспоминала

218. «НЕ ЧЕРНИЧКА ПЛАСАЛА»

Не черничка плясала,
 Молодая скакала.
 Как сказали черничке,
 Что игумен едет
 С молодыми чернецами.
 — Да куда ж мне деться,
 Да куда скорониться?
 Да не то утопиться,
 Да не то удавиться!
 — Не топись, черница,
 Не топись, молодая,

Ты поди-ка в церковь,
Помолися ты богу,
Помолися ты богу,
Положи семь поклонов;
Ах скинь свою ряску,
Ах ряску на грядку,
Душегрейку на печку. (2)
Епанечку, под печку. (2)
— Закладай мне карету,
А я сяду, поеду
Да во чистое поле,
На широкое раздолье,
Да и где же тому статься,
Чтобы мне с милым покататься!
Накаталась черница,
Накаталась молодая,
С своим дружкой милым
Навек распростилась.

219. «ЖИЛ-БЫЛ СТАРЕЦ ОДИН НАЕДИНЕ»

Жил-был старец один наедине,
Построил старец келью себе,
Келью себе соломенную,
Пошел старец с корцем за водой,
Навстречу старцу девок хоровод.
Пошел старец скакати, плясать,
Оглянулся назад — келья горит!
Много добра погорело в той хоромине:
Ольховые лапти, дубовые сапоги,
Коробка с табаком березовая.

220. «ИЗ МОНАСТЫРЯ БОГОЛЮБОВА»

Из монастыря Боголюбова
Идут старицы станицами,
Впереди идет сам игумен,
Ничего он не гунит.
— Состряпаем-те, братья,
Келью под елью,
Проторим дорожку в деревню,
Чтоб молодые бабы ходили,
Печеные яйца носили,
Нас молодцев кормили.

221. «САМ ДУДУ»

Сам дуду, сам дуду!
 Сам игумен идет,
 Свою братью ведет.
 Через тын — монастырь,
 Блины мазаные.

222. «СТРЕЛЕЦКИМ РЕБЯТАМ ПОЛЮБИЛСЯ МОНАСТЫРЬ»

Стрелецким ребятам
 Полюбил[ся] монастырь,
 Двум парнишкам холостым.
 Женски платья надевали,
 В монастырь брели.
 Через тын в монастырь,
 К игуменье в гости.
 — Уж ты, матушка игуменья,
 Прими нас в монастырь!
 Игуменья не узнала,
 В монастырь приняла,
 Казначейше отдала.
 Хорошо она нас водила
 И сладко кормила.
 Вот монашенки дознались,
 Стали игуменье доносить:
 — Уж ты, матушка игуменья,
 Помутился монастырь
 От двух парнишков холостых!
 Монашенки
 Игуменья сводня,
 Архирей потатчик,
 Задонский монах
 Загулялся в уш,
 Люшиньки люли, люшиньки люли!

223. ЧЕРНЕЦ ИДЕТ К ДЕВУШКЕ

А кто, кто вдоль по улице прошел?
 — Я чернец, я молодец, я святогорец,
 Я богомолец, я из пещерского,
 Я с Москвы, с Вологды.
 А кто, кто вдоль по улице прошел?
 — Я чернец и т. д.
 А кто, кто за колечушко брячел?
 — Я чернец и т. д.

А кто, кто на чистой двор пришел?
 — Я чернец и т. д.
 А кто, кто на крылесушко взошел?
 — Я чернец и т. д.
 А кто, кто во новы сени взошел?
 — Я чернец и т. д.
 А кто, кто ко светелочке пришел?
 — Я чернец и т. д.
 А кто, кто ко кроватушке пришел?
 — Я чернец и т. д.
 А кто, кто одеялечко снимал?
 — Я чернец и т. д.
 А кто, кто красну девицу манил.
 — Я чернец и т. д.

224. «МОНАШКА МАЛЮТОЧКУ РОДИЛА»

Размолоденька монашка
 Малюточку родила;
 Спородивши малюточку,
 Ручки, ножки связала,
 Посвязавши ручки с ножкам,
 В Шексну-речку бросила.
 Она бросила во реченьку,
 Домой пошла.
 Попадали ей навстречу
 Два охотника да рыболовника,
 Поймали ту малюточку
 Шелковым неводочком,
 Понесли эту малюточку
 Ко игуменьше в дом.
 Игуменья молодая
 Всех монахинь собрала,
 Собразши всех монахинь,
 Становила во кружок
 И давала всем монашкам
 По алому цветку.
 Как у всех монахинь
 Во руках цветы цветут.
 У одной-то ли монахини
 Во руках цветок повял.
 — Не ходила ли, черноброва,
 По трактирам, кабакам,
 Не пила ли, черноглаза,
 Зелена вина стакан,

Не любила ли, черноброва,
Богатого купца?

225. «ВО ПИТЕРЕ СЛУЧИЛАСЯ БЕДА»

Во городе, во Питере
Случилась беда:
Молоденька монашенка
Сыночка родила
И в три часа после полуночи
Топить его несла.
Увидели монашенку
Рыбаки молоды,
Сковали же монашенку
В железны кандалы,
Отправили монашенку
К игуменьше на суд.
Игуменьша рассудила —
На всех венцы надела.
На всех венцы, как жар, горят,
На ей венец потуск.
Позады стоит родная мать,
Слезнешенько плачет.
— Не плачь, не плачь, родная мать,
Не от вас погибла я!...
Не надо бы монашенке
В зеленой сад ходить;
Не надо было монашенке
Хорошу водку пить;
Не надо бы молоденькой
Фицерику любить!

226. «ПЕТЕРБУРГСКИЙ МОНАХ»

Петербургский монах
Близко к девушкам подходит,
Низкий поклон отдает,
Своей Ганюшки родной
Особливой поклон:
— Ты скажи, скажи, Ганюшка.
Чьего роду рождена?
— Ох, я роду не простого,
Отца с матерью честного.
Ехали, проехали
Ни бояры — комиссары.

— Не видали ль моей Гани?

— А мы видать не видали,
Только голос услышали
На мельнице, в анбаре,
Против пыли, на муке,
У Федора на руке.

— Уж ты, Федор-друг,
Не ходи ко мне вдруг,
Через день, через два
Хоть полтину принеси.

— Целковый добуду,
Тебя не забуду,
Синеньку бумажку
Тебе на рубашку,
На такую на белую,
На миткалевую.

227. «ПРОТИВ СОЛНЦА НА ВОСТОКЕ»

Против солнца на востоке
Монастырь келья стоит.
Тут-то молодой старец монашинка
Он спасается,
Трижды в день он напивается.
Как к обедне зазвонят,
Пойдет монах в кабак
Свою рясу пропивать,
Клубочек закладывать.
Целовальник не принимает,
Старца в шею толкает:
— Поди вон, калагирь,
Казначей пить не велит!
У старца келья нова,
Не заперты ворота,
«Чем мне в келейку идти,
Лучше в рощицу зайти».
В рощице девушки гуляли,
Грибки, ягодки брали,
Сели девки вокруг
И запели песню вдруг:
«Нет того хуже
Молодому в старцах быть».
Молодой старец монашинка поскакивает,
Он с ножки на ножку попрыгивает,
Сапог о сапог поколачивает.

228. ЧЕРНЕЦ И ДЕВУШКИ

Против солнца на восходе
Монастырь келья стоит,
Во той во келейке монах спасается,
Он по трожди на день упивается.
Как к обедне зазвонят,
Так идет чернец в кабак,
Черну рясу пропивает
И каблук в заклад дает,
Целовальник не примаает,
С кабака в шею толкает:
— Поди прочь, калуер,
Не велит пить казначей.
Поди в келейку нова,
Пока не заперты ворота.
С кабака чернец идет,
Свою келейку клянет:
«Распроклятая такая,
Моя келья земляная,
Чем мне в келейку идти,
Лучше в рощицу зайти».
Девки в роще грибы брали,
Чернеца там не видали.
Доходили до конца,
Увидали чернеца.
— Стой, чернец, на траве,
В высоком каблуке.
Становились девки в круг,
И чернец играет тут.
Девки песенку запели,
Чернецу плясать велели.
Ох и стал же монашинка похаживати,
С ноги на ногу монашинка попрыгивати,
Про свое житье монашеско рассказывати:
— Ах не дай, боже, монаху
Молодому в старцах жить,
Не велят же нам, монахам,
Зеленова вина пить,
Еще не велят красных девушек любить.
А как девки чернецу насмеялись в глаза:
— Чернец черен уж собой,
Не нам парень молодой.

229. «ОЙ, ЧЕРНЕЦ СУКНО СНУЕТ»

Ой, чернец сукно снует,
Чернец чернует.
Как по этим по суконцам
Он с Павлом гуляет,
Павла забавляет.
Ой, его мать кликала,
А он не слышал.
Подыми ты, боже,
Высоко под небеса!
Ой, ударь ты, боже,
Об омет, об солому,
Об тын головою,
Об забор бороною,
В горшок в сметану,
В кислое молочище!

230. МОНАХ С ВЕПРЕВОЙ ПУСТЫНИ

Вечор девки пивоварничали.
Пришел к девушкам незванный гость,
Монах с пустыни Вепревой.
Стали девки перешептываться,
С глазу на глаз перемигиваться,
Чем гостя потчевать.
Коя в щеку, коя за косу,
Через стол тащат, волоса трещат.
Через скамью дали тасканину,
А по полу дали топанину.
А по сеничкам веничком метут,
А по двору кубарем, кубарем,
Под воротнею борзым кобелем,
А по улице честным иноком.

231. «НА УЛИЦЕ ДИВО»

На улице диво, на широкой было,
На широкой было — варил чернец пиво.
Я пиво сливала, меня разнимало.
Бросалась хмелинка во ручки, во ножки,
Во ручки, во ножки, во буйну головку,
Во буйну головку, в ретиво сердечко.
Не даст мне встряхнуться, не даст взворохнуть.
Я пойду встряхнуться, встану взворохнуть.
Пойду, взворохнуся, с милым распрощуся.

232. «ЗА РЕЧЕНЬКОЙ ДИВО»

За реченькой диво,
Варил чернец пиво.
Чернечик ты мой,
Горюн молодой!
Чернецово пиво
Разымчиво было.
Чернечик ты мой,
Горюн молодой!
Разымчиво было.
В головку вступило.
Чернечик ты мой,
Горюн молодой!
В головку вступило,
Всеё разломило.
Чернечик ты мой,
Горюн молодой!
Господа-дворяне,
Раздайтесь подале.
Чернечик ты мой,
Горюн молодой!
Раздайтесь подале,
Авось я тряхнуся.
Чернечик ты мой,
Горюн молодой!
Авось я тряхнуся,
Авось развернуся.
Чернечик ты мой,
Горюн молодой!

233. «ЧЕРНЕЦКОЕ ПИВО»

Чернецкое пиво
Размывчиво было.
Чернечик, чернечик, чернечик
Ты мой, горюн молодой.
Вступила хмелина
В буйну голову.
Чернечик ты мой, горюн молодой.
Березки я резал,
Метелки вязал.
Березки я резал, метелки вязал,
метелки вязал.
Метелки вязал,

Я возок наклал.
 Я возок, возок наклал.
 Я возок наклал,
 Буренку впрягал.
 Буренку впрягал.
 В Москву отправлял,
 «По метлы», — кричал.
 «По метлы», — кричал.
 Случилось ехать
 Немецкой слободой.
 Чернечик ты мой, горюн молодой.
 Увидел он девчонку —
 Сидит под окном.
 Сидит под окном.
 Сидит под окном,
 Играет цветком.
 Играет цветком.
 Легонько подкрался,
 Тихонько сказал...
 Тихонько сказал.
 Тихонько сказал:
 Я тебя люблю.
 Люблю, люблю.

234. «НА СЕЕНСКИХ ГОРАХ»

На Сеёнских горах,
 Там спасался монах.
 Ах жаль, ах жаль,
 Я жалею, что — монах...
 Против неба, на восток,
 Монастырь стоял высок.
 Ах жаль, ах жаль,
 Я жалею, что — монах...
 Меня мати родила
 И в монахи обрела,
 Ах жаль, ах жаль,
 Я жалею, что — монах...
 Надевали коблук новый,
 Сам я — белый, чернобровый.
 Ах жаль, ах жаль,
 Я жалею, что — монах...
 Надевали синь кафтан,
 Золоты часы в карман.
 Ах жаль, ах жаль,

Я жалею, что — монах...
 Мне, монаху, двадцать лет:
 Я расцвел, как маков цвет!
 Ах жаль, ах жаль,
 Я жалею, что — монах...
 Псалтыри я разбираю —
 Сам я милу вспоминаю.
 Ах жаль, ах жаль,
 Я жалею, что — монах...
 Я с кадиллом выхожу —
 Сам на миленьких гляжу.
 Ах жаль, ах жаль,
 Я жалею, что — монах...
 Я на крылосе стою,
 Громким голосом пою.
 Ах жаль, ах жаль,
 Я жалею, что — монах...
 Оглянулся я назад,
 Там две барышни стоят:
 Ах жаль, ах жаль,
 Я жалею, что — монах...
 Трахмальные юбочки,
 Аленькие губочки...
 Ах жаль, ах жаль,
 Я жалею, что — монах...
 Если б не был я монах,
 Полюбил бы двух зараз!..
 Ах жаль, ах жаль,
 Я жалею, что — монах.

235. «КАК У ТРОИЦЫ БЫЛО У СЕРГИЯ»

Как у Троицы было у Сергия,
 Там монахов было множество,
 Все они горькие пьяницы,
 Тянут водочку из скляницы.
 А игумен-то у них строгий был
 И не велел им пить вина зеленого.
 А мы, братья, порассердимся,
 Не пойдем ни к обедне, ни к заутрене,
 А ёгумент наш умилоствится,
 Выкатит нам бочку вина зеленого.
 А мы, братья, понатянемся
 И за бочку спать завалимся.
 Запоём мы, братья, ярославский стих:

«Пойду ль, выйду ль я на речку,
 Посмотрю на быструю,
 Не увижу ль я своего милого,
 Сердечного, прежнего, (2)
 Своего любезного.
 Мне сказали про дружка любезного,
 Что он, друг, не жив, милой, не здоров, (2)
 Совсем без вести пропал.
 А как наутро мой да милой
 Вдоль по реченьке гулял,
 Вдоль по широкой,
 Да на мое окно взирал,
 Шибко, громко просвистал. (2)
 На моем большом окошке
 Лежала предметочка — } (2)
 С винограду веточка. }
 Виноград зеленый зрелый,
 Кудреватый парень белый.
 Кудреватый парень бел
 Без ума девчонку сделал,
 Без ума, без разума,
 Без девичьей красоты».

236. «КАК У ТРОИЦЫ У СЕРГИЯ»

Как у Троицы у Сергия,
 У игумена у мошенника
 Взбунтовались монахи все:
 — Не пойдем мы ни к обедне, ни к заутрене,
 Выкатай нам бочку зелена вина,
 Выпьем мы по чарочке,
 Запоем мы казанский стих:
 «Выйду ли я на реченьку,
 Посмотрю на быструю,
 Не увижу ли я милого
 Сердечного моего...».

237. «У ИГУМЕНА ПРЕСТРАШНОГО»

У игумена престрашного
 Все монахи взбунтовались.
 — Не хотим мы пить вина красного,
 А станем пить вино белое.
 Мы не будем есть телятины,
 Подавайте-ка козлятины.

Вышли все на паперти,
Затянули ярославский стих:
«Выйду ль я на реченьку,
Посмотрю ли я на быстрюю...».

238. «КАК У СПАСА НА НОВОМ»

(Старческий стих)

Как у Спаса на Новом
Архимандрит был новой,
Строители — разорители,
Эконом — пустодом.
Они рано нас будили,
Понемного нам пити давали.
Рассердимся мы, братия,
Не пойдём мы к обедни-заутрени,
Ни к тому ли честному молебну!
Будет нас игумен просить,
Будет кланяться,
Выкатят нам, братия,
Бочки дубовые,
Подадут нам, братия,
Ковши железные!
Размахнем, почерпнем,
По компаньи обнесем,
Кому два, кому три,
Мне четыре ковша.
Кабаки возрадуются,
А пьяницы возвеселятся.

239. «НА ГОРЕ-ТО МОНАСТЫРЬ СТОЯЛ»

На горе-то монастырь стоял,
А монахов-то было многое множество.
Они все были горькие пьяницы,
Пили водочку из скляницы.
А игумен-то у них старший был,
Не велел им вина помногу пить.
— Вот мы давайте, братья, порассердимся,
Не пойдём мы ни к обедне, ни к заутрене.
И прикатил он им бочку зелена вина.
— Вот мы тут и поднатянемся
И за бочку спать уладимся.

240. «БРАТИЕ, БРАТИЕ, РАССЕРДИМСЯ»

Братие, братие, рассердимся
 Мы на отца нашего игумена,
 Не пойдем мы ни к вечерне, ни к утрене,
 Ни к великому повечерию,
 А скажем, чтоб открыл он нам погреба,
 И вынесем бочки толстобокие,
 А мы, любая братья бедная,
 Возьмем черпала медные, глубокие,
 Выпьем по одной да помолимся.

241. «ДОСТОЙНАЯ ТЫ, ПЕРЦОВКА»

Достойная ты, перцовка, многотимая ты, сивуха,
 Мы тебя ублажаем, каждый день по бутылочке выпиваем.
 Прошла еси ты огни и воды и медные трубы.
 Попала ты монахам в зубы, натерпелася великия муки.

242. «ШЕЛ СОЛДАТИК ИЗ ПОХОДУ»

Шел солдатик из походу,
 Он не в пургу в непогоду,
 Чуть он не замерз. (2)
 Он не знает, куда деться,
 От морозичку согреться —
 Зашел во тычок. (2)
 Заходил он во тычок,
 Во новенькой кабачок.
 В кабачке сидят: (2)
 Сидит дьякон да дьячок,
 Третий Васька Космачев.
 Стал выпрашивать: (2)
 — Уж вы, дети мои, дети,
 Вы откуда идете,
 Скажитесь нам? (2)
 — Мы из Томскова села,
 Из того монастыря,
 Где монах стригут. (2)
 Монах слова испужался,
 Во свою келью убирался,
 Ризу надевал. (2)
 Монах ризу надевал,
 Большу книгу в руки брал,
 Крестом ограждал. (2)
 Бросил книгу, взял очки,

Заиграл монах в щелчки,
Сам пошел плясать. (2)
Наплясавшись до доволи,
Дожидался тихой воли,
Вышел на крыльцо. (2)
Выходил он на крылечко,
Стукнул, брякнул во колечко —
Конь к нему бежит. (2)
На коня монах садился,
Под монахом конь бодрился —
В зелены луга.

243. МОНАХ В КАБАКЕ

Шел монах-то из походу,
Занесло его погодой,
Чуть он не замерз.
Так он не знает, куда деться,
Зашел с любушкой погреться
В правой-от бочок.
Там сидел поп, сидел дьячок,
Еще Ванюшка-дурачок,
Чарку наливал.
— Так ты отколь, монах, идешь,
Отколь монашину ведешь,
Скажывай, монах?
Монастырски испугались,
Все по кельям разбежались,
Очки надевал.
Эх, надевал монах очки,
Порвал книги на клочки,
Вышел на крыльцо.
Так монах вышел на крыльцо,
Да стукнул, брякнул во кольцо,
Конь бежит к нему.
На коня монах садился,
За монашиной гонился
В зеленых лужках.

244. ЧАСТУШКИ

На Далматовской горе
Там монах спасался,
Бросил книги и кресты,
За бабою погнался.

Как на печке монах
Размонашился,
Ко монашине подсел,
Распоясался.

Уж я стряпкою была,
Богомолицею,
Заморозила монаха
Под оконницею.

Трахи, трахи, эпитрахи,
Здесь спят девицы, монахи,
На осиновых дровах,
Три полена в головах.

У меня милашка
Была полумонашка:
На беседушку ходила,
Богомольничала,
С ребятами вольничала.

Ой, хорошая, хорошая,
Хорошая моя.
Собралась моя хорошая,
К обеденке пошла.
Шубу нову промолила,
Шаль монахам отдала.

Гармонюшка, тальяночка,
Зеленые мехи,
Выйду замуж за монаха,
Он замолит все грехи.

245. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Монастырь доuku любит (т. е. просьбы и приношения).

Мир нечестив, а им сыт монастырь благочестив.

Монастырщина, что барщина.

Держится цепко мужик за сошенку, а монах за мужичонка.

Мир сыт матушкой сошкой, а монастырь батюшкой Христом.

Не земля монастырь кормит, а мужичок.

Не от бога лавре благодать, а от богомольцев (о Киево-Печерской лавре).

Тысячу лет лавре дают, она все просит, все просит (о Киево-Печерской лавре).

Афон-монастырь новый, да порядки в нем старые.

Только в монастыре людей потчуют баснями.

Для мира монастырь рай сулит, себе же монастырь рай на земле творит.

Зачем монахам рай, им и на земле не хуже (о Троице-Сергиевой лавре).

В Сергиевской лавре и вошь в парче ходит.

Велика денежка трудовая (богомольцы о колокольне Троице-Сергиевой лавры).

В лавре, что на ярманке, все за деньги найдешь (о Троице-Сергиевой лавре).

В монастыре, что в лавке, все за деньги.

Великий пост колокольню строит, а суббота Дмитриева главы золотит (о доходах Троице-Сергиевой лавры).

Великий пост и отцу митрополиту новую рясу шьет.

Кто о чем, а монах о богомольцах.

Куда, бабушка, спешишь? — В монастырь. — Чего? — Монаху курочку несусь.

Старухи в монастырь несут, а молодницы из монастыря тащут (подарки от монахов).

Монаху и попу одной меры портной карманы шьет.

За деньги и ленивый монах молебен пропоет.

Хороша лаврская молитва, да дорога.

Монах без денег о всех святых вторит, а с деньгами и о бже не вспомнит.

Не устала кобыла, что до Киева ходила (муж о глупой жене, что ходила на богомолье).

•

В монастырских чинах неграмотному и не разобратсья.

Тот же пан, только в рясе (игумен).

Игуменская воля, что царев указ.

В мире Демид безумен, в монастыре отец игумен.

Отец игумен в миру солдат подзатыльниками дарил, в монастыре братию за бороду таскать начал.

Отец игумен миру отец, братии мачеха.

Нагрязнул в дом, что игумен в келью.

Идучи в монастырь, говори об игумене одно доброе.

Отцу игумену и без правды божьей живетсья, что в раю.

У монахов всегда правдник, а у игумена великий день (пасха).

Только поясок ведает, что отец игумен обедает.

Иноки чечевицу хлебали, а благодарят игумена, как с гусем кашу.

Постриженный — что отпетый.

Нашел чернец клобук — не скачет, а потерял — не плачет.

В монастырь попал — черным по белому пиши пропал.

Думы инока за горами, а четки (неволя) в руках.

У монаха наибольший обидчик мать родная (зачем на свет родила).

Бедному в мире голодно, зато привольно, в монастыре сытно, да что в саване (воли нет).

Не радовалась братия, когда сирота в монастырь пришел, не опечалилась, когда к богу ушел (умер).

Запоют и иноку: «Исайя, ликуй» (что поют при венчании), только мертвому.

Дожила голова до черного клобука (как до последнего убежища).

Келья гроб — и дверью хлоп.

Схватился монах, ая смерть в головах.

Вчера с кистенем, сегодня с четками.

Сатана чихнул — монах родился.

И черт под старость в монахи пошел.

Монах перед богом умен и перед миром хитер.

Посох легче цепа.

Монах не баба, а в солдаты не берут.

Богатый монах — слуга христов, бедный монах — поденщик монастырский.

Бедному в монастыре, что у попа в сенях (много унижений).

Кому (в монастыре) хорошо жить, тому легко и бога хвалить.

Бедному монаху сто лет поклоны бить и в раю не быть.

В келье отца Атонома, что у лаврского эконома (всякой всячины полно).

У каждого клобука свой денщик (послушник).

Кто в послушниках не жывал, тот и горя не знал.

Послушнику в монастыре, что у скупого собаке в конуре.

Отец Макар трапезует, а послушник Назар запахом сыт.

Послушнику не к святой чаше, а к миске с кашей.

Послушник, что солдат, всегда говорит, что виноват.

За свое святое учение зубами оплачиваться надо (о послушниках).

Архиерей злость свою сгоняет на игумена, игумен на братию, братия на послушников, послушники на воробьев.

У послушника только и друга, что блоха за рясой.

Мир не без плута, монах не без шута.

И монастырь не без шута (юродивого).

От беды не в чернецы.

Ищи дьявола не в болоте, а в монастыре.

Монаху бес — брат родной, дьявол — двоюродной.

Радостен бес, что отпущен инок в лес.

Черт монаху не попутчик (его монах проведет).

Монаху мирская сказка лучше монастырского пирога с кашей.

Не всяк, кто рясу одевает, о спасении помышляет.

Кот Евстафий, ты постригся? — Постригся. — И посхимился? —

И посхимился. — Пройти мимо тебя можно? — Можно.

Мышка побежала, а кот ее цап. — Оскоромисься, кот Евстафий! — Кому скромно, а нам на здоровье.

Монах и Христу правды не скажет.

У чина ангельского в сердце мысли окаянные.

Не будь такой, как монах святой.

В монастыре и мухи дьяволово навождение (спать монахам не дают).

Грехолюбивая душа иноческая.

Кот посхимился, лиса постриглась.

Ну, поросся, обратись в рыбу карася (сказал монах).

Квасок для инока дороже причастья.

Свят, да неискусен: табакерка из рукава выпятилась.

Монах мастер и стоя спать.

Скромностью и молчанием не достичь посох начальничий (игумена).

Не всем чернецам (вар.: не всякому страцу) в игуменах быть.

*

Монах с Христом собирает, а с дьяволом пропивает.

Не до истинного иноку венца, а ему русского винца.

Монах не кот, молока не пьет, а от винца не прочь.

Отец игумен братии о страшном суде, а братия игумену о кабаке.

За что игумен, за то и братия.

Благослови братий на чарочке, она и по ковшу захочет.

Игумены за чарки, сестры за ковши.

К вечерне звонят! — А где же братия? — Пиво пьет.

От монастырского пивца идут от столбца до столбца (пьяны шатаются).

Охочи старицы до скляницы.

Инок в церковь идет — о милой думает, инок в трапезную ковыляет — о рюмочке помышляет.

Спасается: по три раза в день напивается.

Отец Кирьян и о великую пятницу пьян.

Пили иноки вино, пили, свои поклоны отбили и снова запили.

Четки на руке, а девки на уме.

Это игумен вокруг гумен. Такой игумен, что ходит по гумнам.

Парень девку высватывает, монах монашенку выглядывает.

Наш отец Тит и в великий пост блудит.

Аминь, аминь — а головой в овин (т. е. на распутство).

Хорошо иноку с богородицей, а с милой еще лучше.

С милой и в келейке рай.

Убогая у инока келейка, да пышны хоромы инок для милой воздвиг.

Во время оно ночевала девица у отца Иона и обокраша его.

Отец Яков в молитве не одинаков, за ину берет полтину, а иной (богомолке) сам рубль дает.

Напал, что монах на бабу.

И монах — казак, в темну ночь погулять не прочь.

Отец Иона не ловит вороны, а девку поджидает.

Монах и бога, и черта, и монастырь весь обманет, а к милой нагрянет.

Монах о монашке: «Чадо мое днем во храме, сестра моя вечером в трапезной, милая моя ночью в лесу».

Пойду в монастырь, где много холостых.

Тогда мне (монашке) воскресенье, когда в келье чаек с вареньем.

Зачем монаху слава? Ему бы и в пост сало.

По нашем отце Савве и обители всей слава (о распутстве).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

а) Литература

- Акимова** — Фольклор Саратовской области. Книга первая. Составила Т. М. Акимова. Саратов, 1946.
- Андреев** — Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
- Афанасьев** — А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки в трех томах. Гослитиздат, М., 1957.
- Берков** — Русская народная драма XVII—XX веков. Редакция, вступительная статья и комментарии П. Н. Беркова. М., 1953.
- Бирюков** — Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор. Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1953.
- Волог.** — Сказки и песни Вологодской области. Составители С. И. Миц и Н. И. Савушкина. Вологда, 1955.
- Господарев** — Сказки Ф. П. Господарева. Запись текста, вступительная статья и примечания Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941.
- Даль, Пословицы** — В. И. Даль. Пословицы русского народа. Гослитиздат, М., 1957.
- Зеленин, Вятск.** — Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губернии. Пгр., 1915.
- Иваницкий** — Н. А. Иваницкий. Материалы по этнографии Вологодской губернии. М., 1850.
- Киреевский** — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Вып. II, ч. I, М., 1917; вып. II, ч. II, М., 1929.
- Князев** — Василий Князев. Русь. Сборник избранных пословиц, присловков, поговорок и прибауток. Л., 1924.
- Комовская** — Предания и сказки Горьковской области. Запись и редакция текстов, вступительная статья и примечания Н. Д. Комовской. Горький, 1951.
- Красноженова (1937)** — М. В. Красноженова. Сказки Красноярского края. Л., 1937.
- Красноженова (1940)** — М. В. Красноженова. Сказки нашего края. Красноярск, 1940.
- Магай** — Сказки Магая (Е. И. Сороковикова). Записи Л. Элиасова и М. Авадовского. Л., 1940.
- Онежск.** — Песни и сказки на Онежском заводе. Петрозаводск, 1937.
- Ончуков** — Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908.
- Пропл** — В. Я. Пропл. Указатель сюжетов (в сб.: А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. III. М., 1957, стр. 458—502).
- Рождественская** — Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Запись текстов, вступительная статья и комментарии Н. И. Рождественской. Архангельск, 1941.

- Садовников** — Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. СПб., 1884.
- Ск. Карелии** — Русские сказки в Карелии. Подготовка текстов, статья и комментарий М. К. Авадовского. Петрозаводск, 1947.
- Соболевский** — А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, тт. I—VII. СПб., 1895—1902.
- Соколовы** — Сказки и песни Белозерского края. Записали Б. и Ю. Соколовы. Пгр., 1915.
- Тв. Башкирии** — Русское народное творчество в Башкирии. Составители С. И. Минц, Н. С. Полищук и Э. В. Померанцева. Уфа, 1957.
- Фольк. Дона** — Фольклор Дона и Кубани, сб. 1-й. Ростов-на-Дону. 1938.
- Шахнович** — М. Шахнович. Пословицы и поговорки о полах и религии. М., 1933.
- Шейн** — П. В. Шейн. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. I, вып. 1—2. СПб., 1898—1900.
- Яросл.** — Песни и сказки Ярославской области. Под общей редакцией Э. В. Померанцевой. Ярославль, 1958.

б) Рукописные источники

- Архив АН** — Архив Академии наук СССР (Ленинград).
- Архив ВГО** — Архив Всесоюзного географического общества.
- Аф. Рукоп.** сб. — А. Н. Афанасьев. Народные сказки не для печати. 1857—1862 (РО ИРЛИ, р. 1, оп. 1, № 112).
- РО БАН** — Рукописный отдел Библиотеки Академии наук СССР (Ленинград).
- РО ГБЛ** — Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (Москва).
- РО ГПБ** — Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
- РО ИРЛИ** — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград).
- РО МИРА** — Рукописный отдел Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР (Ленинград).

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Священное писание, бог и святые. Представление о рае и аде

1. «Священско писание». Зап. С. А. Щеглов в 1890-х гг., Саратовская губ. — *РО БАН*, 45.8.233, лл. 1—2 об.

2. Как солдат обучал «закону божьему». Зап. от Г. А. Григорьева, 40 л., д. Чернавка, Бондаревского района, Тамбовской обл. — *Тамбовский фольклор*. Тамбов, 1941, стр. 195—196 («Солдат вывернулся»).

Андреев, 1613 («Карты — ной календарь и молитвенник»).

3. Вестовой у генерала на вестях, или солдатское «Отче наш». Зап. В. Н. Плешков около 1905 г., Свердловск. — В. П. Бирюков. *Дореволюционный фольклор на Урале*. Свердловск, 1936, стр. 252—255.

По другому варианту сказка оканчивается тем, что генерал в шею солдата выгнал (примеч. В. П. Бирюкова).

4. Как дьякон мир сотворил. Зап. А. Пожарков, с. Максатиха, Калининской обл. — *Газета «Безбожник»*, 1939, № 17, 11 июня.

Андреев, 1785. В («Поп проклинает дьячка во время проповеди»).

5. Поп завирало. Зап. М. В. Красноженова в 1926 г. от П. Ковригиной, 30 л., д. Тесь, Минусинского района, Красноярского края. — *Красноженова* (1940), стр. 192.

6. Как прихожанин попа перехитрил. Зап. от колхозника Г. И. Смирнова. — *Газета «Псковский колхозник»*, 1940, № 113, 18 мая.

7. Дележ по священному писанию. Зап. Д. Н. Горбачев, с. Плоское, Тютчевской вол., Козловского у., Тамбовской губ. — *РО ИРЛИ*, кол. 15, п. 1, № 8 («Налим»).

8. Сторицею. Зап. М. В. Красноженова в 1938 г. от М. Я. Веретнова, 44 л., с. Батой, Красноярского края. — *Красноженова* (1940), стр. 190.

Андреев, 1735 («Кто отдает последнее, получает десятицею»).

9. «Что сказал Давид?». — *Газета «Безбожник»*, 1940, № 17, 11 июня («Поп и мясник»).

Андреев, 1833 («Что говорят Давид?»).

10. Слишком добрый поп. — Ю. М. Соколов. *Поп и мужик*. Изд. «Academia», М., 1931, стр. 202.

11. Чужого прихода. — *Газета «Безбожник»*, 1941, № 2, 12 января.

12. Богомольцы. — Газета «Безбожник», 1941, № 22, 1 июня.
 13. Как мужик согрешил. — Газета «Безбожник», 1941, № 11, 16 марта («Грех»).

14. «Лезет со святителями». — Газета «Безбожник», 1941, № 17, 27 апреля («Волки»).

15. Что мне, а что богу. Зап. Л. В. Домановский 1 декабря 1940 г. от П. С. Татарнинова, 56 л., урож. д. Медвежье, Каргопольского у., Архангельской губ. — *РО ИРЛИ*, кол. 99, п. 3, № 3.

Андреев, 1829 * («Церковная служба»).

16. «Не благословен бог наш». Зап. Е. Стерина. — Газета «Безбожник», 1939, № 12, 21 апреля («Рассвятили»).

17. Спор. — Газета «Безбожник», 1940, № 20, 11 июля.

18. Что сегодня бог делает. Записано от крестьянина Иванашорника, Бизюковская вол., Дорогобужского у., Смоленской губ. — А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок, II. Пгр., 1917, № 207, стр. 572—573 («Архиерей»).

19. Спор черта с богом. Зап. А. Пожарков, Максатихинский район, Калининской обл. — Газета «Безбожник», 1940, № 33, 13 октября.

20. Суд святых. Зап. (не дословно) С. Лосев 9 марта 1905 г., Сеяная Губа, Олонецкой губ.; опубликована в составе его очерков «По пути» («Олонецкие губернские ведомости», 1905, № 51); перепеч.: *Ск. Карелии*, № 36, стр. 169—170. Здесь же даны пояснения: Зимний Никола — 6 декабря (здесь и далее — старого стиля), весенний Никола, или Никола вешний, — 9 мая (по народному преданию с этого дня устанавливается теплая погода); Алексей — 17 марта; Василий Капельник — 28 февраля (с этого дня начинает обычно капать с крыш); «Плющуха» навывается в народе день 1 марта — святой Евдокии (Авдотьи Плющухи), связывается с наступлением теплой погоды, когда снег начинает подтаивать, оседать и как бы сплющиваться.

21. От чего бог помер. Записано от старика М. П. Пронина, г. Кустанай, Казахской ССР; из архива редакций «Две пятилетки» и «Творчество народов СССР». — Журнал «Безбожник», 1936, № 9, стр. 2.

22. Пуганик. Зап. А. Барщевский, Курмышский район, Горьковской обл. — Газета «Безбожник», 1940, № 5, 11 февраля.

Ср.: Н. С. Лесков. Маленькая ошибка. Собр. соч., т. VII, М., 1958, стр. 252—259.

23. Про Илью. Зап. Н. Иванов в 1930-х годах от старика-колхозника А. Разборова, колхоз «Искра», Гавриловского района, Тамбовской обл. — Газета «Безбожник», 1939, № 21, 21 июля («Мужицкая делегация»).

24. Как пьяница в рай попал. — Газета «Безбожник», 1940, № 26, 25 августа.

25. Солдат на том свете. Зап. Л. Д. Калякина в 1948 г. от бывшего рабочего П. И. Сюткина, 52 л., г. Благовещенск, Башкирской АССР. — *Тв. Башкирии*, № 26, стр. 111—116.

Андреев, 330 В («Черт в ранице и т. п.»), 804 * («Соломон в аду»).

26. Кузнец и черт. Зап. Алексеев в 1936 г. в Березовске от рабочих Г. И. Берестяева, 61 г., и П. Кожурина, 52 л., слышавших этот сказ на Невьянском заводе еще в дореволюционное время. — Е. М. Блянова. Тайные сказы рабочих Урала. М., 1941, № 16, стр. 32—34.

27. Мужик на небе. Зап. в Тверской губ. — *Афанасьев*, III, № 420, стр. 221—222.

Андреев (дополн. Пропл), 1960 С («Большое дерево»), * 1885 («Человек влезает на небо по дереву и т. п.»), 1960 * С I («Небесная избушка»), 1900 * В («Вода выталкивает человека из болота»).

28. Небылица. Зап. Д. К. Зеленин в 1908 г. от катанщика А. Х. Селезнева, д. Ключи, Синцовской вол., Котельничского у., Вятской губ. — Зеленин, Вятск., № 53, стр. 185.

Как в этой, так и в последующих пяти сказках-небылицах разрабатываются два основных мотива:

Андреев (дополн. Пропл), * 1885 («Человек влезает на небо по дереву и т. п.») и 1930 («Страна обетованная»).

29. С заднего колеса. Из анекдотов и прибауток, записанных Т. М. Акимовой, М. П. Советовым и А. Н. Гурьевой в 1920 г. от Я. Г. Парфенова — сказочника-анекдотиста, 74 л., с. Елшанки, Хвалынского района, Саратовской обл. — Акимова, № 431, стр. 400.

30. Не люблю — не слушай. — Аф. Рукоп. сб., л. 158 и 158 об. В подстрочных примечаниях Афанасьев приводит другой вариант окончания: «Выскочил тут полок-толоконный лобок, сам низок, на нем семьдесят семь рогоженных ривок, поп-ат присел, он его съел, да с неба слетел».

31. «Во время оно». Зап. В. П. Бирюков в 1935 г. в г. Свердловске от Ю. В. Засухиной, ок. 40 л., урожд. с. Осинская Дуброва. — РО МИРА, ф. 1, оп. 1, № 21, л. 17.

32. «Пришел я в великий пост». Зап. участником Беловерской экспедиции Г. И. Терентьевым в 1937 г. от С. Д. Борина, с. Никонька, Беловерского района, Вологодской обл. — Волог., № 7, стр. 44—45.

33. «Жил-был дельный купец». Зап. В. П. Чужимов в 1920-х гг. от Я. С. Сарасва, 80 л., с. Деживка, Курской губ. — РО ИРЛИ, кол. 71, п. 1, № 7, лл. 8—9.

Побасенка усвоена рассказчиком в Крыму во время отхожих заработков.

34. Частушки. Тексты в основном взяты из сборников: Артем Веселый. Частушки колховных деревень. М., 1936, стр. 149—160; Русские частушки. Гослитиздат, М., 1956.

35. Пословицы и поговорки. Тексты взяты из сборников: Даль, Пословицы; Бирюков; Русские пословицы и поговорки. Лениздат, 1956; рукописное собрание С. С. Нехорошева (РО ИРЛИ, кол. 62, п. 9).

II. Церковь и духовенство на службе у власти имущих

36. Как черт на мужика хомут надел. Зап. О. Г. Громоковская 11 августа 1935 г. от И. И. Бритченко, 45 л., с. Малая Паревщина, Красноярского района, Куйбышевской обл. — В. М. Сидельников, В. Ю. Крупянская. Волжский фольклор. Изд. «Советский писатель», 1937, № 19, стр. 61—62.

37. Царская милость. Сообщ. И. А. Лебедев 19 февраля 1941 г., Маловишерский район, Ленинградской обл. — РО ИРЛИ, кол. 98, п. 2, № 11.

Сказка бытовала около 1905 г.

38. Илья Муромец в ссоре со Владимиром (отрывок). Зап. А. Ф. Гильфердинг 6 июля 1871 г. от Т. Г. Рябинина, д. Кижы, Петровзаводского у., Олонецкой губ. — А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. II. Изд. 4-е, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, № 76, стр. 36—39.

Ср.: Илья Муромец. Подготовка текстов, статья и комментарии А. М. Астаховой. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, №№ 32, 33, стр. 234—240

39. «Говорили крестьяне попам». Зап. А. В. Гуревич в 1935 г. от Якунина, колхозника Заларинского района, Иркутской обл. — А. Гуревич. Фольклор Восточной Сибири. Иркутск, 1938, № 333, стр. 62.

40. Дуда. — Онежск., стр. 68—69. Песня распространялась в 1905 г.

41. «Упокой и помяни, боже». Зап. К. И. Бызов в 1937 г. от С. М. Богданова, рабочего Кировского завода, г. Ленинград — *РО ИРЛИ*, кол. 83, п. 1, № 60, л. 62 об.

42. «Господи, помилуй» (вариант предыдущей). Зап. К. И. Бызов в 1937 г. от И. В. Бызова, рабочего Кировского завода, г. Ленинград — *РО ИРЛИ*, кол. 83, п. 1, № 60, л. 94 об.

Оба варианта пелись рабочими в 1905—1906 гг.

43. «Помяни, господь, петро заводских купчиков». — Онежск., стр. 33 («Песня про купцов»).

Упоминаемые в песне Пospelов и Тиккоев — петро заводские купцы. Пименов — городской голова.

44. Пословицы и поговорки. Тексты взяты из сборников: *Даль, Пословицы; Шахнович; рукописных собраний С. С. Нехорошева (РО ИРЛИ, кол. 62, п. 9), Н. А. Иванцукото (РО ИРЛИ, кол. 49, п. 4).*

III. Церковные «чудеса». Иконы. Суеверия и предрассудки

45. Правда о святом Феодосии. Зап. Н. В. Новиков в 1937 г. от бывшего рабочего Онежского завода Ф. П. Господарева, 72 л., г. Петрозаводск, Карельской АССР. — *Господарев, № 41, стр. 440—442.*

По словам рассказчика (выходца из Белоруссии), в основе сказки лежит «бывальщина», относящаяся к пределам Могилевской губ.

Ср.: А. К. Сержпутовский. Сказки и рассказы белоруссов-полешуков. СПб., 1911, № 34 («Проща»).

46. Святой Пантелеймон. Зап. Н. В. Новиков в 1937 г. от Ф. П. Господарева (см. предыдущее примечание). — *Господарев, № 42, стр. 443—447 («Поп и работники»).*

Ср.: Ончуков, № 41, стр. 105—109; Красноженова (1937), № 34, стр. 247—250; газета «Безбожник», 1939, № 24, 21 августа (зап. в Воронежской обл.).

47. Святой Авраам. Зап. Л. В. Домановский летом 1938 г. от П. Суворова, 22 л., д. Доманово, Новоржевского района, Псковской обл. — *РО ИРЛИ, кол. 99, п. 1, № 53.*

Ср. близкий вариант: газета «Безбожник», 1939, № 11, 11 апреля (зап. в д. Белоусово, Воскресенского у., Горьковской обл.).

48. Пятенка-просвятенка. Зап. О. Рунова, Смоленская губ. — журнал «Безбожник», 1940, № 2—3, стр. 23.

Ср.: Г. И. Успенский. Пятница (народный рассказ). Полн. собр. соч., т. II, Изд. АН СССР, Л.—М., 1950, стр. 443—455.

49. Поп и дякон. Зап. Д. Н. Садовников от Абрама Новопольцева, с. Помряськино, Ставропольского у., Самарской губ. — *Садовников, № 43, стр. 163—164.*

Андреев, 1831 («Поп и дячок за обедней»).

50. Как барину поп зоружил. Зап. Ф. Перьков в 1898 г., с. Архангельское, Орловской губ. — *РО ИРЛИ, кол. 169, п. 6, № 6, лл. 1—4.*

Андреев (допсл. Пропс), 1641 («Захарь»).

51. Попы. Зап. Н. В. Новиков в 1936 г. от рабочего Онежского завода Н. Г. Суханова, г. Петров заводск. — *Онежск.*, стр. 287.

52. Нетленные мощи. Зап. учитель Ф. Александров от М. Бутова, колхоз им. Ухачева, Холм-Жирковского района, Смоленской обл. — Газета «Безбожник», 1939, № 15, 21 мая.

53. Никола Летний и Никола Зимний. Зап. по памяти В. П. Бирюков 15 сентября 1940 г., слышал около 1905—1910 гг. в Камышовском или Шадринском уездах, Пермской г. — *РО МИРА*, ф. 1, оп. 1, № 21, л. 21.

54. «Его святая воля». Зап. В. П. Бирюков в июле 1936 г. от заводского рабочего г. Тагила. — *РО МИРА*, ф. 1, оп. 21, л. 14.

55. Старухина молитва. Зап. Н. Е. Ончуков в 1907 г. от И. Н. Макарова, 51 г., Архангельская губ. — *Ончуков*, № 263, стр. 544—545.

Андреев, 1575 * («Хитрый работник»).

56. Никола Дупленский. Зап. Н. И. Рождественская в 1930-х гг. от Т. О. Кобелевой, 75 л., д. Юбра, Пинежского района, Архангельской обл. — *Рождественская*, № 29, стр. 109—110.

Андреев (дополн. Пропп), 1380 («Никола Дупленской»).

57. Либо в рай, либо в ад. — *Афанасьев*, III, № 524, стр. 302—303 (раздел «Народные анекдоты»).

Андреев (дополн. Пропп), * 1625 («Баба ставит свечи и богу и черту»).

58. Как старуху крестила. Зап. М. И. Романов в 1920 г. от А. Ф. Челпана, Северный край. — *РО ИРЛИ*, кол. 66, п. 1, № 28.

Андреев (дополн. Пропп), 1540 («С того света выходец»).

59. Козлы. Зап. Е. М. Ширман в 1936 г. в станице Вешенской. — *Фольк. Дона*, № 4, стр. 204.

60. Кобель ломохвостый. Зап. Е. М. Ширман в 1936 г. в станице Вешенской. — *Фольк. Дона*, № 6, стр. 205—206.

61. Как воры попа напугали. Из анекдотов и прибауток, записанных от Я. Г. Парфенова (см. примечание № 29). — *Акимова*, № 421, стр. 396—397.

62. «Черт» в яме. Записано в 1870 г. в Лозовской вол., Псковской губ. — А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок, вып. 1. Пгр., 1917, стр. 361—362 («Дурачок»).

63. Откуда черти брались. Записано от П. Терентьева, колхозника, д. Кириллово, Михайловского сельсовета, Пушкинского района, Псковской обл. — Газета «Пушкинский колхозник», 1940, № 297, 25 декабря.

64. «Полегчало». Зап. К. Сидоров. — Газета «Безбожник», 1938, № 24, 21 октября.

65. Пословицы и поговорки. Тексты взяты из сборников: *Даль*, *Пословицы*; *Князев*; *Бирюков*; рукописных собраний П. В. Шейна (Архив АН, ф. 104), С. С. Нехорошева (*РО ИРЛИ*, кол. 62, п. 9).

IV. Религиозные праздники. Обряды. Молитвы. Богослужение

66. Спор попа с муллой. Зап. К. Покачалов в 1930-х гг., с. Балкашино, Акмолинской обл. — Газета «Безбожник», 1941, № 13, 30 марта («Спор»).

67. Каждый день праздник. Зап. А. П. Анисимова в 1940 г. от Т. О. Филатова, с. Ершово, Поимского района, Пензенской обл. — А. П. Анисимова. Песни и сказки Поимского района, вып. 1. Пенза, 1948, стр. 93—94.

68. Пряжа. Зап. А. Земскова в 1922 г. от Поповой, 40 л., с. Б. Се-стренки, Кистендейского района, Саратовской обл. — Акимова, № 406, стр. 371.

Ср.: Андреев, * 1370 I («Ленивая жена»).

69. Цыган на исповеди. Зап. Н. В. Новиков в 1938 г. от Ф. П. Господарева (см. примечание № 45). — Господарев, № 48, стр. 464—466.

Ср.: В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, ч. I. СПб., 1891, стр. 700 («Як мужик свайго батюшку паднадуіу»).

70. Поповские хомуты. Зап. Д. М. Горбачев в 1920-х гг., с. Плоское, Тютчевской вол., Козловского у., Тамбовской губ. — РО ИРЛИ, кол. 15, п. 1, № 7.

71. Кому что. Зап. Р. Липец в 1936 г., д. Чубонаволоок, Приморского района, Архангельской обл. — Журнал «Безбожник», 1938, № 3, стр. 17 («Сказка»).

Андреев, 1831 («Поп и дячок за обедней»).

72. Не поделили. Зап. М. В. Красноженова в 1926 г. от П. Ковригина, 20 л., д. Тесь, Минусинского района, Красноярского края. — Красноженова (1940), стр. 195.

Андреев, 1831 («Поп и дячок за обедней»).

73. Вразумил. — Газета «Безбожник» 1941, № 14, 6 апреля.

74. Поп-мужик. Сообщ. М. Ку克林 в 1880-х гг. — Иваницкий, № 33, стр. 201 («Глупая деревня»).

Андреев (дополн. Пропп), 1826 («Поп может не проповедовать»), 1825 * Д («Мужик в роли попа»).

75. Поп Пахом. Зап. Б. и Ю. Соколовы в 1908—1909 гг. от С. И. Семенова, 60 л., с. Раменье, Ферапонтовской вол. — Соколовы, № 83, стр. 151—152.

Андреев, 1825 («Мужик в роли попа»).

76. Безграмотная деревня. Зап. Н. Е. Ончуков в 1903—1904 гг. от Н. М. Деметьевой, 35—37 л., с. Вирмам, Кемского у., Архангельской губ. — Ончуков, № 63, стр. 167—168.

Андреев, 1825 В («Мужик в роли попа»).

77. О дяконе, который нюхал табак. Зап. Н. В. Новикова от Н. Г. Суханова (см. примечание № 51). — Онежск., стр. 286.

78. Про попа и немую девочку. Зап. Н. Д. Комовская от Нюры Шуягиной, 11 л., колхоз «Новая жизнь», Медынецкого сельсовета, Арзамасского района, Горьковской обл. — Е. Д. Вишневская. Антирелигиозный чтец-декламатор. М., 1941, стр. 532.

79. Поп-музыкант. Зап. М. Сабинина и В. Эдельштейн в 1949 г. от А. К. Олейникова, 58 л., д. Теплый ключ, Кигинского района, Башкирской АССР. — Тв. Башкирии, № 36, стр. 132.

80. «За рекой было, за речушкой». Зап. С. М. Пономарев в нач. 1880-х гг., Оренбургская губ. — Архив ВГО, ф. 12, оп. 2.

Андреев (дополн. Пропп), 1930 («Страна обетованная»).

81. **Царь Максимилиан** (отрывок) — Дрaму зап. В. Ю. Крупянская в 1938 г. от бывшего рабочего фабрики «Красный Перекоп» С. А. Крылова, 62 л., г. Ярославль. — *Яросл.*, стр. 111—151 (сцена со священником стр. 129—131; подробные примечания к пьесе стр. 152—156).

82. **Царь Максимилиан** (отрывок). Дрaму зап. крестьянин Г. С. Чистяков. — *Берков*, стр. 248—251 (перепеч. из кн.: Н. Н. Виноградов. Народная драма **Царь Максимилиан**. СПб., 1914).

83. «**Венчание**» (игра на святках). Зап. Л. В. Домановский 28 января 1946 г. от З. В. Орловой, 34 л., д. Зубакино, Дзегельского района, Ленинградской обл. — *РО ИРЛИ*, кол. 111, п. 2, № 66, л. 13.

84. «**В церкви три колокола звонят**». — *Шахнович*, стр. 91.

85. «**Шел я по горочке**». Зап. И. В. Карнаухова 25 июня 1927 г. от П. Д. Чорной, 52 л., д. Шотова Гора, Пинежского у., Архангельской губ. — *РО ИРЛИ*, кол. 3, п. 3, № 104, л. 176.

В некоторых вариантах сатира на местных церковников отсутствует.

Ср.: Ал. Можаровский. Святочные песни, игры и гадания Казанской губернии. Казань, 1873, № 37, стр. 36.

86. «**Подобны**». — *РО МИРА*, ф. 1, оп. 1, № 21, лл. 11—12 (Собрание В. П. Бирюкова).

87. **Подражания «Рождеству»**. Зап. В. П. Бирюков, г. Шадринск. — *РО МИРА*, ф. 1, оп. 1, № 21, лл. 6 и 8.

88. **Подражания пасхальному канону**. Зап. В. П. Бирюков, г. Шадринск. — *РО МИРА*, ф. 1, оп. 1, № 21, л. 7.

89. «**Ехал соп Макарий**». — *РО МИРА*, ф. 1, оп. 1, № 21, л. 9 (Собрание В. П. Бирюкова).

Собиратель впервые услышал песню во время ученья в Пермской духовной семинарии в 1906 г., где она имела самое широкое хождение среди воспитанников

90. **Хоровые с церковным мотивом**. Сообщ. А. И. Лебедев в 1939 г., Маловишерский район, Ленинградской обл. — *РО ИРЛИ*, кол. 98, п. 1, № 1, лл. 32 об.—33.

91. «**Уж ты, бабушка келейница**». Зап. Г. Н. Потанин в 1870-х гг., Самарская губ. — *Шейн*, I, 1, № 588, стр. 150.

92. «**Баба ты, баба, государыня в лаптях**» (породня на церковную службу). Зап. зимой 1956 г. от М. М. Виноградовой, 66 л., д. Петряево, Угличского района, Ярославской обл. — *Яросл.*, стр. 246—247.

Ср.: *Соболевский*, IV, №№ 470, 471, стр. 369—371; *Шейн*, I, 1, № 1025, стр. 301.

Поется на мотив торжественных церковных песнопений. Исполняется медленно, речитативно, нарочито низким «загробным» голосом. Игривая и стремительная концовка создает резкий контраст с эпически спокойным ритмом песни.

Упоминаемое в песне «скрипичное да балалаечное фукомесло», которым занимался Вавило, не было в почете у духовенства. Исполнительница пояснила: «Скрипичным да балалаечным — попу-то, видно, не нравится. А не нравится, так не спрашивай» (стр. 288).

93. «**Прошла Митровска суббота**». Зап. Д. Н. Садовников. — *Архив АН*, ф. 104, оп. 1, № 859.

94. «**Как и понешняя весна**». Зап. П. В. Киреевский в 1837 г. от Никитушки в своем имении, Киреевская слободка, Орловской губ. — *Киреевский*, II, ч. 2, № 1976, стр. 92—93.

95. «**А мы масленяцу дождаем**». Сообщ. А. Н. Энгельгардт в нач. 1870-х гг., с. Батищево, Дорогобужского у., Смоленской губ. —

Н. Римский-Корсаков. Сборник русских народных песен. Том подготовлен Н. В. Шелковым. М., 1952, стр. 97.

Поется во время масленицы.

96. «На горе стоит дуб зеленый». Зап. М. И. Семеновский в 1850-х гг., Торопецкий у., Псковской губ. — Записки русского географического общества, 1864, кн. 2, № 30, стр. 143.

Масленичная, поется на посиделках и на гулянках, по улицам.

97. Насильственное крещение. — В. Магнитский. Песни крестьян села Беловолжского, Чебоксарского уезда, Казанской губ. Казань, 1877, № 88, стр. 80 («обыденная»).

Песня рассказывает о насильственном распространении православия среди малых народов царской России.

98. «Войду ль я, войду ль я». Киреевский, II, 2, № 2667, стр. 263.

99. Частушки. Тексты взяты из сборников: Артем Веселый. Частушки колхозных деревень. М., 1936; Русские частушки. Гослитиздат, М., 1956, и др.

100. Пословицы и поговорки. Тексты взяты из сборников: Даль, Пословицы; Бирюков; Князев; Шахнович.

У. Духовенство и его нравственный облик.

Религиозное ханжество

101. Видел ли архиерей душу человека. Зап. Л. Элиасов в 1938 г. от Е. И. Сороковикова-Магая, 70 л., селение Тунка, Бурятской АССР. — *Магай*, № 19, стр. 226—228.

Андреев (дополн. Пропн), 1826 («Поп может не проповедовать»).

102. Умная жена. Зап. В. А. Тонков в 1939 г. от известной скавочницы А. К. Барышниковой («Куприянихи»), 71 г., д. Чуриково, Землянского района, Воронежской обл. — Песни и сказки Воронежской области. Воронеж, 1940, № 5, стр. 180—182.

Андреев, 1730 («Поп, дячок и дячок»).

103. Две старухи и архиерей. Зап. Л. Элиасов от Е. И. Сороковикова-Магая (см. примечание № 101). — *Магай*, № 17, стр. 223—224.

Андреев (дополн. Пропн), * 2067 («Барни, как наша собака»).

104. Каков архиерей. Зап. П. И. Якушкин в 1840—1850-х гг., Малоархангельский у., Орловской губ. — *Аф. Рукоп. сб.*, лл. 11—11 об.

105. Архиерея венчают. Зап. П. И. Якушкин в 1840—1850-х гг., Малоархангельский у., Орловской губ. — *Аф. Рукоп. сб.*, л. 11.

Андреев, 1931 А («Как дела в Ростове?»).

106. Откуда поп. — «Безбожник», 1938, № 21, 21 сентября.

107. Собачьи похороны. Зап. Д. Н. Горбачев в 1920-х гг., с. Плоское, Тютчевской вол., Ковловского у., Тамбовской губ. — *РО ИРЛИ*, кол. 15, п. 1, № 6.

Ср.: Поджо Браччолани. О священнике, который похоронил собачку («Фацеции»). В кн.: Итальянская новелла Возрождения. ГИХЛ, М., 1957, стр. 316.

108. Похороны ковла. — А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. III, Гослитиздат, 1940, № 3, стр. 364—365 (Приложение).

109. Кирик. — А. М. Новикова и И. А. Оссоветский. Сказки Куприянихи. Воронеж, 1937, № 35 (См. примечание № 102).

Андреев, 831 («Жадный поп»).

110. «Сын божий». Зап. В. Т. Иевлев 26 апреля 1938 г. от рабочего Г. Лукина (уроженца Псковской губ.), 40 л., Ленинград. — *РО ИРЛИ*, кол. 61, п. 1, № 6, лл. 1—5.

Андреев (дополн. Пропп), * 1609 («99 я не возьму, а возьму только полные 100 рублей»).

111. Жадный поп. — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. III. Гослитиздат, 1940, № 5, стр. 367—368.

112. Поп одичал. Зап. Н. И. Рождественская в 1937—1938 гг. от А. В. Паловского, около 40 л., д. Лопшеньга, Пинежского района, Архангельской обл. — *Рождественская*, № 70, стр. 173—174.

Андреев, 785 («Кто съел просвиру?»).

113. Как у помещика потерялась корова. Зап. Л. Элиасов от Е. И. Сороковикова-Магая (см. примечание № 101). — *Магай*, № 15, стр. 213—216.

Андреев, 1790 («Дьячок и поп крадут корову»).

114. Петушок. Зап. М. И. Шапкии в г. Людиново, Орловской обл. — Газета «Безбожник», 1941, № 25, 22 июня.

115. Поп-сапожник. Зап. В. Шестов, с. Черняевка, Воловского района, Тульской обл. — Газета «Безбожник», 1938, № 28, 1 декабря.

116. Поповские потребности. Зап. Ф. А. Александров от В. Евстигнеева, с. Ленино, Холм-Жирковского района, Смоленской обл. — Газета «Безбожник», 1941, № 1, 5 января.

117. Помняки. Зап. Е. Стерина в Ялте. — Газета «Безбожник», 1939, № 33, 21 ноября.

118. Поп и работник. Зап. Д. К. Зеленин в 1908 г. от А. И. Бледных, 60 л., бывш. «николаевского солдата», д. Гостевская, Котельничского у. Вятской губ. — *Зеленин*, *Вятск.*, № 49, стр. 177—178.

Андреев, * 1737 I («Напуганный поп»).

119. «Люли». Зап. Н. П. Попов от К. М. Сайганова, 67 л., колхоз «Красная звезда», Гавриловского района, Тамбовской обл. — Газета «Безбожник», 1938, № 25, 1 ноября.

120. Хитрый поп и парень. — Н. Гиляров-Платонов. Из пережитого. Автобиографические воспоминания, ч. I. М., 1886, стр. 329—330.

121. Поп и мальчик. Зап. В. А. Василенко и А. Филатов в 1955 г. от П. А. Солина, 52 л., д. Давыдово, Толбухинского района, Ярославской обл. — *Яросл.*, № 18, стр. 75.

Ближкий вариант: *Магай*, № 21, стр. 233 («Кузнец и поп»).

122. «Батюшка, не слыжала». Зап. Л. В. Домановский 30 ноября 1959 г. в Ленинграде от О. Н. Минаевой, 55 л., уроженки д. Нугревка, Болховского у., Орловской губ. (Собрание Л. В. Домановского).

123. Поповские увертки. Зап. М. В. Красноженовой в 1934 г. от А. М. Артамасовой, 31 г., Красноярск. — *Красноженова* (1940), стр. 188.

124. Небесный обед. — Газета «Безбожник», 1940, № 39, 24 ноября.

125. Курочка. Зап. в Бобровском у., Воронежской губ. — *Афанасьев*, I, № 70, стр. 101.

Андреев (дополн. Пропп), * 241 III («Курочка съела золотое яичко»).

126. «Нет лучше житья попу». Зап. в 1920 г. от скавотника-анекдотиста Я. Г. Парфенова (см. примечание № 29). — Акимова, № 419, стр. 395.

127. «Не пыль-то в поле поднимается». Зап. Хвойнова в 1936 г. от илимских колхозников, Илимск, Иркутской обл. — А. Гуревич. Фольклор Восточной Сибири. Иркутск, 1938, стр. 61, № 332.

128. «Машенька счастливая была». Зап. С. М. Пономарев в нач. 1880-х гг., Оренбургская губ. — Архив ВГО, ф. 12, оп. 2, № 29, л. 10.

129. «Ах ты, мать моя, мамонька» (вариант предыдущей). Зап. В. П. Бирюков в феврале 1938 г. от старушки Устиньи Парфильевны, с. Курьи, Сухоложского района, Свердловской обл. — Бирюков, стр. 239.

Ср.: Уральский фольклор. Под ред. М. Г. Китайника. Свердловск, 1949, № 62, стр. 83—84.

130. «Хожу я по улице, да не нахожуся». — Новейший всеобщий и полный песенник... в шести частях, ч. II, СПб., 1819, № 133, стр. 131—132.

После каждой строки припев: «То-то моля, то-то моли, то-то люшеньки мои».

131. «Как во поле было, поле» (вариант предыдущей). Зап. Н. А. Ивануцкий в 1880-х гг., Вологодская губ. — Архив АН, ф. 104, оп. 1, № 89.

Ср.: Киреевский, II, 1, № 1516, стр. 98; там же, II, 2, № 2082, стр. 120—121.

132. «Я родилась в новой бане на полке». Сообщ. А. А. Васильева 25 июня 1952 г., с. Топорищево, Ольховского района, Курганской обл. — Бирюков, стр. 119.

133. «Деревня от деревни». Зап. бывш. студент Киевского университета Фризе в 1867 г. в Онежской тюрьме от слов мещанки А. И. Н., Архангельская губ. — П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1878, стр. 123.

134. «Поп—гудило безбородый». Текст взят из доклада кашинского краеведа Ф. Груздева, сделанного в Обществе по изучению местного края 17 марта 1922 г. — РО ГЛБ, 1957. 206/141, лл. 20 об.—21 (Собрание Ф. Груздева).

По сообщению Ф. Груздева, песня сложена семинаристом Рагузиным в 1832 г. про одного кашинского военного священника. Вероятно, вскоре песня вышла за пределы г. Кашина. Вариант этой песни содержится в рукописном сборнике народных песен, составленном в 30—50-х гг. XIX века (РО ГЛБ, О.XVII.62, лл. 14—15). Он несет следы устного бытования, почти каждая строка в нем дается в иной редакции, помимо всего, подчеркивается страсть попа к карточной игре.

Интересно отметить, что в песне, записанной А. В. Кольцовым, в качестве вступления использовано окончание данной песни. Оно в свою очередь оправдывает и дальнейшее развитие сюжета: бегство попа от побоев попадьи к девушке и люиски его сержантами. Последний эпизод составляет самостоятельную народную песню.

135. «Поп, ты гулян, поп буйан» (вариант предыдущей). Зап. А. В. Кольцов в 1830-х гг., Воронежская губ. — П. Ухов. А. Кольцов — собиратель народных песен. Журнал «Подъем», 1958, № 6, стр. 95.

В примечании П. Ухов пишет: «В других записях неизвестна. По силе сатирического обличения духовенства эта песня одна из самых ярких».

136. «Как и троицкий поп». Зап. М. С. Пономарев в 1880-х гг., Орский у., Оренбургской губ. — Архив ВГО, ф. 12, оп. 2, № 29, л. 781.

Ср.: Акимова, № 186, стр. 189—190; Бирюков, стр. 241—242.

137. «Как повадилась Анюша» (вариант предыдущей). Зап. Н. И. Ивануцкий в 1880-х гг., Вологодская губ. — *Архив АН*, ф. 104, оп. 1, № 89.

138. «Уж вы, стары старики» (вариант предыдущей). Зап. В. П. Бирюков 16 июня 1946 г. от С. А. Соловьева, 70 л., г. Первоуральск, Свердловской обл. — *Бирюков*, стр. 241—242.

139. Староверский пощ. Зап. Ф. М. Кучин 5 ноября 1913 г. от А. Кучиной, с. Кольханово, Златоустовского у., Уфимской губ. — *Бирюков*, стр. 240—241.

Ергинский завод — Иргинский завод в бывш. Красноуфимском уезде. Шуртанское село — с. Шуртан около Иргинского завода.

140. «Во Шадринском во селенье» (вариант предыдущей). Зап. А. Н. Зырянов в 1850-х гг., Шадринский у., Пермской губ. — *Пермский сборник. Повременное издание. кн. 1, М., 1859, стр. 108—109.*

В примечании Зырянов указывает: «Эта песня употребительна между единоверцами Шадринских селений, принадлежавшими прежде до образования приходов, к беглопоповщинской секте. Она изображает действительный быт шарташских староверов, живущих в семи верстах от Екатеринбурга» (ныне г. Свердловск).

141. «Ах где, жена, была?». — М. Д. Чулков. *Собрание разных песен, ч. II. СПб., 1771, № 171, стр. 225.*

142. «У попа была беседа». Зап. П. И. Якушкин и кн. А. Костров в 1840—1850-х гг., Малоархангельский у., Орловской губ. — *Киреевский, II, 2, № 2021, стр. 107.*

143. Ревнивый поп. Зап. в 1938 г. от П. И. Грешнова, 75 л., в с. Дубовый хутор, Тарасовского района, Ростовской обл. — *РО ИРЛИ*, кол. 121, п. 1, № 276, лл. 501—502.

144. «У попа была работница». Зап. Л. В. Домановский 17 декабря 1940 г. в г. Кировске от А. Т. Ферулевой, 54 л., уборщицы, урож. Каргопольского у., Архангельской губ. — *РО ИРЛИ*, кол. 99, п. 4, № 9.

145. Как поп угодил в солдаты. Зап. П. И. Якушкин в 1840—1850-х гг., Малоархангельский у., Орловской губ. — *Аф. Рукоп. сб.*, лл. 178 об.—179.

В связи с восстанием в Польше в 1830 г. митрополит Филарет представил царю около 3,5 тыс. лиц духовного звания для военной службы. См.: «Русская старина», 1884, т. XLII, стр. 189 и сл.

«Северная пчела» — реакционная газета, выходившая в Петербурге в 1825—1864 гг.

146. «У нас было в селе Поливанове». Зап. в 1739 г. по повелению имп. Анны Иоанновны в деревне В. Ф. Салтыкова. — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1878, кн. I, стр. 225—226.

В приписке к указу императрицы к С. А. Салтыкову от 30 июля 1739 г. говорится: «У Василья Федоровича Салтыкова в деревне поют песню крестьяне, которой начало: „Как у нас в сельце Поливанове да боярин-от дурак решетом пиво цедил“. Оную песню вели написать всю и пришли к нам немедленно, послав в ту деревню человека, который бы оную списать мог» (там же, стр. 225).

147. «Спомни, сдумай, Коваль Васька». Зап. И. Кравченко в августе 1939 г. от М. Н. Исаевой, 69 л., ст. Нижний Чир, Сталинградской обл. — *РО ИРЛИ*, кол. 121, п. 1, № 33.

148. «Таракан дрова рубил». Зап. Вл. Кукшанов в июне 1948 г. в г. Свердловске от Н. Капустиной, урож. Сысертского завода. — *Уральский фольклор. Под ред. М. Г. Китайника, Свердловск, 1949, № 70, стр. 90—91.*

- Ср.: *Киреевский*, II, 2, №№ 1864, 2836, 2947, стр. 63, 304—305, 337.
149. «Девки поповы». Зап. И. В. Карнаухова 25 июня 1927 г. от П. Д. Чорной, 52 л., д. Шотова Гора, Пинежского у., Архангельской губ. — *РО ИРЛИ*, кол. 3, п. 3, № 106, л. 178.
150. «Поповы-то детки». Сообщ. Г. Н. Потанин, Самарская губ. — *Шейн*, I, 1, № 97, стр. 20.
151. «Чу, чу, чу, я горошек молочу». Зап. Е. Будде в 1880-х гг., д. Щелево, Скопинского у., Рязанской губ. — «Русский филологический вестник», т. XXVIII, Варшава, 1892, № 47, стр. 100 («скоморошная»).
152. «Головушка бедная». — *Киреевский*, II, 2, № 2691, стр. 269.
153. «Ехал поп на свинье». Зап. учитель Вас. Шатунов 27 июля 1896 г., д. Кленовская, Кирилловского у., Новгородской губ. — *Архив АН*, ф. 104, оп. 1, № 431.
154. Частушки. Тексты взяты из сборника: В. И. Симаков. Деревенские частушки. М., 1913.
155. Пословицы и поговорки. Тексты взяты из сборников: *Даль*, *Пословицы*: Бирюков; Князев; Шахнович; рукописных собраний Аргентова (*РО ИРЛИ*, кол. 122 п. 1), Л. В. Домановского и др.

VI. Поп и мужик. Поповы работники

156. Хитрый мужик и жадный поп. Зап. Н. Комовская от П. П. Тавилова, колхоз им. С. М. Кирова, Арзамасского района, Горьковской обл. — Газета «Безбожник», 1939, № 29, 11 октября.
157. Хитрый мужик. Зап. в 1880-х гг. в Вологодской губ. — *Иваницкий*, № 45, стр. 211—212.

Андреев, * 1529 II («Чудесная овца»), 1676 * («Кобылье яйцо»).

158. Как поп летал. Зап. Илларионов в 1939 г. в Пушкинском районе, Псковской обл. — *РО ИРЛИ*, кол. 99, п. 4, № 20 (Собрание Л. В. Домановского).

Ср.: *Андреев* (дополн. Пропн), 1539 («Шут»).

159. Шуба-самолет (вариант предыдущей). Зап. от У. Е. Базаровой в Сумском посаде. И. Цейтлин. Поморские народные сказки. Изв. Арханг. общ. изучения русского Севера, 1911, № 2, стр. 87—88); *Ск. Карелии*, № 24, стр. 134—135.

Оригинальный и редкий вариант.

Ср.: *Андреев* (дополн. Пропн), 1539 («Шут»).

160. Как ангелы попа унесли. Зап. Н. Половинкин в 1899 г. в Таливинской вол., Орловской губ. — *РО ИРЛИ*, кол. 169, п. 6, № 10, лл. 1—7.

Андреев (дополн. Пропн), 1525 Е («Ловкий вор»), * 1525 I («Кому должна достаться шуба?»), 1737 («Поп в мешке поднимается на небо»).

161. Портной. Записано в 1880-х гг. в Вологодской губ. — *Иваницкий*, № 47, стр. 213.

Андреев, 1138 («Кахофсй»).

162. Как кузнец попа проучил. Зап. М. Манихин в Ковровском районе, Ивановской обл. — Газета «Безбожник», 1941, № 4, 26 января.

163. Кувнец и поп. Зап. Н. В. Новиков от Ф. П. Господарева (см. примечание № 45). — *Господарев*, стр. 470—471.

164. Поп и мордвин-колесник. Из записей студентов от М. Т. Сесина. — *Акимова*, № 387, стр. 336.

165. О жадных попах и умном Иване. Зап. С. А. Наливкин от А. К. Душкиной, с. Ст. Александровка, Бузулукского района, Чкаловской обл. — А. В. Бардин. *Фольклор Чкаловской области*. Чкалов, 1940, № 197, стр. 190—193.

Андреев (дополн. Пропп), 1535 («Дорогая кожа»).

166. Про Наварка. Зап. участники экспедиции МГУ Н. Савушкина, В. Шаршовицкая, Л. Шведова в 1953 г. от И. К. Цветкова, д. Чурилова, Чёбсарского района, Вологодской обл. — *Волог.*, № 22, стр. 78—81.

Андреев (дополн. Пропп), 1539 («Шут»), * 1730 I («Мужик хоронит трех попов»).

Сказка Цветкова, отмечают собиратели, приурочена к определенной местности; действие разворачивается в Чёбсаре, в Вологде, упоминается действительно существовавший купец Калякин.

167. Как пастух поха и дякона утопил. Зап. от колхозника Г. И. Федина, д. Пятиловка, Куркинского района, Тульской обл. — Газета «Безбожник», 1938, № 21, 21 сентября.

168. Как попы купались. Записана от колхозника Сидорова, д. Будырки, Вырского сельсовета, Ковельского района, Западной обл. — Газета «Знамя коммуны» (г. Новочеркасск), 1937, № 98, 29 апреля.

169. Состязание во лжи. Зап. Ю. Солнышко, с. Свобода, Курской обл. — Газета «Безбожник», 1940, № 2, 11 января («Жадный поп»).

Как в этой, так и в последующей сказке-небылице, шуточное повествование ведется в форме спора двух лиц.

Андреев (дополн. Пропп), 1920 * Д («Состязание во лжи или ложь на пари»).

Иногда с присоединением:

Андреев, * 1877 В («Человек в дупле»), * 1886 («Человек хочет напиться»), 1960 («Большое дерево»), и нек. др.

170. Чего на свете не бывает. — Газета «Безбожник», 1940, № 12, 18 марта.

171. Про попа. Записано от Г. Кушеникова в 1890-е годы, д. Сургут, Тобольской губ. — А. М. Смирнов. *Сборник великорусских сказок*, вып. II, Пгр., 1917, № 357, стр. 886—887.

Андреев, * 860 («Украденная жена»).

172. Богородицына травка. Зап. Д. Н. Горбачев в 1920-х гг., с. Плоское, Тютчевской вол., Ковловского у. Тамбовской губ. — *РО ИРЛИ*, кол. XV, п. 1, № 5.

Андреев (дополн. Пропп), * 1361 I («Гость Терентий»).

173. Батрак. Зап. С. И. Бочарников в г. Зарайске — И. А. Худяков. *Великорусские сказки*, вып. III. СПб., 1862, № 95, стр. 77—86.

Андреев (дополн. Пропп), 1000 («Уговор не сердиться»), 592 («Чудесная скрипка»), 1045 («Угроза морщить озеро веревкой»), 1063 («Кто дальше бросит дубинку»), 1071 («Борьба»), 1072 («Бег вперегонки»), 1084 («Крик или свист на спор»), 1009 («Сторожки хорошенько дверь»), 850 («Приметы царевны»).

174. Про попа и Евлашку. Зап. учитель Н. С. Харин в 1937 г. от А. Т. Безумова, 60 л., колхоз «Красная Печора». — Н. П. Леонтьев. Печорский фольклор. Архангельск, 1939, № 68, стр. 127—130.

Андреев (дополн. Пропп), 650 А («Иван — Медвежье ушко»).

175. Поп и работник. Зап. Н. В. Новиков от Ф. П. Господарева (см. примечание № 45). — Господарев, № 43, стр. 448—450.

Андреев, 1000 («Уговор не сердиться»).

176. Попов работник. Зап. близ с. Кадома, Рязанской губ. — Афанасьев, III, № 329, стр. 61.

Андреев (дополн. Пропп), * 1567 («Скупой хозяин и хитрый работник»).

177. Мена лошадымч. Зап. С. А. Наливкин от А. К. Душкиной (см. примечание № 171) — А. В. Бардин. Фольклор Чкаловской области. Чкалов, 1940, № 196, стр. 187 («Поп и работник»).

Андреев (дополн. Пропп), * 2001 В («Ночное дежурство»).

178. Я, Никого, Караул. Зап. Н. Е. Ончуков в 1903—1904 гг. от Г. П. Кашина (Гриши Шалай), 26 л., Архангельская губ. — Ончуков, № 251, стр. 531.

Андреев, 1701 («Я, Никого, Караул»).

179. Божья благодать. Зап. Т. К. Луценко, слоб. Верхний Карбут, Острогожского у., Воронежской губ., — В. А. Тонков. Фольклор Воронежской области. Воронеж, 1949, № 309, стр. 159—160 («Скупой поп»).

180. Перехитрил. — Газета «Безбожник», 1940, № 34, 20 октября.

Андреев (дополн. Пропп), 1775 («Голодный поп на ночлеге»).

181. Про хитрого работника. Зап. В. С. Рованова в июне 1948 г. от С. А. Хрусталева, 57 л., д. Пящозеро, Капшинского района, Ленинградской обл. — РО ИРЛИ, кол. 118, л. 32, № 37.

Ср.: *Андреев* (дополн. Пропп), 1736 («Скупой поп и работник»).

182. Поп и батрак. — Газета «Безбожник», 1941, № 8, 23 февраля.

183. Летом дрова, зимой трава. Зап. В. И. Агафонов в Сталинградской обл. — Газета «Безбожник», 1940, № 7, 1 марта.

184. На сенокосе. Зап. П. Е. Гаврилов в колхозе «Второе мая», Высоковского района, Калининской обл. — Газета «Безбожник», 1941, № 10, 9 марта.

VII. Монастырь. Монастырские нравы

185. Беззаботный монастырь. Зап. Н. В. Новиков в 1936 г. от рабочего Онежского завода В. В. Чижилова, г. Петрозаводск. — Онежск, стр. 276—278.

Андреев (дополн. Пропп), 922 («Беспечальный монастырь»).

186. Монах и прислужник. Зап. Н. Д. Комовская в 1937 г. от двух колхозников по дороге между д. Подборотня и г. Муромом. — Комовская, № 66, стр. 73—74.

Ср.: *Андреев* (дополн. Пропп), * 2101 А («Ночное дежурство»), * 2100 («Лучший сон»).

187. В деревне монах, в монастыре бык. Зап. Н. Белоруссов в 1880-х гг. от церковного сторожа Николая Дьякова, д. Овражка, Устюжского у., Вологодской губ., извлечена из статьи — Н. Белоруссов. Об особенностях в языке жителей Вологодской губернии. «Русский филологический вестник», 1887, № 4, стр. 261—262.

188. Чудо. Зап. Н. Комовская от В. С. Волкова, колхоз «Новая жизнь», Арзамасского района, Горьковской обл. — Е. Д. Вишневская. Антирелигиозный чтец-декламатор. М., 1941, стр. 515.

189. Хитрее беса. Зап. учитель Ф. А. Александров в 1930 г., Холм-Жирковский район, Смоленской обл.

190. Казак Чигуша и монах. Зап. в 1939 г. от П. К. Кондакова, 55 л., хутор Садковский, Холерского района, Сталинградской обл. — В. Головачев, Б. Лащилин. Народный театр на Дону. Ростов-на-Дону, 1947, стр. 104—105.

Пьеса разыгрывалась на казачьих гулянках, причем, как указывают собиратели, роли разгульных женщин исполняли казаки.

Бедный, но никогда не унывающий казак Чигуша — популярный образ казачьего фольклора.

191. Великий грех водку пить. Зап. В. П. Бирюков в 1936 г. от бывшего сельского учителя А. К. Молчанова (уроженца с. Никольского, Камышловского района), г. Свердловск. — РО МИРА, ф. 1, оп. 1, № 21, лл. 116—118.

192. Игра в игумены. — Рукопись: «О вечерках города Свияжска [Казанской губ.]. Составил учитель П. Андреев 22 декабря 1853 г.». — Архив ВГО, разр. XIV, № 7.

В примечании автор указывает: «Есть и еще много-много других игр и песен, которые здесь и не упомянуты по причине неподатливости и не словоохотливости простонародья на такие случаи».

193. «А пойти было к обедне». — Ал. Можаровский. Святочные песни, игры и гадания Казанской губернии. Казань, 1873, № 9, стр. 64—65 («вечерочно-хороводная»).

194. «Ох, хо, хо, я по келейке хожу». Сообщ. гр. В. Д. Толстой, с. Знаменское, Данковского у., Рязанской губ., — Шейн, I, 1, № 1066, стр. 315—316.

195. «Чернички мои, сестрички мои». Зап. учитель народного училища Кедров в 1870—1880-х гг., Зарайский у., Рязанской губ. — Шейн, I, 1, № 1065, стр. 315.

196. «Ой, девушки, вы голубушки». Сообщ. И. И. Томилин, Тимский у., Курской губ. — Шейн, I, 1, № 1067, стр. 316.

197. «Ой, старец лих, лихоманец лих». Зап. П. Н. Рыбников в 1858—1859 гг., Черниговская губ. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. 3. Изд. 2-е, М., 1910, стр. 162.

198. «Как под грушицею». Зап. Ал. Можаровский в 1860 г., Казанская губ. — Ал. Можаровский. Святочные песни, игры и гадания Казанской губернии. Казань, 1873, № 10, стр. 65—66 («вечерочно-хороводная»).

После каждой строки припев: «Да люши».

199. «Вокруг я келейки хожу». Зап. А. Я. Кокосов в 1860-х гг., Пермская губ. — А. Я. Кокосов. Круговые игры и песни в селе Ушаковском. «Записки Русского географического общества по Отделению этнографии», т. II, 1869, стр. 414—415.

200. Старица. Зап. Карнаухов в 1840—1850-х гг., г. Чердынь, Пермской губ. — Киреевский, II, 2, № 2890, стр. 319.

201. «Как под грушицею под кудрявою» (вариант предыдущей). — Н. Е. Пальчиков. Крестьянские песни, записанные

в с. Николаевке, Мензелинского уезда, Уфимской губернии. СПб., 1888, № 29 (помечена: «вешняя»).

После каждой строки припев: «Люши».

202. «Я по келейке хожу» (вариант предыдущей). — Рукописный сборник середины XVIII в., напеч.: А. Н. Пыпин. Народные стихи и песни (извлечение из рукописи). «Отечественные записки», 1858, январь, стр. 320.

После каждых двух строк припев: «Ах люли, люли, люля».

203. «Ой вы, матери-келейницы». Зап. В. И. Даль. — *Даль. Пословицы*, стр. 49.

204. «Не спасибо монаху тому». — «Воронежские губернские ведомости», 1852, № 33.

205. «Не спасибо игумену тому» (вариант предыдущей). — И. Прач. Собрание народных русских песен с их голосами. СПб., 1790, стр. 165 («хороводная»).

206. Вдова отказывается идти в монастырь. Зап. Н. А. Иванецкий в 1880-х гг., Вологодская губ. — Вологодский сборник, т. IV. Вологда, 1885, стр. 115—117.

207. «У бабушки у ворот» (вариант предыдущей). Зап. М. Халанский в 1870-х гг. Щигровский у., Курской губ. — «Русский филологический вестник», т. V, № 2, Варшава, 1881, № 60, стр. 260.

После каждых двух стихов припев: «Ой лели, лели, лели, али лей, лели, лели».

208. «Бабушка с матушкой спор завеля». Зап. Я. Кузнецов в 1898 г. от девиц на дневных посиделках, д. Третниково, Вологодской губ. — *РО ИРЛИ*, кол. 169, п. 2, № 6, лл. 8—9.

Поется наряду с духовными стихами в великий пост.

Ср.: *Соболевский*, I, №№ 295—299, стр. 382—386; *Русская баллада. Библиотека поэта*, 1936, № 235, стр. 252.

209. Чернец. Зап. Карнаухов в 1840—1850-х гг., г. Чердынь, Пермской губ. — *Киреевский*, II, 2, № 2889, стр. 318—319.

210. «Как во городе было во Кавани» (вариант предыдущей). — И. Прач. Собрание народных русских песен с их голосами. СПб., 1790, стр. 175 («хороводная»).

После каждого стиха припев: «Сдуннаи най-най» с повторением второй половины стиха

Ср.: *Соболевский*, VII, №№ 338—339, стр. 303—304.

211. «Уж и шел чернец по проулку» (вариант предыдущей). Записано в Моршанском у., Тамбовской губ. — Н. Прокунин. 65 русских народных песен для одного голоса с фортепьяно. М., 1881, № 3 («хороводная»).

212. Чурилья-игуменья. — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание подготовили А. П. Евтеньева и Б. Н. Путилов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 257—259.

213. Старец Игреницо. — Там же, где и предыдущее, стр. 227—230.

Десятильники — сборщики пошлин с монастырей и церквей.

214. «Что во Киеве во монастыре». — Рукописный сборник XVIII в. — *РО ГПБ*, Q.XIV,11, № 138; напеч.: *Соболевский*, VII, № 335, стр. 301.

После каждых двух стихов припев: «Отче владыче архимандриче человеколюбче!».

215 «Как проходит дорогая мимо кельи». Зап. Н. А. Иванецкий в 1880-х гг., Вологодская губ. — *Архив АН*, ф. 104, оп. 1, № 89.

216. «Как задумал добрый молодец спасться» (вариант предыдущей). Зап. П. И. Перевлесский в августе 1836 г., с. Зайкино, Мценского у., Орловской губ. — *Киреевский*, II, 2, № 2212, стр. 152.

217. «За святыми за воротами черничка гуляла». — В. Ф. Трутовский. Собрание русских простых песен с нотами. Под редакцией и с вступительной статьей В. Беляева. Музгиз, М., 1953, стр. 97, № 43.

Ср.: И. Прач. Собрание народных русских песен. СПб., 1790, стр. 115; *Соболевский*, VII, № 351, стр. 315.

218. «Не черничка плясала» (вариант предыдущей). Зап. П. В. Киреевский в 1837 г. от Никитушки в своем имении, Киреевская слободка, Орловской губ. — *Киреевский*, II, 2, № 1971, стр. 90.

219. «Жил-был старец один наедине». Зап. П. И. Якушкин в 1840—1850-х гг. у церкви с. Липовицы, Маловархангельского у., Орловской губ. — П. И. Якушкин. Сочинения. СПб., 1884, стр. 475.

Ср. сходный вариант: *Киреевский*, II, 2, № 2084а, стр. 121.

220. «Из монастыря Боголюбова». Аф. Рук. сб., л. 23 об. П. И. Якушкин (Сочинения, СПб., 1884, стр. 475) приводит отрывок песни, являющейся, вероятно, вариантом:

Построю я келью с дверью,
Стану я богу молиться:
Чтоб меня девки любили,
Крашенные яйца носили...

221. «Сам дуду». — Ал. Можаровский. Из жизни крестьянских детей. Этнографические материалы. Казань, 1882, стр. 70.

При пении дети разделяют стихи между собой и исполняют их разными голосами.

222. «Стрелецким ребятам полюбился монастырь». Записано в 1840-х гг., Козловский у., Тамбовской губ. — *Киреевский*, II, 2, № 1909, стр. 74.

Песня сходна с новеллой Бокаччио (Декамерон, день III, новелла I). Герой новеллы Мазетто из Лампорекино, прикинувшись немым, поступает садовником в обитель монахинь, которые все стремятся сойтись с ним.

223. Чернец идет к девушке. Рукописный песенник XVIII в. (водяной знак «1780» г.) — РО ГЛБ, ф. 249, № 34, л. 6 об. — 7 (Собрание В. А. Десницкого).

224. «Монашка малюточку родила». Зап. М. К. Герасимов в 1890-х гг., д. Клоузovo, Череповецкого у., Новгородской губ. — РО ИРЛИ, кол. 169, п. 5, № 9, л. 35—36.

Ср.: *Соболевский*, I, № 177, стр. 249; Соколовы, № 60, стр. 329; «Нижегородские губернские ведомости», 1887, №№ 4 и 40; В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, IV. М., 1903, № 27а, стр. 510.

225. «Во Питере случилась беда» (вариант предыдущей). Зап. В. И. Чернышев в 1901 г., с. Шолокша, Нижегородской губ. — Русская баллада. «Библиотека поэта», 1936, № 240, стр. 258—259 («Монашка на суде»).

226. «Петербургский монах». Зап. П. И. Перевлесский в августе 1836 г., с. Зайкино, Мценского у., Орловской губ. — *Киреевский*, II, 2, № 2259, стр. 163.

227. «Против солнца на востоке». Зап. П. И. Саввантов в 1840 г., Вологодская губ. — РО ГЛБ, Q.XVII, № 69, л. 46 об.

Ср.: Соболевский, VII, №№ 345—348, стр. 309—313.

228. Чернец и девушки (вариант предыдущей). — Рукописный песенник XVIII в. (водяной знак «1780» г.) — РО ГПБ, ф. 249, № 34, лл. 69—70 об. (Собрание В. А. Десницкого).

229. «Ой, чернец сукно снует». — В. Варенцов. Сборник песен Самарского края. СПб., 1862, стр. 248—249.

230. «Монах с Вепревой пустыни». Записано в 1860-х гг. в окрестностях монастыря Успенская Вепрева пустынь, Ярославская губ. — А. А. Титов. Успенская Вепрева пустынь. М., 1902, стр. 25. Этот же текст, но без стиха: «Монах с пустыни Вепревой» см.: А. Смирнов. Песни крестьян Владимирской и Костромской губерний. М., 1847, стр. 57.

Сюжет песни о расправе девушек с незванным гостем, однако не монахом, является чрезвычайно распространенным. Ср.: Соболевский, VII, №№ 30—38, стр. 41—49.

231. «На улице диво». Зап. П. С. Ефименко в 1860-х гг., Мезенский у., Архангельской губ. — П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1878, стр. 100 («вечериночная»).

После каждого стиха припев: «Чернечик ты мой, чернец молодой».

Ср.: Соболевский, VII, №№ 640—643, стр. 565—566; Шейн, I, 1, №№ 380—381, стр. 78.

232. «За реченькой диво» (вариант предыдущей). Рукопись Е. Т. Соловьева «Святки в среде купцов и мещан Казани. 1875». — Архив ВГО, разр. XIV. 55, лл. 28—28 об.

Песня поется на «святках» и сопровождается игрой.

233. «Чернецкое пиво». Зап. А. В. Кольцов в 1830-х гг., Воронежская губ. — П. Ухов. А. Кольцов — собиратель народных песен. — Журнал «Подъем», 1958, № 6, стр. 95.

234. «На Сеёнских горах». Зап. С. К-в в начале 1900-х гг. от А. Табонокова, г. Томск. — «Этнографическое обозрение», 1905, № 4, стр. 118—119 (озаглавлено: «Из сибирской народной сатиры»).

Песня была распространена среди мещан и мастеровых г. Томска, пелась хором, редко в одиночку.

235. «Как у Троицы было у Сергия». Зап. Л. В. Домановский 17 февраля 1941 г. в г. Кировске от Е. И. Князевой, 46 л., уборщицы, урожд. д. Александрово, Пошехонского у., Ярославской губ. — РО ИРЛИ, кол. 99, п. 4, № 13.

Напев церковный. Исполнительница переняла песню от мужа, который во время портняжества заучил ее в одном из монастырей Псковской губ.

236. «Как у Троицы у Сергия» (вариант предыдущей). РО МИРА, ф. 1, оп. 1, № 21, л. 10 (Собрание В. П. Бирюкова).

Впервые собиратель услышал песню во время учения в Пермской духовной семинарии в 1906 г., где она была широко распространена.

237. «У игумена престрашного» (вариант предыдущей). Зап. А. Сойманов в 1936 г. от рабочего Онежского завода В. В. Чижикова — Онежск., стр. 119.

238. «Как у Спаса на Новом» (старческий стих). — Аф. Рукоп. сб., лл. 23 об.—24.

В примечании А. Н. Афанасьев указывает: «В Москве слышан мною от слепца гораздо в полнейшем виде и более интересный вариант».

239. «На горе-то монастырь стоял» (вариант предыдущей). Записано зимой 1956 г. от М. М. Виноградовой, 66 л., д. Петряево, Угличского района, Ярославской обл. — Яросл., № 29, стр. 247.

По свидетельству исполнительницы, песня поется «на церковный мотив. Кто-нибудь запекает из регента, а все второй раз подпевают».

240. «Братне, братне, рассердимся» (вариант предыдущей). Записано в 1926 г. от монахов бывш. Клименецкого монастыря в Заонежье Олонецкой губ. — Газета «Безбожник», 1940, № 23, 21 июля.

241. «Достойная ты, перцовка». Записана и напечатана там же (см. предыдущее примечание).

242. «Шел солдатик из походу». Зап. В. Шяшонко в 1860—1870-х гг. на Богословском заводе, Верхотурского у., Пермской губ. — РО ГПБ, Собрание отдельных поступлений, 1948/10—2, лл. 39—39 об., № 65.

В собрании С. М. Пономарева имеются два близких варианта, записанных в 1880-х гг. в Оренбургской губ. Один из них имеет такое продолжение: монах, погуляв в зеленых лугах,

Вдоль по Шадричку проехал,
 Себе Шашеньку нашел,
 Во кабаке зашел.
 Тут себе Шашурку нашел,
 Тут и Сашу, тут и Машу,
 Тут и девицу-душу

(Архив ВГО, ф. 12, оп. 2, № 30, л. 61).

243. Монах в кабаке. Записал по памяти рабочий Кировского завода В. Т. Иевлев 18 мая 1938 г. — РО ИРЛИ, кол. 61, п. 1, № 6, лл. 8—9.

Песня исполнялась в дореволюционные годы на вечеринках в д. Монастырек, Вологодской губ.

244. Частушки. Тексты взяты из разных сборников и рукописных собраний В. П. Бирюкова, Л. В. Домановского и др.

245. Пословицы и поговорки. Большинство текстов взято из неопубликованного собрания пословиц и поговорок С. С. Нехорошева, записанных им в 1910—1920-х гг. в различных русских монастырях (РО ИРЛИ, кол. 62, п. 9); дополн.: Даль, Пословицы; Князев, стр. 63.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И МЕСТНЫХ СЛОВ

- Анало́й** — высокий столик с покатым верхом, на котором в церкви кладут иконы или книги.
- Ба́ский** — красивый, нарядный.
- Ба́тог** — палка, дубинка.
- Будя́к (бодя́к)** — репейник.
- Верто́вка** — взбучка.
- Встрева́ть** — встречать.
- Взьём** — подъем, ход в гору.
- Ви́рка (вир)** — омут и водоворот.
- Во́лок** — гужевой путь через большой лес.
- Вы́скирь** — буреломное дерево, вывороченное с корнем.
- Гра́дить** — ограждать крестным знаменем.
- Гузна** — низ чего-либо, зад.
- Епити́мия** — духовная кара, церковное наказание, запрещение.
- Жалме́рка** — солдатка.
- Зе́ять** — блистать, сверкать.
- Има́ть** — хватать, цепляться.
- Ка(о)блук** — см. Клобук.
- Кава́к** — наемный работник, батрак.
- Каве́нка** — перегородка в избе.
- Камяла́вка** — черная шапочка, носимая монахами под клобуком.
- Камы́сьи** — деньги, средства.
- Кержа́к** — раскольница, м. б. скупец, скряга.
- Клобу́к** — головное покрывало монахов.
- Кóкот** — палка, хворостина.
- Кри́ца** — глыба железа, идущая под молот для дальнейшей обработки.
- Кри́чня** — помещение, где производится обработка криц.
- Кро́сна** — крестьянский холст в куске.
- Крукы́шки** — закорки.
- Куле́ш** — кашница, похлебка с солониной.
- Ку́рник** — свадебный пирог, украшенный бумажными цветами и лентами.
- Куфтэ́рнить** — подниматься облаком.
- Лэ́стовка** — кожаные четки раскольников, староверов.
- Лутóшка** — липка, с которой содрано лыко.
- Ма́варки** — кладбище.
- Мане́рка** — походная фляга для воды.
- Мотоу́с** — бечевка, шнурок, веревка.
- Оксти́ть** — окрестить.
- Окти́ния (екте́ня)** — ряд молитвенных прошений, произносимых во время богослужения.
- Опру́жить** — опрокинуть.

- Осечка — отрепанное прясло льна.
 Партёс, партёсное пение — церковное хоровое пение.
 Пёстерь — плетеная корзина (из прутьяка, бересты, лубка).
 Пёмы — один из видов зимней обуви.
 Пёбыт — порядок, образ действия.
 Подожок — посох.
 Пречённик — (искаж.) причетник.
 Приушмариться — убится.
 Простой — пустой.
 Пястка — горсть.
 Сварако́сить — отслужить, сделать кое-как.
 Седало — насест.
 Скабёрка — церковная кружка для сбора денег.
 Соломатный (от соломата) — жидкий кисель, мучная кашница (болтушка).
 Сустревать — встречать.
 Тяпушка — жидкое месиво, толоконная болтушка на воде или квасе.
 Чашник — чашка для виночерпия.
 Шанька — род ватрушки (с кашей, картофелем, творогом), сдобренной сметаной, или хлебец, облитый маслом или сметаной.
 Шаражится — кривляется, корчится, ломаться.
 Шквёрня — щеля.
 Шомуша — комнатка за перегородкой, особый темный покойчик в снях, чулан, летняя спальня.
-

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Л. В. Домановский и Н. В. Новиков. Русский антицерковный фольклор	3
I. Священное писание, бог и святые. Представление о рае и аде	
1. «Священско писание»	23
2. Как солдат обучал «закону божьему»	23
3. Вестовой у генерала на вестях, или солдатское «Отче наш»	25
4. Как дьякон мир сотворил	28
5. Поп завирало	28
6. Как прихожанин попа персхитрил	29
7. Дележ по священному писанию	29
8. Сторицею	30
9. «Что сказал Давид?»	31
10. Слишком добрый поп	32
11. Чужого прихода	32
12. Богомольцы	32
13. Как мужик согрешил	32
14. «Лезет со святителями»	33
15. Что мне, а что богу	33
16. «Не благословен бог наш»	34
17. Спор	34
18. Что сегодня бог делает	35
19. Спор черта с богом	35
20. Суд святых	36
21. Отчего бог помер	37
22. Путаник	38
23. Про Илью	39
24. Как пьяница в рай попал	39
25. Солдат на том свете	40
26. Кузнец и черт	44
27. Мужик на небе	46
28. Небылица	47
29. С заднего колеса	48
30. Не любо — не слушай	48
31. «Во время оно»	49
32. «Пришел я в великий пост»	49
33. «Жил-был дельный купец»	50
34. Частушки	52
35. Пословицы и поговорки	54

II. Церковь и духовенство на службе у власть имущих

36. Как черт на мужика хомут надел	55
37. Царская милость	56
38. Илья Муромец в ссоре со Владимиром (отрывок)	58
39. «Говорили крестьяне попам»	59
40. Дуда	59
41. «Упокой и помяни, боже»	60
42. «Господи, помилуй»	60
43. «Помяни, господь, петроаводских купчиков»	61
44. Пословицы и поговорки	61

III. Церковные «чудеса». Иконы. Суеверия и предрассудки

45. Правда о святом Феодосии	63
46. Святой Пантелеймон	65
47. Святой Авраам	70
48. Пятенка-просвятенка	71
49. Поп и дьякон	73
50. Как барину поп ворожил	74
51. Попы	77
52. Нетленные мощи	77
53. Никола Летний и Никола Зимний	78
54. «Его святая воля»	79
55. Старухина молитва	79
56. Микола Дупленский	80
57. Либо в рай, либо в ад	81
58. Как старуху крестили	82
59. Ковлы	82
60. Кобель ломохвостый	83
61. Как воры попа напугали	84
62. «Черт» в яме	85
63. Откуда черти брались	85
64. «Полегчало»	87
65. Пословицы и поговорки	87

IV. Религиозные праздники. Обряды. Молитвы. Богослужение

66. Спор попа с муллой	90
67. Каждый день праздник	90
68. Пряжа	91
69. Цыган на исповеди	92
70. Поповские хомуты	94
71. Кому что	95
72. Не поделили	95
73. Вразумил	96
74. Поп-мужик	96
75. Поп Пахом	97
76. Безграмотная деревня	98
77. О дьяконе, который нюхал табак	99
78. Про попа и немую девочку	100
79. Поп-музыкант	101
80. «За рекой было, за речушкой»	102
81. Царь Максимиан (отрывок)	103
82. Царь Максимилиан (отрывок)	106
83. «Венчанье»	109

84. «В церкви три колокола звонят»	109
85. «Шел я по горочке»	109
86. «Подобны»	110
87. Подражания «Рождеству»	111
88. Подражания пасхальному канону	111
89. «Ехал поп Макарий»	112
90. Хоровые с церковным мотивом	112
91. «Уж ты, бабушка келейница»	114
92. «Баба ты, баба, государыня в лаптях»	114
93. «Прошла Митровска суббота»	115
94. «Как и новешняя весна»	116
95. «А мы масленицу дожидаем»	117
96. «На горе стоит дуб зеленый»	117
97. Насильственное крещение	118
98. «Взойду ль я, взойду ль я»	118
99. Частушки	119
100. Пословицы и поговорки	121

V. Духовенство и его нравственный облик. Религиозное ханжество

101. Видел ли архиерей душу человека	124
102. Умная жена.	126
103. Две старухи и архиерей	128
104. Каков архиерей	129
105. Архиерея венчают	129
106. Откуда поп	129
107. Собачьи похороны	129
108. Похороны козла	131
109. Кирик	133
110. «Сын божий»	134
111. Жадный поп	135
112. Поп одичал	136
113. Как у помещика потерялась корова	139
114. Петушок	142
115. Поп-сапожник	142
116. Поповские потребности	142
117. Поминки	143
118. Поп и работник	143
119. «Люли»	144
120. Хитрый поп и парень	145
121. Поп и мальчик	145
122. «Батюшка, не слыхала»	146
123. Поповские увертки	146
124. Небесный обед	146
125. Курочка	146
126. «Нет лучше житья попу»	147
127. «Не пыль-то в поле поднимается»	147
128. «Машенька счастливая была»	147
129. «Ах ты, мать моя, мамонька»	148
130. «Хожу я по улице, да не нахожуся»	148
131. «Как во поле было, поле»	149
132. «Я родилась в новой бане на полке»	150
133. «Деревня от деревни»	150
134. «Поп — гудило безбородый»	151

135.	«Поп, ты гулял, поп буян»	152
136.	«Как и троицкий поп»	153
137.	«Как повадилась Анюша»	153
138.	«Уж вы, стары старики»	155
139.	Староверский поп	155
140.	«Во Шадринском во селенье»	157
141.	«Ах где, жена, была?»	158
142.	«У попа была беседа»	158
143.	Ревнивый поп	159
144.	«У попа была работница»	160
145.	Как поп угодил в солдаты	160
146.	«У нас было в селе Поливанове»	161
147.	«Спомни, сдумай, Коваль Васька»	161
148.	«Таракан дрова рубил»	161
149.	«Девки поповы»	162
150.	«Поповы-то детки»	163
151.	«Чу, чу, чу, я горошек молочу»	163
152.	«Головушка бедная»	164
153.	«Ехал поп на свинье»	164
154.	Частушки	165
155.	Пословицы и поговорки	165

VI. Поп и мужик. Поповы работники

156.	Хитрый мужик и жадный поп	170
157.	Хитрый мужик	171
158.	Как поп летал	173
159.	Шуба-самолет	174
160.	Как ангелы попа унесли	175
161.	Портной	181
162.	Как кузнец попа проучил	181
163.	Кузнец и поп	182
164.	Поп и мордвин-колесник	183
165.	О жадных попах и умном Иване	183
166.	Про Назарка	186
167.	Как пастух попа и дьякона утопил	190
168.	Как попы купались	190
169.	Состязание во лжи	191
170.	Чего на свете не бывает	192
171.	Про попа	194
172.	Богородицына травка	195
173.	Батрак	196
174.	Про попа и Евлашку	201
175.	Поп и работник	204
176.	Попов работник	206
177.	Мена лошадыми	207
178.	Я, Никого, Караул	209
179.	Божья благодать	211
180.	Перехитрил	211
181.	Про хитрого работника	212
182.	Поп и батрак	213
183.	Летом дрова, зимой трава	213
184.	На сенокосе	213

VII. Монастырь. Монастырские нравы

185. Беззаботный монастырь	214
186. Монах и прислужник	216
187. В деревне монах, в монастыре бык	217
188. Чудо	218
189. Хитрее беса	218
190. Казак Чигуша и монах	218
191. Великий грех водку пить	220
192. Игра в игумены	221
193. «А пойти было к обедне»	223
194. «Ох, хо, хо, я по келейке хожу»	224
195. «Чернички мои, сестрички мои»	225
196. «Ой, девушки, вы голубушки»	226
197. «Ой, старец лих, лихоманец лих»	227
198. «Как под грушицею»	227
199. «Вокруг я келейки хожу»	228
200. Старица	229
201. «Как под грушицею под кудрявою»	230
202. «Я по келейке хожу»	230
203. «Ой вы, матери-келейницы»	231
204. «Не спасибо монаху тому»	231
205. «Не спасибо игумену тому»	232
206. Вдова отказывается идти в монастырь	232
207. «У батюшки у ворот»	233
208. «Батюшка с матушкой спор завели»	234
209. Чернец	235
210. «Как во городе было во Казани»	236
211. «Уж и шел чернец по проулку»	236
212. Чурилья-игуменья	237
213. Старец Игронцо	239
214. «Что во Киеве во монастыре»	242
215. «Как проходит дорогая мимо кельи»	242
216. «Как задумал добрый молодец спастись»	243
217. «За святыми за воротами черничка гуляла»	243
218. «Не черничка плясала»	244
219. «Жил-был старец один наедине»	245
220. «Из монастыря Боголюбова»	245
221. «Сам дуду»	246
222. «Стрелецким ребятам полюбился монастырь»	246
223. Чернец идет к девушке	246
224. «Монашка малюточку родила»	247
225. «Во Питере случилась беда»	248
226. «Петербургский монах»	248
227. «Против солнца на востоке»	249
228. Чернец и девушки	250
229. «Ой, чернец сукно снует»	251
230. Монах с Вепревой пустыни	251
231. «На улице диво»	251
232. «За реченькой диво»	252
233. «Чернецкое пиво»	252
234. «На Сеенских горах»	253
235. «Как у Троицы было у Сергия»	254
236. «Как у Троицы у Сергия»	255
237. «У игумена престрашного»	255
238. «Как у Спаса на Новом»	256

239. «На горе-то монастырь стоял»	256
240. «Братие, братие, рассердимся»	257
241. «Достойная ты, перцовка»	257
242. «Шел солдатик из походу»	257
243. Монах в кабаке	258
244. Частушки	258
245. Пословицы и поговорки	259
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	264
ПРИМЕЧАНИЯ	266
СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И МЕСТНЫХ СЛОВ	285

**РУССКОЕ НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО
ПРОТИВ ЦЕРКВИ И РЕЛИГИИ**

Утверждено к печати

Институтом русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР

Редактор издательства *Е. М. Прокофьева*. Художник *Д. С. Данилов*

Технический редактор *Р. А. Аромс*

Корректоры *Т. Н. Бозданова-Каткова, Н. Е. Фатина* и *Л. Э. Фрадкина*

Сдано в набор 29/XII 1960 г. Подписано к печати 20/II 1961 г. РИСО АН СССР
№ 83—108В. Формат бумаги 60 × 92/16. Бум. л. 9¹/₈. Печ. л. 18¹/₄ = 18¹/₄ усл.-печ. л.
Уч.-изд. л. 17,87. Изд. № 1316. Тип. вая. № 967. М-07163. Тираж 3000.

Цена 1 р. 17 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12